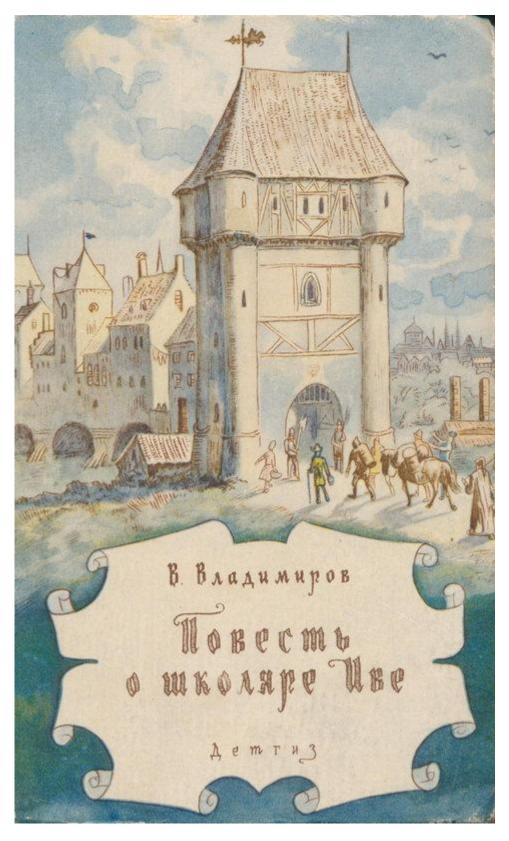
Владимир Николаевич Владимиров Повесть о школяре Иве

В. Владимиров ПОВЕСТЬ О ШКОЛЯРЕ ИВЕ

Глава I ЛЕС

Значит, это была колдунья?!

- Несомненно: нос крючком, седые космы волос, усы, горб и один-единственный лошадиный зуб верные приметы!
  - Но ведь она сказала, что она из деревни и собирает целебные травы.
  - Да, чтобы варить свои колдовские зелья!
  - Значит, мы пропали?
- Почему? Когда мы сказали ей, что заблудились, она посоветовала нам найти ручей и идти по его течению. Ручей мы нашли, надо исполнить остальное. Она просто оказалась доброй колдуньей.
  - Но ручей может нас вывести вовсе не к Парижу!
- Куда бы он ни вывел, он выведет из этого проклятого леса, где мы плутаем с тобой вторые сутки. И нечего терять время, идем! Хочешь, я спою тебе мою лучшую песню? Это приободрит тебя. Из всех жонглеров я один пою ее. И он протянул руку к лежащим рядом с ним в траве виоле трехструнной скрипке и смычку.
- Мой дорогой Госелен. я думаю, что было бы благоразумнее, если бы мы попытались изловить одну из этих рыбок и приготовить из нее похлебку, она насытила бы нас лучше

твоей песни.

- Знаешь что, Ив? Мы познакомились с тобой на большой дороге всего три дня назад, и, если память мне не изменяет, ты уже оскорбил меня раз десять! Ты мечтаешь поступить в ученики к одному из парижских магистров. Имей в виду, что дерзких школяров в школах Парижа секут, и пребольно!
- Смотри! Смотри! крикнул будущий школяр, наклонившись над ручьем. Вот так рыбина! У нее две головы!
  - Постаралась все та же добрая колдунья, не иначе!

С этими словами жонглер бросился к ручью, сорвал со своей головы шапочку, и через мгновение в ней трепыхалась диковинная форель. А Ив, достав из своего холщового мешка котелок, огниво и кремень, набрал хворосту и домовито принялся за разжигание костра и варку похлебки.

Госелен лег на спину, заложив руки под голову.

— Ах, — вздохнул он, — сейчас самое веселое время в Париже, самая большая ярмарка! Труверы севера и трубадуры 1 юга, жонглеры Артуа и Вирмандуа, Шампани и Лангедока — все собираются в Париже. Ты себе представить не можешь, какое это веселье, какая жизнь! И что может сравниться с привольным житьем стихотворца—певца! Едет он на своем коне, за ним — слуга... Да, был и у меня свой конь, был и слуга, но — увы! — все это оставил у себя мой трувер... Остановишься, бывало, на ночлег в придорожной таверне, ешь, пьешь на столько су, на сколько хочешь, накормишь и коня и слугу, а расплатишься стихами или песней. Купцы при ввозе в Париж своего товара, а вилланы 2 — продовольствия платят пошлину деньгами, а мы, жонглеры, — песней, игрой на виоле, прыжками сквозь обручи. Ни один праздник не обходится без жонглера. Турнир 3, посвящения в рыцари, а чаще всего — церковные праздники и ярмарки. Всюду — жонглер! Клирики 4 преследуют труверов, прославляющих любовь, а нас признают, потому что мы поем о делах знатных рыцарей и князей церкви — епископах, о житиях святых. Вот ты увидишь, что такое большая парижская ярмарка. Толпа колышется, как морские волны, кричит, хохочет. Поют виолы, звенят ситолы и арфы, гудят бубны. А на помосте над морем голов — жонглер!

Госелен вскочил на ноги и, подняв высоко одной рукой виолу, а другой – смычок, воскликнул:

- «Слушайте меня, рыцари и солдаты, горожанки и горожане, бароны и мудрые клирики, умеющие читать, прекрасные дамы и девушки, и вы, маленькие дети, слушайте меня все мужчины и женщины, малые и большие!..» И какой дьявол затащил нас в этот лес?!.
- Тот самый, отозвался Ив, стоя на коленях и раздувая плохо разгорающиеся сыроватые ветки, который сейчас лежал на траве и мечтал о вольной жизни, вместо того чтобы помочь мне скорее сварить похлебку.
- Опять?! обидчиво воскликнул Госелен. Ты отказался слушать мою лучшую песню, теперь ты сравниваешь меня со злым духом! Ты забыл, наверно, что, когда я звал

¹ Труверы и трубадуры – певцы, сочинители песен о подвигах народных героев, о житиях святых, о любви рыцарей и «дам их сердец».

² Вилланы – крестьяне.

³ Турнир – рыцарская военная игра на лошадях, поединок двух шеренг вооруженных всадников или отдельных рыцарей.

⁴ Клирики – лица духовного звания.

⁵ Ситола – цитра.

тебя укрыться в лесу от жары, ты с радостью согласился и ты же, обрадовавшись орехам, затащил меня бог знает куда!

- Не сердись, я пошутил, добродушно сказал Ив. Помни, что мы условились быть добрыми друзьями. Мы оба дружно вошли в лес и дружно ели ежевику и орехи, оба дружно...
- Ха-ха! И дружно заблудились! Ты прав. Давай так же дружно добираться до веселого Парижа!

Госелен подбежал к Иву, стал на колени рядом и вместе с ним принялся раздувать огонь.

Заросли орешника обступили стремительно бегущий по разноцветным камешкам звенящий ручей. В его прозрачной воде весело шныряли взад и вперед форели – голубые, с красными и белыми пятнышками. Заросли эти были частью дремучего леса, каких множество было тогда, в начале XII века, в Северной Франции.

В лесу царил полумрак. Густая листва огромных столетних дубов, лип, вязов переплеталась и скупо пропускала солнечный свет. Колючие ветки диких яблонь и вишен, цепкие, усаженные шипами стебли ежевики, орешник непроходимой зарослью обеспечивали приют всякому зверью и птицам — завидной добыче охотников и птицеловов. Медведи, волки, лисицы, белки, куницы, рыси, дикие кошки, барсуки, олени, кабаны, дрозды, соловьи...

Таинственная сторожкая тишина нарушалась еле уловимыми для человеческого слуха звуками: прошуршит распластанными по земле листьями фиалок саламандра, мелькнув ярко-желтыми пятнами на черных боках; малиновка с оранжевым горлышком кинется за червячком и упорхнет с ним в дупло; проскользнет змеей безногая ящерица-медяница. Ночью вылезет из своей норы на склоне оврага увалень коротконогий барсук, отправляясь поживиться кореньями, падалью яблок или крольчонком; трусливо прислушивается он к каждому шороху и робко похрюкивает. И только ручей неустанно пронизывает тишину своим стеклянным звоном.

Когда в ненастные ноябрьские дни несется с океана штормовой ветер, великаны—деревья не дрогнут, крепко держатся, широко расставив глубоко в земле огромные узловатые корни, и только гудят вершинами, словно ветер принес с собою голос морского прибоя. А под ними все та же тишина, зловещая в эту сумрачную, дождливую пору. Веками хранит она немало темных людских поступков и кровавых преступлений разбойничьих шаек с больших дорог и грабительских отрядов рыцарей, ради наживы нападающих на торговые караваны купцов или на отряды своих исконных врагов — таких же, как и они, рыцарей—феодалов, междоусобные войны с которыми за личные обиды они вели из поколения в поколение.

Редкий путник осмелится укрыться в лесу от непогоды, уйти в глубь его для отдыха. Каких только волшебных сказок и страшных легенд про леса не создал французский народ! Каких поэм и повестей не слагали про них труверы — поэты—певцы того времени! Они населяли леса злыми колдунами, огнедышащими драконами, огромными львами, козерогами и диковинными птицами. Заколдованная тишина дремучего леса столетиями хранила свои жуткие тайны.

Хотя форель и была двухголовая, она не утолила голода, Но зато дала повод Госелену рассказать, как колдуньи делают на расстоянии все, что им вздумается, — пример тому эта рыба. Когда в траве юркнула саламандра, на мгновение задержав свой бег и словно рассматривая сидящих у костра, Госелен сказал, что это неспроста — ведь саламандры тушат огонь, об этом говорил ему не более не менее, как один очень ученый каноник ^{6} , — и что колдунья, продолжая им покровительствовать, послала саламандру потушить их костер, значит, надо скорей уходить, чтобы засветло выбраться из леса. Доводы были настолько

⁶ Каноник – соборный священник.

убедительны, что Ив не мог с ними не согласиться. Затоптав костер, надев на спину мешки, они снова стали пробираться вдоль ручья сквозь зеленые заросли.

– Вот твоя добрая колдунья, – сказал Ив, – несмотря на то что все умеет, не избавила нас от этих отвратительных колючек. Смотри, на что похожи наши блио.

И действительно, рукава и полы их камзолов, узких в талии и доходящих до колен, были изрядно изорваны. Изорваны были и узкие, облегающие ноги штаны бурого цвета у Ива и разноцветные (одна штанина красная, другая зеленая) у Госелена. Он хвастался, что происходит от знатного сеньора, почему и штаны у него двух цветов. Исцарапаны были и кожаные низкие сапоги.

Госелен засмеялся:

– Не унывай, мой друг! Нам только добраться до Парижа, а мне – спеть там мою песню, и, клянусь святым отцом⁷, у нас будут блио и штаны на удивление всем!

Молодость брала свое — ведь Госелену было девятнадцать лет, а Иву семнадцать. У Госелена были белокурые вьющиеся волосы, светлые глаза и белое смазливое, немного женственное лицо с ярким румянцем. У Ива из-под широкополой, глубоко сидящей на голове суконной шляпы свисали до плеч каштановые волосы Лицо было смуглое, скуластое, с тонким, с горбинкой носом и смышленым взглядом больших темных глаз.

– Не забывай, мой друг, – продолжал Госелен, – что у меня вот здесь, – он хлопнул себя по груди, – зашито письмо к одному богачу марсельцу, хозяину таверны. А письмо от того самого каноника.

Долго болтал Госелен, описывая привольную жизнь в Париже.

Ив шел следом за ним, думая о своем. Он знал об этом случайном спутнике столько же, сколько тот о нем, а именно: что Госелен — жонглер, служил труверу и кормился у него, что тот его бросил, а может быть, просто прогнал, что родом он откуда-то из Шампани. Вот и все. А он сказал Госелену, что родился в деревушке близ Шартра и идет учиться в одну из парижских школ, И тоже все.

Мыслей у Ива было много, и делиться ими с первым попавшимся человеком он не хотел. Не по летам был рассудителен Ив. Он не счел нужным рассказывать о том, что он сын простого виллана, что его отец, как и всякий крестьянин, копается с утра до ночи на жалком клочке земли в сто туазов 8 и почти весь урожай отдает за подати знатному рыцарю – владельцу земли, ходит в рваной одежде, подпоясанной веревкой, обувается воловью кожу, обмотанную лыком до колен, и спит на голой соломе. Что его мать умерла, когда он был совсем маленьким. Не хотел он говорить и о том, что и у него в подкладке камзола тоже зашито драгоценное для него письмо к известному в Париже магистру 9, написанное деревенским священником. Этот священник был единственным грамотным человеком не только во всей деревне, но и во всей округе. Когда жене местного сеньора приходила охота послушать чтение священного писания, его вызывали в замок. Он-то и научил Ива латинской азбуке и с голоса молитвам «Отче наш» и святой деве. Когда Ив научился складывать буквы в слова и писать их, выучил молитвы, священник, зная бедственное положение его отца, посоветовал Иву идти в Париж и устроиться в одну из школ, славящихся своими учителями по всей стране и за ее рубежами. «Париж – город науки, – говорил он, – туда стекаются отовсюду, как к источнику вод живых, орошающих поверхность всей земли». Школы готовят церковнослужителей, учителей и переписчиков книг. «В основе учения, - говорил он, – семь ступеней лестницы премудрости, по ним надо взойти школяру к свету знания». И добавлял латинскими стихами:

⁷ Святым отцом – то есть папой римским.

⁸ Туаз – земельная мера, равная 1,8 метра.

⁹ Магистр – учитель.

Грамматика говорит, диалектика учит истине, риторика расцвечивает речь.

Музыка поет, арифметика считает, геометрия рассматривает, астрономия изучает светила.

И старик раскрывал большую старую книгу в деревянном, обшитом кожей переплете с листами пергамента, покрытыми ровным письмом с искусно переплетенной красной, зеленой и голубой вязью заглавных букв и показывал на одной из страниц изображение грамматики — «матери и основы семи свободных наук». Она была изображена в виде царицы, покоящейся под древом познания добра и зла. На голове ее — корона, в правой руке — нож для подчистки ошибок в рукописях, а в левой — связка прутьев для наказания нерадивых учеников. Священник говорил, что переписывание книг — «это подвиг бессмертный», и на особенно усердных переписчиков нисходит божья благодать. Так, у одного монаха, когда потух светильник, засияли пальцы левой руки, освещая страницу, которую он переписывал.

Он внушил своему ученику любовь к чтению, а с ней и страстное влечение к знанию, мечту стать таким же ученым, как и его учитель.

Отец Ива склонился на уговоры священника и отпустил сына в Париж: может быть, он, окончив учение в школе, станет сам учителем или клириком – им живется легче и лучше, чем вилланам.

Выслушав всяческие наставления отца и своего учителя, Ив стал собираться в далекий путь. Вместе с благословением старый священник подарил своему ученику небольшую книгу изречений отцов церкви, тщательно переписанных им самим. В конце последней страницы была сделана мелкая надпись: «Священника Гугона в молитвах помяните, что во Христову славу сию книгу написал». Ив с особенной тщательностью завернул и перевязал веревочкой этот подарок и уложил его на дно своего дорожного мешка.

После трогательного прощания с двумя единственными близкими для него людьми, провожаемый их лучшими напутствиями, полный надежд на успех задуманного, Ив бодро зашагал по большой дороге, ведущей в Шартр – столицу графства, а оттуда на северо-восток – в Париж, сто двадцать лет назад, в 987 году, ставший столицей французского королевства. «Город ни с каким иным не сравнимый, – как говорил Иву его деревенский наставник, – основанный в древности кельтским племенем паризиев на двух больших островах широкой полноводной Сены и названный ими «Лутуэци». Римляне, завоевавшие «Кельтскую Галлию», называли этот город «Лютеция паризиев», а франки, пришедшие в V веке на смену римлянам, называли город «Паризия».

Вот уже прошло шесть дней, как Ив покинул свою родную деревню, и всю дорогу в мечтах своих он рисовал себе этот великолепный город, «ни с каким иным не сравнимый», «город науки» и его будущего счастья.

Так шли они друг за дружкой, не останавливаясь, торопясь выйти из леса. Зелень закрывала свет, не давала прохлады: день был очень жаркий. Голова кружилась от духоты и дурманящего запаха увядающих трав. Болтавший вначале Госелен умолк. Слышался шелест раздвигаемых ими веток, сухой хруст под ногами и однообразный звон ручья.

Прошло много времени, наконец над головами путников стали то и дело появляться ярко—синие просветы. Лес поредел, и вскоре ручей вывел их на светлую и широкую поляну, всю усеянную цветами белых ромашек и лиловых колокольчиков. На верхушках деревьев искрились красновато—золотистые отсветы солнца — день шел к концу. На краю поляны, окруженной яркой зеленью диких яблонь, уродливым скелетом огромного чудища, растянувшего в стороны исковерканные лапы, торчало обожженное молнией дерево.

— Отдохнем? — предложил Госелен. — Время еще не такое позднее, — кивнул он на небо. — А кстати и подкрепимся. Смотри сколько!

Он бросился к кустам, обильно покрытым крупными черными, с сизым налетом ягодами. Сняв свои мешки и набрав полную шляпу ежевики, друзья уселись и начали

угощаться сладким и смолистым соком.

От высокой травы, от цветов тянуло душистой свежестью. Где-то неподалеку ворковала горлица.

Поев ягод, Ив лег на траву. По стебельку травки ползла вверх божья коровка, срывалась и снова ползла. Добравшись до верхушки стебелька, она сидела не двигаясь. Ив загадал: если полетит — удача. Божья коровка раскрыла коробочку спинки, выпростала из нее прозрачные крылышки и улетела, мигом растаяв в синеве неба. Словно отвечая на мысли Ива, Госелен сказал:

— Спасибо колдунье — все идет как нельзя лучше. Это она послала нам поляну с ежевикой. Теперь для полной удачи она должна послать нам...

Он не договорил и вскочил на ноги. Ив приподнялся.

- Слышишь? тихо спросил Госелен.
- Слышу.
- Это рог.
- Это рог.
- Далеко.
- Далеко.

Они стали напряженно прислушиваться. Им казалось, что звук рога доносится то с одной стороны, то с другой, то приближаясь, то удаляясь. Прошло немного времени, и они услыхали совсем близко легкий бег, треск, шуршание. С дальнего от них дуба вспорхнула горлица и взвилась в высоту. Из зарослей вокруг дуба выскочил на поляну стройный олень с ветвистой короной рогов. Он остановился, испуганно озираясь, тяжело поводил боками и раздувал ноздри. Ноги его дрожали. Иву стало жаль этого загнанного охотниками животного. Видно было, что олень пронесся по лесу не одно лье. Но стоял он только одно мгновение и, оглянув поляну, пересек ее и снова ринулся в лес, спасаясь от погони.

Тотчас в той же стороне послышался тяжелый топот, хруст, бряцание. Подминая под себя кусты, на поляну выбежал огромный вороной конь с лохматыми ногами и длинной гривой. Слышно было, как он тяжело и часто сопит.

На коне сидел рыцарь. Под коричневым дорожным плащом с капюшоном виднелись переплетенные кожаными ремнями широкие ножны короткого меча и рог на металлической цепи. Красные штаны туго облегали мускулистые ноги в зеленых полусапожках с длинными шпорами. С одной стороны седла был прикреплен лук, с другой — колчан со стрелами. Сдерживаемый сильной рукой, конь уперся передними ногами в землю, мотал головой, гремел удилами, разбрасывал клоки белой пены и тянулся к ручью. Всадник отпустил повод и позволил коню жадно припасть к воде.

Ив успел разглядеть, что рыцарь молод, высокого роста, широкоплеч, с сильно загорелым лицом, небольшой бородой и усами. На непокрытой голове поблескивал металлический обруч, сдерживающий длинные темные волосы.

Черный скелет обожженного молнией дерева кривлялся, словно хохотал за его спиной. Заметив людей, рыцарь крикнул им:

– Оэ! Куда побежал олень?

Госелен сорвал с головы шапочку и поднял руку, готовый ответить, но Ив схватил эту руку и, пригнув ее, крикнул рыцарю:

– Вон туда, сир!

И указал в сторону, противоположную той, куда скрылся олень.

Через мгновение вздернутая рыцарем морда коня взметнулась вверх, он встал на дыбы, повернулся на задних ногах и, сделав прыжок, перемахнул через ручей, пронесся по поляне мимо отскочивших в испуге Ива и Госелена и, растоптав кусты ежевики, умчался в лес.

- Зачем ты это сделал? с досадою сказал Госелен.
- Мне жаль оленя.
- А рыцаря? Ведь он теперь...
- Погляди-ка, перебил его Ив, показывая по направлению к сожженному дереву.

Госелен увидел на ветке дикой яблони, где стоял рыцарь, обрывок его плаща.

Зацепился, когда крутнул коня, – сказал он. – Надевай мешок, и пойдем скорей!

Они перешли поляну. У ручья стали на колени и напились воды, черпая ее сложенными ладонями. Потом Госелен перепрыгнул через ручей и, сняв с ветки обрывок плаща, сунул его в свой мешок.

– Пригодится на что-нибудь, – сказал он, возвращаясь. – Пойдем скорей!

И они снова зашагали вдоль ручья.

Шли долго и на этот раз молча. Ветви деревьев опять сомкнулись над их головами и закрыли свет.

Усталость, голод и боязнь остаться на ночь в лесу не располагали к разговорам. Обоим хотелось одного – как можно скорей выбраться из этого тесного, гнетущего сумрака.

И вот снова где-то далеко впереди зазвучал рог. Но звук его не был похож на звук рога рыцаря—охотника Он не был таким резким и высоким и не бросался, как тот, из стороны в сторону, а спокойно звучал и, прерываясь, снова звучал все в той же стороне. Потом к этому звуку стали примешиваться другие — ржание лошади, лай собаки. Вместе с приближением этих звуков редел лес, появлялись над головой клочки неба. И наконец, не без участия благодетельной колдуньи, кусты быстро расступились, а деревья подняли свои ветви и раскрыли над головами путников небо и в нем облака, розовеющие отсветами угасавшего дня. Ручей умолк, затерявшись в высокой траве. Перед Ивом и Госеленом оказалась опушка леса. Они бегом бросились к ней.

Первое, что они увидели, была ветхая, древняя часовня, вросшая в землю своими округлыми стенами из дикого камня с широкой шапкой конусообразной черепичной крыши и на ней — покосившейся звонницей с низким каменным крестом. Часовня стояла на перекрестке дорог. Одна из них круго поворачивала за край леса. Глядя на часовню, Ив вспомнил свою деревенскую церковь. Но та была больше и с высоким шпилем, украшенным железным петухом-флюгером. Священник, учитель Ива, говорил, указывая на петуха: «Провозвестник дня, будящий сонных». И не совсем вразумительно объяснял, что петухов ставят на шпили церквей как знак призыва к молитве.

Обойдя часовню, Ив и Госелен очутились на вершине высокого холма и остановились, глядя на открывшуюся перед ними картину. Во всю необозримую ширину горизонта тянулась багровая полоса заката с пылающими над ней неподвижными золотистыми облаками, похожими на сказочных животных. С холма спускалась дорога, теряясь между полями колосящейся ржи. По его склонам кудрявились дубовые рощи, тянулись полосы виноградников, виднелись соломенные кровли деревенских домов, окруженных фруктовыми садами. Глубоко внизу лежала широкая долина Ее обступили многочисленные холмы. На них – леса, поля, луга и дороги, дымящиеся пылью от возвращающихся с пастбищ стад. И в самой глубине, словно разбросанные стальные пластины, сверкали отсветы двух больших рек и притоков.

Ив стоял очарованный, полной грудью вдыхая душистый воздух полей и лугов. Перед его глазами раскрылся огромный, не виданный еще им чудесный простор.

- Вот он! - воскликнул Госелен, указывая на далекие, еле различимые в темно-сизой дымке тумана у подножия холмов очертания города и ярко вспыхивающую точку, видимо крест на одной из высоких колоколен.

«Вот он наконец!» – с восторгом повторял про себя Ив.

- Идем скорей!! сказал он, хватая Госелена за руку.
- Постой! Ты видишь там? кивнул Госелен на дорогу у леса.

Ив обернулся:

- Какое нам до них дело? Уйдем скорей!

На этот раз Госелен схватил его за руку:

Куда ты спешишь? До Парижа рукой подать. Сам видишь – прямо по этой дороге.
 Успеем. Давай посмотрим лучше, что это за люди.

Иву вспомнились напутственные слова отца: «По дороге держись подальше от всех,

особенно от знатных».

- Пусти! Я пойду один! крикнул он.
- Не пущу!
- Ты сумасшедший!
- Может быть. А ты просто дурак! Как ты не понимаешь, что кошелек, в котором много денег, лучше, чем пустой, особенно если его хозяин идет в Париж! Когда представляется возможность заработать, надо ее использовать. Эта встреча нам как нельзя более кстати, и никакого сомнения, что ее устроила нам наша добрая колдунья! Ты, право, дурак!

Упоминание о колдунье, которая так удачно указала им дорогу и как будто и вправду охранила их от всяких лесных опасностей, несколько поколебало решение Ива.

Из-за угла леса на повороте дороги появилась свора гончих собак, черных с рыжими подпалинами и белых с желтыми пежйнами, длинноухих и тупорылых, с длинными тонкими хвостами. Ив сразу признал в них охотничьих псов, каких он не раз видел бегущими по крестьянским полям и лугам в погоне за лисой или зайцем, а за ними мчались, топча посевы и травы копытами своих коней, охотники — владелец деревни и его люди. Так и сейчас: следом за собаками вышли псари с длинными кнутами на плечах и легкими копьями в руках, а за ними человек десять всадников с луками, копьями, охотничьими рогами. Впереди, на гнедой лошади с украшенной разноцветными лоскутами уздечкой и круглой металлической бляхой на лбу, сидел, подбоченясь, старик с землистым цветом лица, с провалившимися щеками и острыми скулами, с бегающим взглядом маленьких белых глаз с красными воспаленными веками и с длинными седыми волосами, топорщившимися в стороны из-под круглой шапки. Сквозь редкие волосы седой и длинной бороды поблескивала цепочка, сдерживавшая на груди темный плащ. Увидев у часовни людей, он остановил охоту и приказал ехавшему за ним человеку привести их к себе. Подходя, Госелен снял шапочку, Ив за ним — свою шляпу. Гнусавый, тусклый голос крикнул:

– А–а, жонглер! Тебя-то мне и надо! У нас скоро празднество. Пойдешь с нами! Госелен отвесил низкий поклон, поведя шапкой по земле.

- А этот виллан? продолжал гнусавить старик.
- Сир, ответил Госелен, это школяр и мой давнишний друг. Мы шли в Париж. И, если вашей милости будет угодно взять его вместе со мной...
  - На кой дьявол мне нужен школяр? Пускай убирается к своим чертовым философам!
  - Сир, продолжал Госелен, не от вашей ли охоты отбился благородный рыцарь?
  - Вы видели его? оживляясь, спросил старик.
- Да. Он гнался за оленем, и вот он, Госелен кивнул на Ива, указал ему, куда ускакал олень.

Ив незаметно дернул Госелена за рукав.

- A не врешь ли ты, сказал старик, что вы видели рыцаря? Расскажи-ка мне, каков он.
- Сир, чем терять время на рассказывание, я докажу вам это сразу. И, порывшись в своем мешке, Госелен вынул оттуда обрывок плаща. Вот, сказал он, протягивая его старику. Это обрывок плаща рыцаря. Он оборвал его, зацепившись за ветку яблони.

Старик взял обрывок и развернул его:

- Да, это плащ моего сюзерена.
- Сир, я прошу вас, не разлучайте меня с моим другом. Он может оказаться полезным вам в замке...
  - Я не хочу! перебил его Ив.
  - Молчи! шепнул ему Госелен.
  - Что он сказал? крикнул старик.
  - Я сказал, что не хочу идти в ваш замок, я тороплюсь в Париж!
- Что—о! зашипел старик, вытянувшись вперед. Ты не хо—чешь?! Ты смеешь отказываться от чести быть допущенным в замок?
  - Но, сир, вы меня туда не приглашали.

- Молчать, ско-тина! Взять его, крикнул он псарям, и вести с собаками!
- Сир, ваша милость… попытался вмешаться Госелен.
- Молчать! крикнул на него старик и подал знак.

Охота двинулась по дороге, Госелен шел рядом с лошадью старика, а Ив – с псарями.

Собаки трусили мелкой рысцой, поднимая пыль. Дорога шла вдоль опушки леса, огибала его с другой стороны и уводила в поля, в обратную от холма сторону. На поле у самой дороги, пригнувшись к земле, работал мотыгой крестьянин. Когда охотники поравнялись с ним, он с трудом выпрямился и, сняв шапку, низко поклонился. Ив вспомнил отца. Чувство жалости, горесть разлуки и сознание, что отец не узнает о его печальной участи, наполнили его сердце жгучей тоской, а мысль об утерянной светлой мечте ввергла его в отчаяние. «Что же будет?»

На повороте дороги он обернулся в сторону долины, но не увидел ее. Небо потухло и подернулось мглистой серой дымкой. Старый рыцарь с высоты своего коня благосклонно кивал Госелену, а тот что-то говорил ему, приподнимаясь на цыпочки и размахивая руками, словно произнося стихи. По—видимому, жонглер начинал «зарабатывать».

От одного из псарей Ив узнал, что их господин, рыцарь Ожье де ла Тур барон де Понфор, в замок которого они теперь идут, отбился от них в лесу в погоне за оленем и, вероятно, присоединится к ним по дороге, а этот старый рыцарь – маршал их господина, то есть заведует конюшнями, походными обозами и палатками, – сам этот старый рыцарь из мелкопоместных вассалов.

– А люди наши, – прибавил псарь, – его попросту вовут «Клещ» – очень уж он въедливый.

Глава II ЗАМОК ПОНФОР

После целого дня охоты собаки, люди и лошади двигались медленно Долго шли полями.

Воздух был неподвижный и душный. Сумерки сгустились.

Далеко за холмами вспыхивали зарницы. Шли мимо темных молчаливых деревень, спустились в долину и перешли тихую речку с ветлами у моста, шли вдоль ее берега лугом. Тянуло прохладой от воды. На ней заблестели первые звезды. Дорога уводила от реки вверх, опять в поле, оттуда — к лесу, черной стеной стоявшему впереди. Войдя в него, окунулись в полный мрак. Усталые люди молчали. Изредка пофыркивали лошади и позвякивали удила, потрескивала сухая ветка под ногой. В глубине леса жутко ухал филин.

– Не к добру это, – тихо сказал псарь.

Ив плелся молча. Промелькнувшая было мысль о побеге была погашена гнетущей усталостью – только бы дойти скорей, дойти куда угодно. Даже тоска унималась этим одним тупым желанием отдыха.

Когда вышли из леса снова под звездное небо, в стороне раздался топот лошади, чей-то окрик: «Оэ!» — и что-то большое и бряцающее надвинулось из темноты. В окрике Иву послышалось знакомое: тот же голос, что сегодня днем у рыцаря—охотника. Псарь подтвердил догадку. Сзади раздался громкий разговор, затем гнусавый голос Клеща: «Эй! Там с собаками! Шире шаг!» Рядом с Ивом оглушительно хлопнул кнут псаря. Сзади кто-то наступил на пятку, сказав: «Чего путаешься под ногами!» Пришлось идти быстрее. И тут Ив увидел впереди на тусклом небе что-то огромное и совсем черное. Оно ширилось и росло, словно не они, а оно двигалось им навстречу. Вот такими представлял себе Ив тех страшных гигантских чудовищ, с какими вступают в единоборство странствующие рыцари, о подвигах которых поют жонглеры. Наконец, когда эта громада наползла совсем близко и заняла полнеба, закрыв звезды, Ив понял, что это был замок. Вот и невысокая полукруглая стена предмостного укрепления.

Остановились. Затрубил рог.

Раздались голоса, лязг засовов, скрип и удары створок ворот о стену. Пройдя укрепление, стали у края рва.

Опять затрубил рог. Звук его беспощадно разбился о громаду каменных стен. Высоко под небом вспыхнул трепетный свет факела и донесся ответный звук рога. Потом — поскрипывание опускаемого моста и его тяжелый, глухой удар о край рва.

Перешли мост, простучав копытами лошадей, вал с палисадом 10, дорогу, прошли под гулким сводом ворот, раскрывших свои громадные, обитые железом дубовые створы. Ив слышал, как они тотчас же закрылись за прошедшими, лязгнув затворами. «Вот чудовище и проглотило нас, — подумалось ему. — Филин накликал недоброе».

- Иди за мной, - сказал псарь, дернув Ива за рукав, и отвел куда-то в сторону, к темной лачуге недалеко от ворот, втолкнул в низкую комнатушку и, сказав: «Там в углу солома», - ушел.

Ив нагнулся и нащупал холодный камень пола, немного подальше — сыроватую солому. Он бросился на нее и, подложив под голову свой мешок, уснул...

Замку Понфор было девяносто лет. Он стоял на вершине высокого скалистого холма. Подножие его с одной стороны омывала река, с другой — к нему подходили луга. Серые, замшелые камни высоких стен замка с зубцами в рост человека, с узкими бойницами для стрел арбалета, четырехсторонних стофутовых башен в стенах и круглых, по обе стороны, ворот не один раз выдерживали мощные удары стенобитных таранов и катапульт, осыпавших их градом камней. Не одно войско владетельных баронов, искони враждовавших с владельцами замка, или восставших рыцарей—вассалов после десятков штурмов уходило, сняв безуспешную осаду. Зорко глядела далеко вокруг главная трехъярусная башня с круглыми башенками на углах, стоявшая выше всех на искусственном холме посреди

¹⁰ Палисад – высокий забор из заостренных наверху кольев.

«верхнего», то есть второго, дальнего двора замка, и гордо развевалось на ней знамя с изображением на голубом полотнище желтого леопарда с поднятой когтистой передней лапой и изогнутым вверх по спине ветвистым хвостом.

Владелец замка рыцарь Ожье де ла Тур барон де Понфор был сеньором обширного домена ¹¹ в сотни тысяч туазов земли с прикрепленными к ней крестьянами окрестных деревень. Часть земли была отдана им неимущим рыцарям. Владение этими землями — фьефами — подчиняло их хозяев барону де Понфору, делая их его вассалами. Крестьяне были обязаны обрабатывать земли своего барона, исполнять все работы по укреплению, содержанию и обслуживанию замка и в случае войны собираться в нем и, берясь за оружие, защищать его. За это они получали в собственность ничтожные клочки земли — цензивы, — но часть урожая с них они обязаны были отдавать барону сверх денежной подати. Рыцари—вассалы были обязаны помогать своему сюзерену в случае войны людьми, оружием, продовольствием и вместе с ним защищать его замок. В округе говорили, что вместительные подвалы его хранят запасы продовольствия на год.

Рыцарь Ожье был связан родством со знатными семьями сеньсров Иль-де-Франса, такими, как графы де Корбейль и сиры де Монтлери и де Монморанси, враждовавших с королем Людовиком VI, прозванным Толстым, унаследовавшим только год назад, в 1108 году, престол своего умершего отца, короля Филиппа I.

Молодой король со всем пылом принялся за борьбу с феодальной властью знатных сеньоров, за расширение своих владений и укрепление своей королевской власти.

Связанный родством с врагами короля, рыцарь Ожье в то же время вел непримиримую кровную борьбу с одним из ближайших друзей Людовика VI — сиром Рено дю Крюзье, прозванным «Черный Рыцарь». Из рода в род столетиями длилась смертельная вражда семей де ла Тур и дю Крюзье.

И теперь коронованный друг Черного Рыцаря не может не обратить своего алчного внимания на замок Понфор и заодно на весь домен, оправдываясь благородным чувством дружбы к сиру дю Крюзье. В любой день и час доаорный на верху главной башни может заприметить в рядах двигающегося к замку войска лиловое, украшенное золотыми лилиями королевское знамя...

На следующее утро после неудачной охоты на оленя рыцарь Ожье проснулся не в духе. Он без всякой причины накричал на своего шамбеллана, в обязанности которого входило будить своего господина. И на экюйе, помогавшего ему одеваться. Сверх рубашки были надеты короткие, до колен, штаны, стянутые поясом, длинные синие чулки, мягкие кожаные полубашмаки. Затем был надет льняной камзол, а на него — шелковый темно—желтый кафтан, узкий до пояса и падающий широкими складками к ногам. И когда наконец были пристегнуты на ремешках широкие рукава, рыцарь пнул ногой экюйе, сказав, чтобы тот убирался ко всем чертям, а шамбеллану приказал сказать монаху, что болен и не придет в капеллу слушать мессу.

Оставшись один, рыцарь лег ничком на каменный пол крестом: с растянутыми в стороны руками, головой к востоку — Иерусалиму, где находится гроб господень, отвоеванный у нечестивых сарацин доблестными рыцарями–крестоносцами, и зашептал молитву.

Так молились только благородные рыцари, основной доблестью которых было охранять истинную веру и, если надо, умереть за нее. Когда рыцари слушали в церкви мессу, то перед началом чтения евангелия они вынимали мечи из ножен и держали их обнаженными до конца чтения. Это значило: «Если понадобится защищать евангелие, То мы тут!» Таково богом указанное призвание рыцарей.

Спальня находилась в третьем ярусе главной башни. Два узких окна, пробитых высоко

¹¹ Домен – крупное земельное владение.

в широком своде толстых стен, пропускали тусклый свет, и в комнате было темно и холодно. Потолок нависал тяжелым шатром свода. У одной стены стояла деревянная кровать и низкое, без спинки деревянное кресло, вдоль другой — скамья и перед ней стол.

Наскоро пробормотав положенное количество молитв, рыцарь поднялся с пола, тряхнул головой, откинув со лба волосы, выпрямился, потянулся и громко зевнул. В ответ ему со стороны стола послышался тихий визг.

Рыцарь усмехнулся:

– Ты тоже зеваешь, Клошэт?

Он подошел к столу. На нем — металлический стаканчик с игральными костями и позолоченный обруч для головы. На скамье, на шелковой синей подушке, стояла комнатная собачонка—левретка с блестящей короткой шерстью мышастой масти. Она дрожала, переступая своими длинными и тоненькими ножками. Потягиваясь, она, как кошка, изгибала дугой спину, и выступавшие при этом позвонки, ее острая мордочка с выпученными шариками глаз, прозрачные ушки, длинная изогнутая шея и отвислый прутик хвоста с загнутым кверху кончиком делали ее похожей на маленького злого дракона.

Рыцарь взял ее под брюшко и поднял к своему лицу:

– Ты забыла нашу пословицу: «Кто долго спит поутру, тот худ и вял!»

Левретка злобно оскалила зубы и зарычала.

– Паршивая тварь!

Рыцарь швырнул собачонку на пол. Она взвизгнула и, приплясывая на дрожащих ножках, отправилась назад, к скамье.

Все в это утро выводило из себя рыцаря Ожье. Вот и сейчас, бросив на пол свою либимицу Клошэт, он начал ходить по комнате взад и вперед, как волк в клетке. Снова приходила мысль о неудачной охоте. Так упустить оленя! Животное, по всем признакам начавшее терять силы, исчезло вдруг словно по колдовству. Недаром этот лес в Долине Волшебниц считают обиталищем всякой дьявольщины. От таинственно исчезнувшего оленя мысль перебросилась к проискам Людовика Толстого. Еще два дня назад этот болван монах (рыцарь имел в виду своего капеллана, благочестивого брата Кандида) уверял его, что французская корона первейшая из корон, и что первый король Франции был коронован поющими ангелами, и что господь сказал королю: «Ты будешь моим воином на земле, и ты дашь победу справедливости и закону». Какой вздор! Хороша справедливость – разрушать замки благородных рыцарей, ставить в них своих воинов, выжигать деревни их доменов! Хорош закон, отменяющий зависимость горожан и крестьян от их сеньоров, зависимость, искони установленную как наказание за грехи, благословенную святым отцом папой! «Король Франции»! Чего можно ждать путного от внука королевы Анны, дочери скифского князя Ярослава, дикарки, привезенной из далекой страны снегов в жены королю Генриху I! Да, тогда в столицу Скифии Киев было отправлено посольство, и среди посланных немаловажное место занимал сир дю Крюзье, дед рыцаря Рено, о, эти подлые дю Крюзье и тогда уже пресмыкались перед королем! Мысль о своем злейшем враге, неистовое желание уничтожить его неотступно преследовали рыцаря Ожье, особенно теперь, когда его дама, златокудрая Агнесса д'Орбильи, настоятельно требовала, чтобы он вызвал на поединок Черного Рыцаря и сразил его. Объявив это свое желание, она подарила ему рукав от своего вышитого серебром платья. Приняв коленопреклоненно этот почетный дар, рыцарь Ожье прикрепил его к своему щиту и поклялся исполнить желание «сюзерена его сердца». Дама стала им после того, как подарила рыцарю поцелуй и перстень - символ соединения душ. Поединок должен состояться во что бы то ни стало, иначе честь рыцаря де ла Тура будет поругана, имя барона де Понфора покрыто несмываемым позором! Ему представилась постыдная картина публичного отрубания его шпор у самых пяток, презрение дамы и торжество врага. О нет! А еще вечно эта нудная забота о добывании средств на придворных людей, коней, собак, оружие, припасы, пиры, на все то, без чего не может обойтись рыцарь, не потеряв своего благородного достоинства.

Шагая из угла в угол, рыцарь Ожье подошел к двери как раз в ту минуту, когда она

медленно приотворялась и в нее просовывалось безобразное сухое лицо на длинной жилистой шее.

– А, Рамбер! Входи, – сказал рыцарь Ожье.

Предуведомленный шамбелланом о «нездоровье» и скверном настроении сеньора, маршал принял свои меры: под мышкой он держал шахматную доску, в руке — мешочек с игральными фигурами. Этой любимой игрой его сеньора он решил сопроводить свой очередной утренний доклад и получение распоряжений на текущий день. Так будет вернее.

- Я слышал, сир, что ваша милость нездоровы, - соболезнующе прогнусавил он. - Не угодно ли вам будет развлечься?

Он положил шахматную доску на стол и, высыпав фигурки из мешочка, стал их расставлять по доске.

Рыцарь Ожье ничего не ответил и сел к столу. Минуты две прошли в молчании.

Возникшая на Востоке в древности чатуранга — военная игра — от персов и арабов попала в Испанию и Италию, откуда с XI века — в остальные страны Европы. Рыцари с малолетства обучались этой игре, фигурки которой, искусно вырезанные из слоновой кости или из дерева, изображали военные колесницы или ладьи, слонов, коней, пеших воинов, короля и его полководца.

Маршал жевал беззубым ртом и сопел носом в усы. Рыцарь Ожье играл рассеянно и, на четвертом ходу потеряв пешку, откинулся к стене, прислонился к ней затылком и смотрел поверх головы маршала в полумрак комнаты.

— Сенешал нужен мне, чтобы вести хозяйство замка? — спросил он, словно обращаясь к кому-то третьему, невидимому. И, не ожидая ответа, продолжал: — Шамбеллан, экюйе, привратник у главных ворот нужны или нет? Кто будет закупать провизию без депансье? Что станет с кухней без метра гё? А вся эта мразь — дозорщики, посыльные, псари? Могу я без них обойтись?!.

Маршал привык к неожиданным переменам в настроении рыцаря Ожье, к извивам его взбалмошного характера и научился безошибочно угадывать причину их возникновения. Так и сейчас, когда рыцарь Ожье, задав последний вопрос, встал и зашагал по комнате, маршал, состроив умильное лицо, заморгал воспаленными веками, бесцветные глазки его забегали из стороны в сторону.

— Сир, — сказал он, вздохнув, — вы благородный рыцарь, это ваше призвание, указанное богом. Мы, ваши вассалы и преданнейшие слуги, призваны охранять ваш покой и по мере сил наших служить вам. Что же касается этой, как вы изволили правильно назвать мрази, то она вместе с деревенскими вашими вилланами обязана служить вам преданно и бескорыстно. Эта их обязанность тоже освящена богом и церковью...

Рыцарь Ожье подошел к столу и кулаком оперся на него. Злая искра блеснула в его глазах, белых на темном от загара лице.

– «Вилланы»! Метко названы. Они действительно низки и гнусны ¹². Что может быть презренней этой деревенщины!...

Маршал поспешил ухватить ниточку этой мысли:

- Вот они-то и обязаны оплатить вам необходимые траты. Это их святая обязанность! И, понизив до предела свой и так тусклый голос, словно опасаясь, что кто-то посторонний слушает его, маршал прогнусавил: Никто не упрекнет вашу милость, сир, если вы прибегнете к сильным мерам.
  - Ты говоришь вздор, Рамбер.

Рыцарь Ожье сел на скамью и, взяв стаканчик с костями, стал крутить его.

– Опять, как тогда, – продолжал он, – жечь их дома, бросать в подвалы? И, как тогда, оставшиеся убегут в леса, потом, присоединившись к войску моих врагов, пойдут на Понфор...

¹² Vilain (франц.; от латинского слова «villanus» – деревенский) – дрянной, низкий, презренный, гнусный.

– Понфор – неприступная твердыня, сир, – поторопился перебить маршал.

По лицу рыцаря Ожье промелькнула гримаса отвращения, и он ударил кулаком по шахматной доске. Фигурки разлетелись, и костяной слоник угодил в заснувшую левретку. Она с визгом вскочила. Рыцарь Ожье выругался непристойным словом и, схватив маршала за бороду, притянул его к себе:

- Пойми же наконец, чертово подхвостье, что мне на нужна твоя гнусавая лесть! Какой в ней толк?
  - Сир, я готов жизнью...
  - Молчи, подлый! Слушай!

Продолжая говорить, рыцарь Ожье медленно наматывал бороду маршала на свою руку. Тот часто мигал глазами, щурясь от нарастающей боли. Капельки слез скатывались по острым скулам в провалы щек и терялись в жалобно обвисших усах.

– Мне нужен предлог для поединка с дю Крюзье...

– Мне нужен предлог для поединка с дю Крюзье, – говорил рыцарь Ожье. – Ты должен его изобрести. Понимаешь? – Трясущаяся голова старика кивнула несколько раз. – Иначе!.. –

Тут рыцарь Ожье крутнул бороду маршала и, прижав свой кулак к его подбородку, подтянул лицо старика к своему и зашептал: — Иначе — подземелье здесь, под моей башней. Ты знаешь его: сам отправлял туда не один раз провинившихся. Там я и оставлю тебя в полной тьме с жабами и тарантулами...13

Тело старика вздрагивало. Он испустил хриплый, жалобный стон.

Левретка оскалила зубы и с визгливым лаем бросилась на него, стараясь укусить в спину.

Рыцарь Ожье выпустил из руки бороду маршала.

- Я вижу, тебе не по вкусу мои обещания и ты постараешься исполнить мой приказ. Не так ли?

Старик кивал головой, не в состоянии произнести ни слова.

— Смотри же! Даю тебе... — Он подумал и, вынув из стаканчика одну кость, покрутил в нем другую и выбросил на стол. — Твое счастье! Шесть дней. Ступай!

Провожаемый пискливым лаем собачонки, старавшейся куснуть его за ноги, маршал быстро зашагал к двери.

Глава III ЭРМЕНЕГИЛЬДА

В замке все было приспособлено к самозащите и обороне. И каменные лестницы в башнях идомах были винтовыми, темными, тесными и очень крутыми. Такова была и лестница в двухэтажном доме маршала, по которой поднимался жонглер Госелен, проклиная ее узкие ступени, на которые приходилось ставить ногу боком, чтобы не упасть.

Прошло уже четыре дня, как Госелен пришел в замок Понфор, но ни о каком празднестве, обещанном маршалом, не было слышно. Однако жонглера поместили при кухне вместе с поваром и поваренком в маршальском доме, то есть в почетном верхнем дворе, а не в нижнем, где вместе с собаками оставили Ива. Совесть Госелена, редко дававшая о себе знать, на этот раз нет—нет, да и напоминала ему о его друге, оказавшемся из-за него в таком незавидном положении, и Госелен ждал удобного случая, чтобы успокоить себя, походатайствовав перед рыцарем Рамбером за школяра.

Сейчас Госелен шел к дочери маршала, жившей вместе со своим отцом (ее мать умерла, когда девочке был всего один год) и своей бывшей кормилицей, приглядывавшей теперь за нею и за хозяйством отца. Рыцарь Рамбер поручил Госелену развлекать дочь стихами и песнями и учить игре на арфе, к которой она имела склонность. Мягкий тюфяк в комнате при кухне и достаточно жирная похлебка примирили жонглера с этими скучноватыми обязанностями и неудобствами крутой лестницы...

В те времена образцом женской красоты, воспеваемым в стихах и песнях трубадуров, считались белокурые, в мелких кудрях волосы, овальное лицо, тонкий продолговатый нос, светлые глаза и стан, узкий в поясе, как у муравья.

Внешность дочери рыцаря Рамбера, шестнадцатилетней Эрменегильды, не отвечала ни одному из этих обязательных признаков. Волосы у нее были темные, лицо круглое, нос маленький и слегка вздернутый, глаза карие, а фигура полноватая. И тем не менее она была очаровательна белизной кожи, румянцем щек, лучистым блеском глаз и неторопливостью речи. Тоскливая, изо дня в день однообразная жизнь в замке, сиротливое, безрадостное детство без материнской ласки, угрюмость отца, всегда озабоченного и молчаливого в свои редкие посещения дочери, не подавили, однако, в девушке тяги к природе, к жизни. Чувство дочерней любви и привязанности она перенесла целиком на свою кормилицу, горбатую Урсулу, к неизменной заботе которой она привыкла с малых лет, Урсула научила ее первым словам, первым играм, первым песням, первым молитвам и правилам поведения и отвела в

¹³ Тарантул – ядовитый паук.

церковь слушать первую мессу. Она первая вывела потайным ходом маленькую Эрменегильду из затхлой духоты каменного двора за стены замка, в разбитый у их подножия сад. Показала ей прилепившееся к стене глиняное гнездо ласточки, яблони и груши в радостном бело-розовом весеннем уборе, душистые красные цветы галльской розы, желтые цветки жимолости, выющейся по стволам лип. Показала разноцветных порхающих бабочек, трудолюбивых пчел в чашечках цветов, божьих коровок и зеленых червячков, ползающих по метелочкам трав, смешную растопырку-лягушку и рогатую улитку, жучков, похожих на драгоценные камни, и камешки, похожие на жуков. Научила слушать веселую песню невидимого в небе жаворонка, исконного любимца народа, такого же веселого, как и он сам, домовитое воркованье сизокрылой горлицы и стрекотанье цикад. Показала, как бросать зерна павлинам, раскрывающим свои богатые сине-зеленые хвосты, и кидать кусочки хлеба гордым белым красавцам лебедям, тихо плывущим по зеркалу пруда. Показала стрекоз с кружевными крылышками, снующих над водой, облака в синем небе, похожие на замки, на корабли, на крылатых волшебных животных, на снеговые горы. Показала удивительный огромный семицветный мост, перекинутый высоко в небе над холмами, над светлой рекой и лугами, над золотыми полями, домиками деревень и над синими полосами заповедных лесов. Показала весь этот необъятный простор, овеянный душистым ласковым ветром, несущим ароматы полевых цветов, лесной чащи и пение птиц. Сидя с Эрменегильдой на траве в прохладной тени развесистого дуба, Урсула говорила, что по семицветному мосту радуги сходят на землю ангелы и снова восходят к престолу бога, рассказывала увлекательные сказки про волшебные страны, про заколдованные леса, про злых колдунов и добрых волшебниц, про ослепительных красавиц принцесс и блистательных рыцарей, сражающихся в их честь с огнельшашими змеями.

Как же после этого не полюбить Урсулу!

А в тусклые зимние дни Эрменегильда и Урсула сидели у высокого камина, вделанного в стену полукруглой нишей с каменным конусом шатра, уходящим под потолок. Огненные языки вырывались из-под дров, дым змейками вился кверху, полена потрескивали, брызгали яркими золотыми искрами. В полумраке комнаты колыхались отсветы пламени, и неясные тени таинственно плыли по стенам и по бревенчатому потолку. Урсула сидела на скамье и то крутила веретено, висящее на нити, то сучила новую нить, вытянутую из кудели, навернутой на высокую палку, установленную на скамье. Эрменегильда устраивалась возле нее на низкой скамеечке, не отрывала глаз от пламени. В нем виделись ей пляшущие золотые саламандры, небывалые красные и синие цветы, извивающиеся огненные змеи и нежные дымчатые фигурки волшебниц, улетающих ввысь в ореоле созвездий. Потом Эрменегильда брала маленькую позолоченную арфу и, прижав ее к груди, робко перебирала струны. Под их равномерный слабый звон Урсула пела полумолитву-полупесню о христианской любви, утешительнице бедных людей в их грехах и муках, об ангелах, охраняющих покой вдов и сирот от злобы злых людей. Эрменегильда плакала от трогательных слов этих песен, пряча голову в колени кормилицы, а Урсула ласково проводила рукой по шелковистым распущенным волосам своей воспитанницы.

Ну как же после всего этого не привязаться к горбатенькой Урсуле, как к родной матери!

Просыпаясь ночью в полной тьме, когда камин и факел потухали и в каминной трубе заунывно подвывал ветер, Эрменегильда робко прислушивалась и, уловив спокойное дыхание спящей на коврике у ее кровати Урсулы, успокоенная, засыпала вновь.

Летом в комнате становилось душно, несмотря на то что окно было прорублено ниже и было шире, чем окна в других зданиях замка. Закрытый со всех сторон высокими стенами и выложенный каменными плитами двор без единого дерева накалялся палящим солнцем. В окно были видны высокая серая главная башня, окруженная такой же серой зубчатой стеной и глубоким рвом, вход в етене высоко над землей, куда проходили по лестнице, убиравшейся вверк. пристроенные к стенам двора амбары и погреба, клетки с медведями для травли, птичник, личная капелла барона, кухня, похожая на колокол с высокой четырехугольной

трубой, и конюшня с боевыми, охотничьими и верховыми для путешествий или прогулок лошадьми владельца замка и высших придворных. Были видны стена, отделяющая верхний двор от нижнего, и за ней — верхушки башен главных ворот и крыша замковой церкви. Душно было в этой глубокой каменной коробке и смрадно от загнивавшей во рву дождевой воды и стекавших туда нечистот из медвежьей клетки и кучи навоза, сложенной у конюшни, от запаха птичника.

Эрменегильда жадно вглядывалась в голубизну неба, в плывущие в ней облака, то белые, то розовые, то синие, изумлялась головокружительному полету ласточек, проносившихся совсем низко, с удовольствием прислушивалась к обыденной перекличке петуха с петухом нижнего двора, к воркованью голубей, к шуму омывающего двор благодатного дождя. В час заката любила смотреть, как постепенно потухает отсвет солнца на верхушке главной башни, как синие сумерки обволакивают замок. И всегда, в каждый час дня, душа ее рвалась из этой каменной темницы к полям, к лесам, к цветам, к реке, под широкое небо, в простор жизни, привольной и прекрасной, созданной ее воображением.

Отторженная заботами отца и кормилицы от истинной жизни замка, от людей, населявших его нижний двор, Эрменегильда и не подозревала об их горькой подневольной участи, об ужасах замкового застенка и тюрьмы. Не знала она и о полушутовской роли, какую играл ее отец при владельце замка.

Самого барона она видела всего несколько раз из окна своей комнаты, когда он, окруженный придворными, гарцевал на коне в охотничьем плаще или в боевых доспехах. Он казался ей красивым и Мужественным, похожим на рыцарей из сказок Урсулы. О настоящем рыцаре Ожье она ничего не знала...

Под однообразный звон арфы и тихий, нараспев говорок жонглера Урсула задремала. Веретено лежало на полу, а голова кормилицы прислонилась к кудели, белая повязка съехала на сторону, и седые волосы смешались с седыми волокнами льна.

Госелен на этот раз напевал канцону, приписав себе ее сочинение. Вообще в этот день он был в хорошем расположении духа и, как всегда в таких случаях, был склонен к преувеличению своих достоинств.

...Не уклоняйте сердца своего Вы от меня, служителя его...

Он поднялся с колена, на котором стоял перед Эрменегильдой, и отвесил ей поклон.

- Это очень красиво! сказала Эрменегильда. Кто научил тебя этому?
- Деревья, луга, цветы, пенье птиц!

Такой ответ был тоже чужим – он принадлежал одному известному трубадуру.

- Нам не нужны ни наставники, ни грамота. На то мы и жонглеры, чтобы обходиться без них Мы строим, выковываем стихи (тоже чужие слова!) и умеем приятно рифмовать, как мы умеем вертеть бубен, играть на кастаньетах. Мы умеем все, что может служить услаждению слуха или забаве таких благородных дам, как вы, госпожа. Мы спутники рыцарей!
- Все-таки очень жаль, что ты неграмотный: я так хотела бы научиться читать и писать! Наш капеллан брат Кандид тоже неграмотный.

Госелен, сдвинув брови, наморщил лоб:

- Постойте, постойте! Я, кажется, могу, госпожа, услужить вам. Я знаю такого человека здесь, в замке.
- Здесь? В замке?! воскликнула Эрменегильда. Скажи скорей, где он? Приведи его ко мне! Она встала и протянула руку Госелену.

Урсула проснулась и удивленно мигала слипающимися веками:

- Кого ты задумала звать, дитя мое?
- Подожди, Урсула, подожди! Говори же, Госелен, говори!
- Это мой друг, школяр Ив Он вместе со мной пришел сюда. Мы вместе идем в Париж.

Он остался на нижнем дворе. Он обучался грамоте и прекрасно умеет читать. А кроме того, у Ива с собой есть книга, он может прочесть вам оттуда, что вы пожелаете, перевести, показать вам буквы и научить вас их писать и складывать. Книга презабавная!

Последнее Госелен прибавил ради красного словца, так как понятия не имел, какого рода эта книга. Он только нащупал ее в мешке школяра.

— Ваш отец знает моего друга, и, если вы хорошенько попросите, сир Рамбер несомненно разрешит вам призвать его сюда Оказав эту честь моему другу, вы осчастливите, госпожа, нас обоих.

Тут Госелен постарался отвесить один из тех особенно изящных поклонов, какими он обычно заканчивал свои выступления перед знатными слушателями.

Эрменегильда захлопала в ладоши, подбежала к кормилице, обняла ее и чмокнула в щеку:

- Урсула, милая, ты тоже попросишь отца, непременно попросишь, или я на тебя рассержусь! И, топнув ножкой, прибавила: Госпожа я твоя или не госпожа?! и бросилась тормошить кормилицу.
  - Госпожа, госпожа! Только пусти! выбивалась та из объятий своей воспитанницы.

В эту минуту в дверях появился рыцарь Рамбер:

– Что с вами, дочь моя?

Эрменегильда отошла от кормилицы и стала, потупив глаза. Урсула поднялась со скамьй и поклонилась рыцарю. Госелен, изобразив на своем лице нечто вроде умильной покорности, изогнулся в поклоне.

– Что с вами? – повторил рыцарь, подошел к дочери и провел рукой по ее голове.

Поняв, что отец не сердится, Эрменегильда рассказала о школяре и о его книге и стала просить разрешения вызвать к себе Ива.

- А, это тот самый виллан! Помню. Он довольно дерзко говорил со мной.
- Мой добрый сир, поспешил перебить Госелен, он сделал это по своей неопытности, исключительно по неопытности. Смею уверить вашу милость в полной преданности моего друга к знатным особам. Посмею напомнить вашей милости, что это он тогда, в лесу, указал барону де Понфору направление бега оленя.
  - Которого барон так и не нашел.

Госелен пожал плечами, развел руками:

- Это не умаляет, сир, искреннего усердия моего друга.
- Хорошо, я подумаю, сказал рыцарь и сел на скамью.

По тому, как отец глубоко вздохнул, садясь, как нахмурил брови и склонил голову, Эрменегильда угадала его плохое настроение, более того — сильное беспокойство. Она приметила, что, когда отец чем-то взволнован, его некрасивое лицо носит отпечаток особенной грусти, делающей его жалким и трогательным. Она подсела к нему и обняла рукой. Рыцарь Рамбер скривил губы в жалобную улыбку:

- Ты очень хочешь, чтобы пришел этот школяр?
- Очень!
- Хорошо, я прикажу.

Лицо Эрменегильды залилось румянцем. Она поцеловала руку отца, потом подняла глаза и, ласково глядя ему в Лицо, спросила:

- Что так заботит вас? Почему вы такой грустный? Не случилось ли чего-нибудь дурного?
  - О нет!
  - Я вижу, что вас беспокоит что-то.
  - Да нет же, нет!

Рыцарь Рамбер встал, подошел к окну, потом снова подошел к дочери и кивнул в сторону Госелена:

- Вот он и приведет тебе своего друга.
- Если вы такой добрый ко мне, сказала Эрменегильда, то будьте им до конца,

объяснив причину вашего беспокойства. Я очень прошу вас об этом.

Она подошла к отцу и положила руки ему на плечи.

- Уверяю тебя, что ничего ужасного не случилось. Но, если ты так настаиваешь, изволь. Все эти дни барон не в духе; и сегодня он в раздражении наговорил мне всякой всячины, вот и все. Я никак не могу привыкнуть к этим вспышкам, но, в общем, это сущие пустяки!
  - А что так рассердило барона?
- Тоже пустяки: эта вечная ненависть к дю Крюзье. Когда барон вспоминает про это, всегда приходит в скверное настроение.

Госелен подошел к ним.

- Что тебе? спросил рыцарь.
- Осмелюсь спросить: вы изволили, кажется, сказать «Крюзье»?
- Дю Крюзье. Да, а что?
- Не возле ли Шартра находится домен этого сеньора?
- Да, недалеко. А ты знаешь эти места?
- Нет, но их хорошо знает мой друг школяр.
- Школяр?
- Да, он рассказывал мне про деревню, где он родился, и называл ее Крюзье, говорил, что она недалеко от Шартра.

Рыцарь Рамбер снова сел на скамью:

- Так ты говоришь, что школяр оттуда?
- Ла.
- Он виллан. Значит, подданный дю Крюзье?
- Вероятно.

Чуть заметная искра блеснула в тусклых глазах старика. Он закусил ус и задумался. Потом встал и, приглаживая свои топорщившиеся редкие волосы, молча стал ходить взад и вперед по комнате.

- Так, так... пробормотал он, словно вспомнив о начатом разговоре. Значит, это он и указал барону на оленя?
  - Да, подтвердил Госелен.

Пройдя еще несколько шагов по комнате, рыцарь Рамбер остановился около дочери:

- А ты очень хочешь позвать этого школяра?
- Очень!

В эту минуту раздался звон церковного колокола.

- Полдень, сказал рыцарь и, поцеловав дочь в лоб, вышел.
- Беги за школяром! нетерпеливо сказала Эрменегильда Госелену.
- Бегу, госпожа! воскликнул жонглер, исчезая за дверью.

Глава IV НИЖНИЙ ДВОР

В отличие от верхнего двора, где чаще всего было пусто и тихо, где высшие чины замка двигались величаво, а низшие быстро, но бесшумно, на носках, включая и экюйе, носивших кушанья из кухни в главную башню к столу барона, в нижнем дворе шуму и беспорядочной беготни было достаточно, и высокая стена между этими двумя дворами как бы подтверждала наличие в замке двух совершенно различных миров — мира знати и мира простых людей.

Что же шумело и кто ходил или бегал на нижнем дворе? Лязгали железными засовами створы главных ворот, выпуская со двора или впуская в него хозяйственные возы, полевых рабочих или всадников, грохотала решетка, задвигаемая в воротах, гремели цепи подъемного моста при опускании его на рассвете и подъеме после заката солнца, что совпадало с утренним и вечерним звоном церковного колокола. Скрипели колеса, и ржали лошади, говорили, кричали, бранились люди у колодца, у пекарни, у псарни, птичника, кузницы, у

плотницкой, у поварни и скотного сарая, у жилых домишек ремесленников и рабочих и других козяйственных построек, расположенных вдоль стен обширного двора. Скулили и лаяли гончие собаки, кудахтали куры, гоготали гуси, стучали молотки плотников и звенела наковальня под молотом кузнеца...

Ив еще у себя в деревне слышал довольно и от отца своего, и от священника—учителя о жизни знати в замках и о подневольном там труде вилланов. Но в замке своего сеньора он никогда не был и, только попав в замок Понфор, многое увидел своими глазами.

До света люди, населявшие двор, расходились на работы, и не было у них времени обратить внимание на бродячего школяра. Только псарь, молчаливый, бородатый, гот самый, который ночью отвел Ива в покривившуюся деревянную лачугу у псарни, раза два в день подходил к нему, чтобы буркнуть что-нибудь вроде: «Иди есть похлебку», или: «Чего всё сидишь? Пройдись посмотри». Но у Ива было слишком тяжело на душе, чтобы заводить знакомства.

И он сидел на длинном бревне, заменявшем скамью у дома, где он жил вместе с псарями. Весь первый день он просидел так, слушая усердный крик петуха и глядя, как рано утром четверо мужчин и две женщины подметали каменный двор, поднимая тучу пыли. Потом со всех сторон люди с ведрами сошлись у колодца, круглого, выложенного из камня с высокой дугой железного фигурного прута, с деревянным блоком и веревкой на нем. На конце веревки – деревянное ведро.

Колодец был глубоким: ведро спускалось долго. Поднимали его за веревку двое и, подняв, выливали воду в желоб, высеченный в краю колодца, откуда вода стекала в подставленное ведро через водосток в виде головы льва о разинутой пастью. Возле колодца была каменная колода. К ней конюхи приводили лошадей на водопой. У главных ворот собирались косари с косами на плечах.

Два босоногих мальчугана, чумазых, в изодранных рубашонках, пригнали хворостинами стадо гусей. Гуси гоготали, нетерпеливо взмахивая крыльями. Туда же съехались возы с навозом из конюшни и вереница пустых повозок, запряженных волами. Ждали, когда откроют ворота. До Ива долетал людской говор.

На что бы ни глянул Ив, все напоминало родную деревню, и, когда открылись ворота, пропуская косарей, гусей, повозки, захотелось ринуться вслед за ними, и злая досада брала на свою нелепую беспомощность. Когда подошел к нему псарь позвать есть, он спросил его, не знает ли, где жонглер Госелен. Псарь только покачал головой.

Целый день ходили по двору люди, старые и молодые, с граблями, с топорами, с молотками, с копьями и арбалетами, с метлами, с лопатами. Один в муке, другой в саже, одни с соломой в волосах, другие с деревянными стружками, в рваных камзолах и в штанах с заплатами. Ив удивлялся их испитым лицам, какой-то особой забитости, вялым движениям, печальным взглядам. Ив знал хорошо, как несладко живется крестьянам его деревни, но и те в сравнении с этими выглядели лучше. Опустел двор только на время, после того как в полдень прозвонил церковный колокол. Лишь собаки на псарне продолжали назойливо скулить и слышался окрик на них псаря, щелканье кнута и визг наказанного пса. К вечеру вернулись косари, вернулось и стадо гусей, потянулись, поскрипывая колесами, возы с сеном, снова сошлись люди у колодца, привели на водопои лошадей. Двор потемнел быстро, как только солнце ушло за стены, и звон вечернего колокола звучал уже в сгустившихся сумерках.

Иву не спалось в эту ночь. Он встал и-осторожно вышел из дома и сел на бревно. Двор, погруженный в тьму, молчал. Черные громады башен и стен словно сдвинулись ближе. Над ними искрилась россыпь звезд. Одна звездочка спустилась так низко, что казалось, светит в самом дворе. Приглядевшись, Ив понял, что это чуть мерцает свет в слуховом окне высокой церковной крыши Кто может там жить? Мысли Ива неслись к родной деревне, к отцу, к Парижу. Рука нашупала зашитую в подкладку камзола бумагу. Неужели он так и останется в этом проклятом замке? Нет! Не может быть, чтобы про него совсем забыл Госелен и ушел, не взяв с собой. Это было бы слишком отвратительно и ужасно!.. Ив съежился от

пронизавшего его сырого холодка и ушел в дом.

В конце второго дня Ив снова сидел на бревне. В главные ворота въехал воз с дровами и другой — со скошенной травой. Проехали через двор и остановились у ворот в верхний двор, поджидая другие возы У воза с травой остановилась женщина, выдернула пучок травы, приложила его к своему лицу, вдыхая ее запах, постояла так с мгновение, бросила пучок на землю и пошла дальше Расхаживающий петух кинулся к пучку и, разгребая его ногами, подкудахтывал, скликая кур. Они прибежали и начали дружно выклевывать.

«Как хорошо пахнет трава!» – подумал Ив.

От колодца шли две женщины и тоже остановились у воза, поставили ведра на землю, говорили между собой. Одна, помоложе, разговаривая, выдергивала из травы белые ромашки, плела из них венок. Из кузницы вышел кузнец, высокий, широкоплечий, молодой, в кожаном фартуке. Бородатое лицо его и руки с высоко засученными рукавами рубахи были черны от копоти. Длинноватые волосы были обвязаны ремешком. Он сказал что-то шутливое женщинам, сверкнув белыми зубами и белками глаз. Женщины засмеялись. Одна из них, зачерпнув воды в ведре, брызнула ею в кузнеца, а другая подбежала к нему и, приподнявшись на цыпочки, надела ему на голову венок. Женщины засмеялись, захлопали в ладоши, но тут же умолкли и схватились за ведра: из-за возов показалась надменная фигура рыцаря Рамбера. Ив узнал его и, чтобы не попадаться ему на глаза, ушел в дом. Из окна он видел, как маршал быстро подошел к кузнецу, тот сорвал венок с головы. Маршал что-то крикнул ему и вырвал венок из руки кузнеца, бросил на землю. Топча его ногами, продолжал кричать на кузнеца, а тот стоял молча, опустив голову. Маршал отшвырнул ногой измятый венок и зашагал к конюшне. «Очень въедливый», – вспомнились Иву слова псаря Жака...

Молодость ли тянула к людям, внешнее ли сходство этих конюхов, косарей, возчиков с его деревенскими земляками, а может быть, поиски сочувствия или желание поделиться с кем-нибудь своим горем заставили наконец Ива на следующий день покинуть бревно и пойти по двору.

Проходя мимо колодца, он заметил, что рядом с львиной головой водостока высечен в камне щиток герба с когу тистым зверем на нем, таким же, как на знамени на главной башне. У стен между псарней и скотным сараем стояла на каменном основании широкая железная клетка и в ней два желтых коротконогих зверька с острыми рыльцами и длинными пушистыми хвостами. Ив знал, что это хорьки; он слышал в деревне, что они живут в дуплах деревьев и в чужих норах, едят крыс, мышей, лягушек и даже змей, не боясь их ядовитых укусов. Он помнил, как отец жаловался, что хорек повадился к ним на птичник воровать кур, но видел Ив этих диковинных зверьков впервые и остановился, разглядывая их и размышляя, зачем понадобилось держать хорьков тут, в клетке. Один зверек спал, свернувшись в клубок, как кошка, другой бегал взад и вперед вдоль края клетки, привставал на задние лапки с уморительными длинными пальцами, вытягивал тонкое туловище, продевая мордочку между прутьями клетки, смотрел на Ива черными горошинами глаз Ив протянул было к нему руку, чтобы погладить, как услышал за собой голос:

- Э–э! Остерегись, парень, он тебя опрыскает, тогда одежу хоть выбрось, такая вонь! Xe–xe...

Ив обернулся. Перед ним, чуть пошатываясь, стоял пожилой человек, лысый, с плохо выбритым лицом, в долгополой темной одежде с капюшоном. Монах, что ли, или священник? Наклонив набок голову и прищуривая глаза, человек этот смотрел на него и улыбался. Потом подошел ближе, и, когда заговорил, на Ива пахнуло запахом вина.

— Я гляжу, — сказал он, — ты тут новичок. Я давно тебя заприметил. Смотрю: что это за человек? С виду виллан, а работать не работает, все на бревнышке посиживает.

У нас, думаю, таких не бывает. Хе-хе...

Ив молча разглядывал странного человека. Лицо у него было приветливое и глаза развеселые, с хитринкой; он их прищуривал, когда переставал говорить и поджимал тонкие губы. Блестящая лысина была окружена каемочкой седых волос, а кончик узкого длинноватого носа — в красных и лиловых жилках.

«Наверно, совсем не любит выпить», – подумал Ив.

Видишь, какие у нас тут диковинки? – сказал незнакомец, мигнув на хорьков. – Это мы держим их для потехи. Какой? О! Для охоты за кроликами. Хорьки эти приручены и приучены. Хе–хе–хе!.. Везут их туда, где есть норы кроличьи. Они в них забираются и выгоняют оттуда кроликов, а люди стоят у выхода из норы и бьют кроликов палками. Очень веселое занятие! Благородное занятие! Хе–хе!..

Засмеявшись, он пошатнулся и оперся рукой об основание клетки, один глаз закрыл, другим повел вокруг и, понизив голос, продолжал:

– Но только у нашего сеньора слишком много других забот, и о хорьках он вспоминает не чаще двух раз в яэд. Вот они, бедняжки, и сидят здесь взаперти.

Тут он свистнул, приблизив лицо к клетке. Спавший хорек проснулся и бросился к решетке, бегавший привстал на задние лапы, и два желтеньких рыльца, просунувшиеся между прутьями совсем близко от лица человека, стали быстро жевать губами.

— А-а! Подлецы! Сладкого захотели?! — крикнул им незнакомец, вынул из кармана две морковки и протянул их хорькам.

Те мигом схватили их и убежали в дальний угол клетки, где, сидя на задних лапках и держа морковки передними, обтачивали их зубами.

- А-а! Подлецы! повторил незнакомец. Забывает про них барон, а жаль. Кролики народ вредный, сильно объедают в саду фруктовые деревья и ягодные кусты. Да что там посевы на полях жрут. А хорьки вот по деревням кур таскают! У-у-у! Кровопийцы! Прокричав эти последние слова, он снова закрыл один глаз, втянул голову в плечи и, словно кого-то испугавшись, повел другим глазом по двору. Потом засмеялся и, оттолкнувшись от клетки, чуть было не упал, но удержался за плечо Ива:
- Пойдем-ка, парень, лучше на твое бревно, а то у меня ноги больные как погоде меняться, так они болеть. Вот ведь, братец, какая гадость! Пойдем, я вижу, там у тебя солнце... Ишь как хорошо припекает! сказал он, усевшись на бревне, и, откинув полу одежды, выставил под солнце худую ногу в залатанной штанине и кожаной сандалии на босу ногу и поглаживал ее рукой. Так вот что, паренек. Я вижу, ты смотришь на меня и удивляешься, откуда я взялся, а я вон оттуда. Он протянул руку, указывая на церковь. Вон, окошко в крыше, там моя комната. А еще ты думаешь, что я из клириков. Верно? А я

только к ним пристал сбоку припека: я всего—навсего звонарь и пономарь ¹⁴ в здешней церкви, а зовут меня Фромон. А замковые придворные, с легкой руки барона, называют меня «брат Фромон», а я монахом никогда и не был. Звоню да убираю церковь и баронскую капеллу, иногда прислуживаю брату Кандиду. А теперь ты мне расскажи, как тебя звать и откуда ты взялся.

Вот бывает так, что человек сразу располагает к себе какими-то неуловимыми интонациями голоса, проникнутыми душевностью, особой добротой взгляда, тем, о чем он говорит и словно угадывает мысли собеседника. Так было и со звонарем Фромоном — он с первых слов своих расположил к себе Ива, и тот рассказал ему, как попал в замок, и доверчиво признался в своих горестных мыслях, злобе против рыцаря Рамбера и припомнил слова псаря Жака.

 Верно, верно, – подтвердил Фромон, – они его так прозвали, и метко, что и говорить, он и в самом деле смахивает на клеща, и с виду противный и по повадке: любит и зерно жрать и кровь пить.

Последние слова, не понятые Ивом, звонарю пришлось объяснить. Оказалось, что рыцарь Рамбер, пользуясь своим положением маршала, орудовал как хотел в конюшенном хозяйстве и наживал деньги, продавая на сторону баронский овес. Кроме того, он был жесток с людьми, подвергал их неслыханным пыткам, бросая в подземелье.

– И все это для того, чтобы выслужиться перед бароном, – рассказывал Фромон, – угодить ему из-за боязни лишиться его доверия, а вместе с ним и своего тепленького местечка. Ведь у самого маршала ничего нет, кроме заброшенной где-то в глуши усадебки. Ну, вот и старается...

Он рассказывал, что рыцарь Рамбер, пытая невиновных, приказывает выжимать им кровь из-под ногтей, вонзать им в тело железные спицы. Что в главной башне, где живет сам барон, есть полутемный подвал, а в нем — потайной люк с лестницей вниз на сорок ступеней и там железная дверь в тюрьму. Туда и запирают «провинившихся», да не просто, а связав руки за спиной или надев железный ошейник, цепи на руки или тяжеленное кольцо на ногу. А в тюрьме полная тьма, затхлая духота, стены и пол мокрые от сырости. Там ядовитые жабы и пауки.

- A что же сам барон, почему он допускает такую несправедливость и такие ужасы? с возмущением спросил Ив.
- Барон! с усмешкой сказал Фромон. Он подозревает всех людей в предательстве. Все дозорщики у нас из чужих вилланов набраны, из дальних деревень. А вот эта стена между дворами, думаешь, от воинов чьих–ни4удь поставлена? Нет. Это от наших рабочих с нижнего двора: вдруг они бунт затеят. Да и затевали не только у нас в Понфоре, айв других замках. Вот наш барон и трясется за свою шкуру. Хе–хе–хе...
  - Трясется? Как же это? Ведь он рыцарь! воскликнул Ив.
- Все они рыцари. Клещ тоже рыцарь, продолжал Фромон. Ты, я вижу, дружок, наверное, про рыцарей воображаешь. У них много кой—чего в их законах записано. И честь, и щедрость, и покровительство простому л «аду, беднякам, вдовам да сиротам, и охрана добра своих вилланов. Сам ты небось знаешь, как «богатеют» в деревне вилланы.
  - Куда там! согласился Ив, вспоминая нищету своего отца.
- Сеньоры дают вилланам грамоты за своей подписью, что будут мало с них податей брать,
   продолжал Фро-мон.
   А на деле что? Плюют на эти грамоты и снимают со своих вилланов последнюю рубаху, грабят, жгут, обращают в жалких рабов. Деревни наши беднеют и беднеют, народ стиснул зубы, молчит до поры до времени, а потом как подымется! А ты что ж думаешь, рыцари не чуют этого? Чуют, да еще как! Вот и строят кругом себя стены. Гляди, сейчас наш благочестивый мессир король принялся за сеньоров, правда за маленьких, больших он не трогает, они ему пригодятся для войны или еще для

¹⁴ Пономарь – служитель при церкви.

чего-нибудь. Людовик Толстый хитер, понял, что народ недоволен своими сеньорами, он и давай жечь и отбирать у них замки: и народу угождение, и себе прибыль.

Много еще рассказывал звонарь Иву про рыцарей и про барона де Понфора, про жизнь подневольных вилланов в замке. Про себя он не рассказал ничего – ни откуда он, ни почему он очутился здесь. Только повторил, что он не клирик, что неграмотный и, кроме «Pater noster» 15, никакой другой молитвы не знает.

– У меня с ними только одно сходство есть, один грех, – закончил он свой рассказ, хитро прищуривая глаза, – люблю пригубить винца, к величайшей славе божьей, а уж в большие праздники – на пасху, например, или в троицын день – так я любого монаха перепью. Хе-хе! Ох, и зададут же мне черти в аду! А ты вот что, парень, помалкивай-ка, никому не говори, что я тебе тут наболтал, я ведь, грешным делом, сегодня... – И он сделал выразительный жест: приложил большой палец руки к губам и запрокинул голову. После этого он замурлыкал веселую песенку о короле Дагобере и с нею ушел, пошатываясь.

Через день, обычный теперь для Ива разговор со звонарем, приходившим погреться на солнце, был прерван неожиданным появлением Госелена.

- Наконец-то я тебя нашел! еще издали воскликнул жонглер, протягивая руки Иву. Лицемерие этих надуманных слов не ускользнуло от Ива.
  - Ну, мой дорогой, на этот раз я для тебя расстарался!!

Он похлопал Ива по плечу и недоверчиво посмотрел на звонаря.

– Сядем-ка вот сюда, – сказал Госелен, похлопывая по краю бревна, и, видимо не желая говорить при незнакомом человеке, усадил Ива и, сев совсем близко к нему и спиной к звонарю, заговорил быстро и почти шепотом: – Я никак не мог понять, куда они тебя девали. Спрашивал, спрашивал у того, у другого – никак! Просто беда! Я даже, поверь мне, испугался за тебя. Клянусь святым отцом! Узнал совершенно случайно только сегодня утром. Но не в этом дело, а вот в чем. Ты отлично знаешь, как я всегда для тебя стараюсь, и

если мы с тобой доберемся до Парижа, то я...

– Ты в этом сомневаешься? – с тревогой воскликнул Ив.

– Что ты! Что ты! Нисколько! Так вот, не буду зря терять время! Дело в том, что, как только я узнал, где ты, я тотчас начал придумывать, как тебе помочь, и придумал! – Госелен с самодовольной улыбкой хлопнул Ива по колену: – Слушай...

И Госелен наговорил Иву с три короба всякой чепухи о том, какие трудности ему пришлось преодолеть, чтобы пробраться в дом к маршалу, на какие уловки и хитрости пуститься, чтобы завладеть доверием рыцаря Рамбера и его дочери, и всё это во имя своих дружеских чувств к Иву. А теперь он «сломя голову» побежал к нему, чтобы тотчас же отвести к дочери маршала.

- Доставай свою книгу, и пойдем скорей! закончил он свою болтовню, вскочил с бревна и начал теребить Ива за рукав.
- Постой, сказал Ив. А не можешь ли ты сделать так, чтобы нас отпустили с тобой поскорее, сегодня или завтра?
  - Что ты! воскликнул Госелен. А празднество? Ведь ты помнишь, маршал пригласил меня на празднество. Я не могу отказаться от такой чести! Что ты!
- Ну хорошо, это тебя, а меня на празднество не звали, зачем же им меня держать, ты подумай!
- Ты прав, и я постараюсь, я сделаю всё, что только в моих силах, чтобы маршал разрешил тебе уйти из замка. Поверь моему слову! Ты же видишь, я сделал всё. что я пока мог сделать Пойдем скорей! Нас ждет дочь маршала! Бери книгу, и идем!

Глава V ЧЕРНИЛЬНАЯ КАПЛЯ

^{15 «}Отче наш» (лат.).

Теперь Урсуле пришлось дремать не только под звуки стихов жонглера, но и под звуки монотонного чтения школяра. Ив читал латинский текст своей книги медленно, однообразно, еще медленнее переводил, добросовестно стараясь поточнее передать смысл слов. Он выбрал места, выделенные в свое время его учителем. Это были цитаты из «Града господня» и других известнейших творений святого Августина и святого Бенедикта Нурсийского, который, по словам учителя, требовал чтения духовных сочинений как дела, угодного богу. Об этом Ив сказал Эрменегильде, немало дивившейся его образованности. «Как это, думалось ей, – простой виллан может так много знать?» Но не одна образованность Ива понравилась ей. Пришлись по душе и его приятный голос, и большие добрые глаза, черные брови и пушок на верхней губе. Сравнение Ива с Госеленом окаг валось не в пользу жонглера. Урсуле тот тоже не нравился. «Вертлявый болтунишка», – говорила она, а про Ива сказала: «Парень степенный». Одним словом, с первого же дня появления Ива арфа уступила место книге. Иногда Эрменегильда брала ее в руки, с особой почтительностью ощупывала переплет и бережно перелистывала страницы, с восхищением всматриваясь в замысловатые завитушки заставок и заглавных букв, подзывала к себе Урсулу и показывала ей красиво, четким, круглым почерком исписанные черными чернилами страницы. Кормилица, удивляясь, покачивала головой и разводила руками. Задолго до полудня Эрменегильда говорила жонглеру: «Поди позови школяра». А Госелену только это и нужно было: куда охотнее он развлекал повара маршала, чем его дочь. Во-первых, можно было отбросить всякие церемонии, во-вторых, петь Полупристойные песенки про клириков и монашек, куда более веселые, чем слащавые песни трубадуров, и, в-третьих, получать в дополнение к обычной похлебке порядочный кусок жареного гуся с такой подливкой, от которой не отказался бы и сам король.

Ив, со своей стороны, поглядывал на маршальскую дочь и удивлялся, как это могло случиться, чтобы у такого уродливого отца была такая коротенькая дочка, и какая у нее белая, тонкая рука, и какие, должно быть, шелковистые эти струящиеся волнами волосы.

В первый же день их встречи пришел рыцарь Рамбер, послушал чтение, перевод и одобрил избранные цитаты. Потом самым ласковым образом начал расспрашивать Ива, откуда он родом и кто его отец, видал ли он своего сеньора и бывал ли у него в замке. О сеньоре Ив сказал, что видел его издали скачущим за охотничьими собаками, а в замке у него никогда не был.

Когда рыцарь ушел, Эрменегильда продолжала расспрашивать Ива о его жизни в деревне и о том, что он предполагает делать в Париже.

Ив рассказывал ей обо всем этом и о своем теперешнем печальном положении невольного пленника. Он даже осмелился обвинить отца Эрменегильды в несправедливом отказе в просьбе тогда, на лесной опушке, отпустить его в Париж, такой заманчиво близкий.

— Я не понимаю, — сказала Эрменегильда, — почему отец не отпустил тебя. Ты, наверно, не так понял его. Мой отец слишком добр и справедлив, чтобы отказать в такой пустячной просьбе. Я непременно скажу ему. Отец просто думает, что тебе здесь очень хорошо, ведь он о тебе ничего не знает. Я непременно скажу ему.

Слова о доброте и справедливости так не вязались с тем, что говорил о Клеще псарь Жак, с рассказом о нем звонаря Фромона и, наконец, с его собственным впечатлением от рыцаря Рамбера, что Ив понял — Эрменегильда не знает правды о своем отце. Говорить ей об этом он не имеет права, и надеяться ему на ее помощь нечего: убежденная, что отец ее «добр и справедлив», она будет верить всему, что тот ей скажет, и все будет так, как захочет Клещ. И пусть Госелен тоже не уверяет, что сумеет выпросить для Ива разрешение уйти из замка.

Ни на второй, ни на третий день ничего не изменилось в положении Ива. Он не смел спрашивать у Эрменегильды, говорила ли она с отцом. «Наверно, не говорила или говорила, но ничего не добилась, поэтому и молчит», — так Ив думал. А она, как и в прошлые разы, вызывала школяра до полудня, внимательно слушала отрывки из «Трактата о благодати», особенно ей понравившегося. Потом Урсула стала утверждать, что чтение, хотя и

божественное и освещенное святыми отцами церкви, утомительно для ее молодой госпожи. «Это нам, старикам, впору слушать, а ей и развлечение надо», – и тут же предложила Эрменегильде научить Ива игре на досках, чем ему и пришлось заняться.

Игра оказалась несложной. На деревянной доске, разделенной пополам перегородочкой, с каждой стороны нарисовано по двенадцати треугольных клеток, красных и белых. У каждого из двух игроков — шашки, у одного белые, у другого черные, и пара игральных костей. По очереди каждый выбрасывает эти кости из стаканчика, и, сколько они покажут очков, на столько клеток надо подвинуть свою шашку. Кто займет все двенадцать клеток, получает фишку. Фишки вкладываются в дырочки, сделанные по двум краям доски. Кто первый заполнит все дырочки, тот выигрывает партию, и игра начинается сначала 16.

Так продолжалось четыре дня Когда Ив уходил из маршальского дома, возвращался на нижний двор и, поев похлебки, усаживался на бревно, к нему подходил Фромон. Ив рассказывал ему про дочку маршала.

- Видаю я ее, говорил звонарь, в церкви видаю, хорошая девушка. Жаль ее, бедняжку, без матери растет. А ее мать рыцарь Рамбер убил.
  - Убил?!!
- Попросту извел издевками, побоями Зря издевался, зря бил. Зачахла, несчастная, и умерла в чахотке. А от дочери скрыл, конечно. Кормилица это все знает, да молчит. Как же тут не молчать? Попробуй скажи!.. А девушка, видать, не в отца, добрая. Она ему, верно, про тебя сказала, а вот что он ответа никакого не дал, это плохо. Плохо, повторил звонарь и задумался.

Иву не по себе стало от этого разговора.

В конце четвертого дня он спросил у Госелена, говорил ли он о нем маршалу. Жонглер сделал такое лицо, словно ему помешали размышлять о чем-то очень для него важном.

— Что ты говоришь? А! Да, да, конечно... Нег, не говорил. Видишь ли, скоро у них будет празднество, так что, знаешь, потерпи несколько дней. Празднество кончится, и мы с тобой уйдем отсюда. И ты, пожалуйста, не беспокойся, ведь я тебе обещал.

Эти последние слова, неуклюже пристегнутые к разговору о празднестве, не ободрили Ива, а наоборот, укрепили в мысли о чем-то безысходно мрачном, что ждет его в этом замке.

Утро следующего дня было пасмурным и душным. К полудню стало темнее и донеслось глухое ворчание надвигающейся грозы.

Ив шел в верхний двор, В воротах его чуть было не сбил с ног неожиданный порыв ветра, засыпал глаза пылью, растрепал волосы. Только Ив добежал до дома маршала, как блеснула молния и, разодрав небо, рухнула на замок оглушительным ударом, треском, гулом с проливным дождем, густой завесой повисшим над двором.

Когда Ив вошел в комнату Эрменегильды, она сидела на скамеечке, уткнув лицо в колени кормилицы и зажимая уши пальцами. Урсула, подняв глаза к потолку, бормотала молитвы и перебирала руками четки. Окно было занавешено ковром, только сбоку была оставлена узкая щелка, пропускавшая слабый свет. Они не слышали, как вошел Ив, и, когда он тихо кашлянул, чтобы обратить на себя внимание, Урсула вздрогнула и в испуге вскрикнула:

– Кто это?

Эрменегильда приподняла голову:

— А, это ты, Ив? Какая страшная гроза! Урсула говорит, что грозу господь бог посылает на нас за грехи наши, что во время грозы надо молиться, чтобы отогнать от себя демонов. Они радуются страху людей и пользуются случаем еще больше запугать их и завладеть их душами. Когда Урсула занавешивала окно, она видела, как с порывом ветра вместе с пылью неслись и кружились демоны, один из них — с хвостом в виде змеи. Урсула отпугнула их

¹⁶ Игра эта существовала и в древнем мире – в Греции и Риме. В Европу она попала из Персии и была очень распространена в средние века. Во Франции она носила название «Jeu des tables» – «Игра на досках». В дальнейшем она приобрела название «триктрак» и существует и в наше время.

крестным знамением и молитвой святой троице, а то они влетели бы сюда и искалечили бы нас.

Все это Эрменегильда прошептала, то и дело боязливо поглядывая на окно, откуда доносился шум ливня.

— В грозу они особенно дерзки, — тоже шепотом сказала Урсула. — Брат Кандид мне говорил, что он читал мессу, а в это время налетела гроза. Так два демона не давали ему совершать богослужения: один тушил свечи на алтаре, а другой, обернувшись кошкой, вскочил брату Кандиду на голову. Из-за грозы никто в церковь не пришел, и брат Кандид один еле справился с окаянными, окропив их святой водой...

Рассказ Урсулы был прерван блеснувшей за окном молнией, вскриком Эрменегильды, снова уткнувшей голову в колени кормилицы, сильным ударом грома и частым стуком в дверь Испуганные женщины не откликнулись на него.

- Кто-то стучит к вам, сказал Ив.
- Ax! Святая Мария! воскликнула Урсула, крестясь. Кто там? Войдите!

Урсула хотела встать, но Эрменегильда схватила ее за руку:

– Не уходи! Мне страшно!

Дверь отворилась, и на пороге ее появился один из вкюйе барона.

- Простите, госпожа, за беспокойство, сказал он и обратился к Иву: Тебя зовут Ивом?
  - Иди за мной.

Эрменегильда встала:

- Подождите! Куда вы его уводите?
- По приказанию мессира барона, ответил экюйе и ватворил дверь за собой и Ивом.

«От кого он узнал мое имя? – думал Ив, идя за вкюйе. – Ведь, кроме Госелена, моего имени никто здесь не знает. Значит, кто-то спросил у Госелена? Кому оно понадобилось? Ведут меня по приказанию барона, значит, барону понадобилось мое имя. Зачем?» Зажав под мышкой свою книгу, Ив шел по верхнему двору к мосту через ров, окружавший стену, так называемую «рубашку» главной башни. Дождя уже не было, ветра тоже, но небо все еще было затянуто серой дымкой.

Двор был пуст, только в луже купались воробьи. Прошли через мост, подошли к стене. Экюйе крикнул:

– Оэ! Лестницу!

За решеткой окна у двери на мгновение мелькнуло лицо привратника, потом он появился в дверях и спустил железную лесенку. Поднявшись и пройдя полутемным проходом по такой же лесенке, экюйе и Ив спустились по другую сторону стены. Там они подошли к ступеням подъезда главной башни, над которым тоже высоко была вырублена дверь, но лесенка из нее была спущена, У подъезда ходил взад и вперед дозорщик с легким копьем в руке. Экюйе сказал ему, указывая на Ива: «Посмотри за ним, а я сейчас вернусь», и поднялся в башню.

Ив недоумевал: «Что все это значит? «Посмотри за ним»! Точно я вор какой-нибудь!»

Сбоку от подъезда, в стене башни, Ив увидел у самой земли низкое продолговатое оконце с толстыми железными прутьями решетки. «Подвал», — подумал он и вспомнил рассказ звонаря про страшную тюрьму под этой башней.

Прошло довольно много времени. Дозорщик медленно ходил взад и вперед. Зазвонил церковный колокол – полдень. Небо чуть посинело, но солнца все еще не было.

Площадка подъезда служила местом посвящения в рыцари и местом суда владельца замка над его подданными. Так повелось во всех замках, но Ив об этом не знал, поэтому не понял, для чего вынесли и поставили на площадку Широкое кресло резного дерева и положили перед ним пестрый коврик. Дозорщик подошел к Иву и стал возле него.

На подъезд вышел барон, за ним маршал, сенешал и два экюйе. Барон был в длинной белой тунике с вышитыми волотой ниткой подолом и рукавами у предплечья, со складками на груди и опоясанной широким поясом, тоже расшитым золотом. На плечи была накинута

голубая шелковая мантия, обшитая горностаевым мехом с круглой позолоченной пряжкой на правом плече На голове — золотой обруч. Сенешал, управитель всего хозяйства барона, был толстый, розовощекий, усатый старик, похожий на разжиревшего кота, в ярко—зеленом камзоле, с большим кожаным кошелем, висевшим на поясе, толстые ноги затянуты в узкие разноцветные штаны, зеленые и желтые. Экюйе, тот, что привел Ива, и другой, оба были в одинаковых коричневых блио и синих, облегающих ноги штанах, вакрывающих ступни. Барон сел в кресло. Экюйе стали за ним, сенешал и маршал — по обе стороны.

Ближе, – отрывисто сказал барон Иву.

Сенешал и маршал, оба одновременно дернулись вперед и, перебивая друг друга, крикнули дозорщику:

– Подведи его ближе!

Дозорщик копьем подтолкнул Ива к ступенькам подъезда.

- Узнаю, тот самый, так же отрывисто сказал барон, чуть повернув голову к маршалу, и, прищурив глаза, обратился к Иву: Звать?.. Звать как?, Ив, поспешил сказать маршал.
  - Пусть сам говорит, а ты помолчи! повысил голос барон и опять к Иву: Звать?
  - Ив.
  - Откуда?
  - Из Крюзье–на–Эре.
  - Близ Шартра?
  - Да.
  - Что это у тебя за книга?
  - Моя.
- Какая книга, спрашиваю! крикнул барон, топнув ногой. Потом протянул руку: Дай сюда!

Ив крепко зажал книгу и сделал вид, что не слышит.

- Дай сейчас же книгу!
- А вы отдадите ее мне?
- Ты смеешь не повиноваться мне, вонючий звереныш? Взять у него книгу!

Оба экюйе бросились исполнять приказание. Ив прижал книгу к груди скрещенными руками.

- Не троньте, сказал он взволнованно. Пусть мессир маршал скажет, что я не лгу: книга моя, и он знает, что в ней написано.
  - Что это за книга? спросил барон маршала.

Красные веки рыцаря Рамбера часто замигали.

– Клянусь именем бога распятого, я эту книгу вижу в первый раз! – прогнусавил он.

Ив обомлел от изумления.

- А, так ты еще и врешь?! крикнул ему барон. Взять у него книгу!
- Я говорю правду, а мессир маршал...
- Молчи!!! взвизгнул рыцарь Рамбер.

Экюйе выхватили у Ива книгу и передали барону. Тот грубым движением раскрыл, словно разломил ее, и несколько раз перекинул страницы с одной стороны на другую.

Ив умоляюще протянул к нему руки, воскликнув:

- Что вы делаете?.. Это святая книга!
- Святая? спросил барон, насупив брови. О чем тут?
- Это книга изречений святого Августина и святого Бенедикта.

Барон поднял брови и осторожно закрыл книгу.

- Ты умеешь читать?
- Да.
- А писать?
- Немного.
- Отдайте ему книгу, сказал барон, через плечо передавая ее экюйе.

Рыцарь Рамбер наклонился к барону и стал шептать ему на ухо. Тот недовольно мотнул

головой.

- Его грамотность мне пригодится, сказал он тихо маршалу. Отпустить его! И, встав, ушел, сопровождаемый своими приближенными.
- Ступай, парень, сказал дозорщик Иву и, подойдя к нему поближе, добавил шепотом; Клянусь телом святого Дионисия, ты счастливо отделался. Уж и впрямь не святая ли она у тебя? И с выражением особой благоговейной робости он дотронулся указательным пальцем до книги.

Расчет рыцаря Рамбера оправдался: ослепленный неуемной ненавистью к дю Крюзье, барон поверил не совсем убедительным наветам своего маршала, утверждавшего, что школяр, подданный дю Крюзье, подослан им с целью выведать ближайшие намерения барона о его походах, путешествиях или просто выездах, чтобы успеть вовремя устроить засаду и взять в плен барона или сделать что-нибудь еще того хуже. Маршал нашептал, что Ив умышленно указал в лесу неправильное направление бега оленя, что, может быть, тоже входило в планы дю Крюзье, у которого, несомненно, есть связь с лесными разбойниками. Пусть мессир барон хорошенько вдумается в то обстоятельство, что идти школяру по лесу, полному всяких опасностей, вместо большой дороги по меньшей мере странно. О своем приказании вести Ива в замок маршал предусмотрительно умолчал, преподнеся появление в нем школяра под покровом ночи тоже как уловку человека, подосланного врагом барона. Оба эти обстоятельства были подкреплены показаниями жонглера Госелена, запуганного и соответственным образом обработанного маршалом. Кроме его основных отрицательных качеств – легкомыслия и себялюбия, – Госелен обладал еще двумя: слабоволием и трусоватостью. И он пошел на подлость, сказав себе: «Что мне, в конце концов, за дело до этого школяра? Сошлись мы с ним случайно и скоро разойдемся, чтобы никогда больше не встретиться». И, приведенный маршалом к барону, он подтвердил «подозрения» рыцаря Рамбера. Таким образом, маршал оправдал доверие своего сюзерена, который имел теперь все основания вызвать своего врага на поединок, а его подлого виллана запереть в своем подземелье как заложника.

Подавленный всем происшедшим, встревоженный словами дозорщика, Ив угрюмо доплелся до своего бревна и сидел, опустив голову на облокоченные о колени руки. Его охватило мучительное чувство полной покинутости, острой обиды. Хотелось плакать при мысли о далеких отце и учителе, о родном доме. Хотелось скорей, сейчас же поделиться с кем-нибудь, кто понял бы его, объяснил и посоветовал, что делать. Для чего-то ведь понадобилось барону говорить с ним, расспрашивать? Что значат все эти расспросы? И что будет дальше? Дозорщик сказал: «Отделался». Отделался ли? Мысли Ива путались. Погруженный в них, он не видел, как подошел звонарь, и вздрогнул, когда тот дотронулся до его плеча.

– Что с тобой? – спросил Фромон.

Взглянув в глаза старика, полные доброй заботы, Ив мгновенно понял, что перед ним именно тот самый человек, которому все надо рассказать и просить совета.

Выслушав взволнованный рассказ Ива, Фромон, промолчав, сказал:

- Да, суд совершили над тобой милостивый, непривычный и, по всему видно, не окончательный, потому что у нас так не делается, и чем ты лучше других, я не могу понять. А что Клещ наврал про твою книгу, тоже говорит за то, что это ему нужно, а вот зачем, это вопрос. И я тебе, мой парень, вот что скажу: иди-ка ты сейчас к дочке маршала и все, что ты мне рассказал, расскажи ей. Только смотри предупреди ее, чтобы она своему папеньке ничего об этом не говорила, избави ее от этого святая Мария!
  - А зачем ей об этом знать? удивился Ив.
- Затем, что так надо. Послушайся меня, я тебе плохого не посоветую. Ступай-ка поскорей.
  - Не могу я идти к ней не в урочное время.
- Ладно, сказал Фромон. Пойду-ка я сам. Я лицо «духовное», мне можно во всякое время. Жди меня тут, я живо вернусь.

Слова звонаря приободрили Ива, внушив ему надежду на благополучный исход всего происшедшего с ним. Он отнес свою книгу в дом, спрятал в мешок, вернулся и, снова сев, стал ждать Фромона. Тот действительно очень скоро пришел и сказал, что все передал дочке маршала. Ив напрасно расспрашивал о подробностях разговора. Фромон сказал ему только, что завтра, когда дочь маршала позовет Ива к себе, то, если пожелает, сама скажет ему все, что надо Увидев подходившего псаря, Фромон сощурил в улыбке глаза и похлопал Ива по плечу:

- Идет твой «сенешал» приглашать тебя к столу. Не унывай, парень, все будет хорошо...

Рыцарь Ожье сидел у себя в спальне. Рядом с ним на шелковой подушке спала Клошэт, вздрагивая во сне. За окном потухал день, и в комнате было темновато. Перед рыцарем на столе стоял ларец из душистого заморского дерева, украшенный искусной резьбой прославленного в старину монаха – мастера монастырской школы в Пуатье. В благочестивом рвении, во спасение души своей, он изобразил на четырех боках ларца символы евангелистов 17: крылатого льва, крылатого быка, орла и ангела с головами, окруженными нимбами 18. На крышке изображен был последний суд. Ангел в длинном одеянии держит весы, в их чашах лежат души умерших в виде голых человечков. Черт с рогами и хвостом железными вилами подгоняет к весам толпу таких же человечков. На костре кипит котел, и дракон когтистой лапой держит корчащегося в муках грешника. Ангел, черт и дракон большие, а голые человечки совсем малюсенькие. По углам ларца – колонки с капителями из переплетающихся фантастических полуживотных, полурастений. Ларец этот вместе с мечом отца рыцаря Ожье, погибшего в крестовом походе при взятии Иерусалима, привезен был из Палестины и, как родовая реликвия, бережно хранился в замке Понфор. В ларце были листы древнего пергамента, железная чернильница с чернилами из сажи и растительного масла, круглая палочка воска и в трубочке из слоновой кости калам – тростниковое перо. Хранилась там и печать семьи де ла Тур – железный перстень с шестиугольным золотистым камнем, на нем было вырезано изображение леопарда с поднятой лапой.

Один за другим вынимал рыцарь эти предметы. Из свернутого в трубку пергамента он выбрал два листа, один, пустой, отложил в сторону, другой разгладил рукой и наклонился над ним, рассматривая затейливый чертеж – два круга один в другом с общим центром. Между ними – двенадцать делений, обозначенных знаками Зодиака. В этих делениях – изображения планет. Это был гороскоп рыцаря Ожье, составленный придворным астрологом герцога Фландрского, ученейшим монахом Маврицием. По расположению небесных светил в день и час рождения рыцаря Ожье монах предсказал его судьбу. Рыцарь плохо разбирался в запутанных объяснениях ученого. Он понял только одно: что ему грозит смерть от меча врага, от чего спасти может раскаяние в грехах и ниспосланная за это благодать божья. И вот теперь, когда он решил вызвать злейшего из врагов своих на поединок, настало время удалиться в монастырь и предаться раскаянию, добиться освященной церковью благодати слез 19. Но и сейчас, прежде чем написать вызов на поединок, он должен испросить благословения. И, задвинув засов двери (молитва должна быть тайной), он распростерся на полу и вознес молитву к святой деве Марии. Клошэт, недовольная, что рыцарь, вставая, разбудил ее, оскалила зубы и зарычала. За это он сбросил ее со скамьи, и она, дрожа всем тельцем, забилась под кровать.

¹⁷ Евангелисты – последователи Христа, написавшие Евангелия – книги его жизни.

¹⁸ Нимб – светлый круг, рисуемый над головами святых.

¹⁹ Благодать слез. – Монахи утверждали, что раскаяние в своих греках надо сопровождать слезами. Чем больше их прольет кающийся грешник, тем это будет угоднее богу.

- О, нежная дама небесная! шептал рыцарь, прижав лицо к холодному камню пола. Соблаговолите помочь мне в предпринимаемом мною подвиге чести. Клянусь господом богом, сотворившим Еву и Адама, всегда стоять за веру и церковь, за защиту невинно угнетенных, смирением и молитвой искупить грехи свои во славу всемогущего бога, давшего законы!
- И, встав, раскрытой ладонью осенил лицо крестным знамением. Потом, приоткрыв дверь, хлопнул в ладоши. Тотчас появился экюйе.
- Возьми это и неси за мной, сказал он, передавая экюйе чернильницу, калам, чистый лист пергамента и восковую палочку, а перстень с печатью надел на левую руку.

Экюйе зажег факел и, высоко подняв его, шел за бароном вниз по крутой лестнице. Спустились они на один ярус и вошли в небольшую комнату с узким окном и потемневшими от времени широкими деревянными балками потолка.

– Садись к столу, пиши!

У стены стоял стол. Письменную принадлежность экюйе положил на стол, а горящий факел водрузил в железное гнездо, прикрепленное на стене у окна. Барон сел к столу, приказал позвать маршала и пришлого школяра с нижнего двора.

За окном чернела ночь.

Пламя факела, потрескивая, чуть колебалось, наполняя комнату запахом смолы и заставляя тень от стола и фигуры рыцаря Ожье медленно ползти, то вытягиваясь во всю длину каменного пола, то снова сжимаясь в бесформенное темное пятно. Рыцарь следил взглядом за движением тени, и показалась она ему похожей на высокий гроб, покрытый длинным покрывалом. Он откинулся к стене, закрыл глаза и, положив вытянутые руки на стол, крепко сжал кулаки. На указательном пальце правой руки рубин в золотом перстне Агнессы д'Орбильи поблескивал кровавой каплей.

Ив и рыцарь Рамбер пришли почти одновременно. Барон отпустил экюйе, приведшего Ива, и, указав маршалу на скамью, сам стал молча ходить взад и вперед по ком* нате.

Внезапный вызов к барону в такой поздний час испугал Ива, успокоившегося было после разговора со звонарем. Волнение усилилось еще больше, когда экюйе повел его по темной лестнице главной башни. И теперь в этой полутемной комнате, оставленный с глазу на глаз с бароном и маршалом в гнетущем молчании, Ив растерянно переступал о ноги на ногу. Чего хотят от него эти два человека, от злой воли которых зависит судьба его, бессильного и беззащитного? Он слышал, как часто колотится его сердце и кан трещит факел и роняет на пол угольки.

Наконец барон подошел к нему и, толкнув в плечо, сказал:

– Садись к столу, пиши. Вот, – и ткнул иальцем в лист пергамента.

Рука Ива дрожала, когда он взял калам. Деревенский священник учил Ива писать легким, коротким гусиным пером с концом, разделенным надрезом, а калам был длинный и без надреза. Ив робко стал усаживаться, перекладывал с места на место пергамент, поворачивал его то в одну, то в другую сторону, прилаживался.

Барон топнул ногой:

– Долго я буду тебя ждать, паршивец?

Маршал, сидевший рядом, прошипел:

- Довольно ковыряться!
- Слушай и пиши, сказал барон и, продолжая ходить, стал диктовать:
- «От рыцаря Ожье де ла Тура рыцарю Реио дю Крюзье послание.

Я, рыцарь Ожье де ла Тур барон де Понфор, по милости и с помощью бога лучезарного раскрыв козни твои, подлым путем уготованные против меня тобою, сыном потаскухи и впрямь черным душою и помыслами, клянусь богом грозящим проучить тебя в честном поединке. Ни бог, ни человек, ни все святые не смогут оберечь твою голову. От моего меча она соскочит с туловища. Я отрублю ее тебе под подбородок и растопчу ногами, а копье свое я воткну в твою кабанью дичину».

Маршал восторженно прогнусавил:

- Я так и вижу, как вы мощным ударом...
- Молчи, паскудный! Только путаешь меня! прервал его барон.

Маршал поднял руки и угодливо зашептал:

- Молчу, молчу.
- Пиши, да поторапливайся, нетерпеливо сказал барон Иву и опять начал диктовать:
- «Клянусь святым телом святого Гонория, твои разбойничьи помыслы о захвате моих земель и деревень сгниют вместе с твоим вонючим телом…»

От того, что колебался свет факела и рябило в глазах, от нетерпеливых понуканий барона, от сопения маршала, который то заглядывал в написанное, обдавая смрадным дыханием, то гнусавил, подсказывая и сбивая, у Ива стучало в висках, ему было душно, правая рука ныла от напряжения и дрожала. А барон все ходил и ходил, все диктовал и диктовал, и казалось, что пытке этой не будет конца и не хватит сил вытерпеть ее.

Барон говорил своему врагу, что предлагает ему сообщить о принятии вызова в такой-то срок, при неисполнении чего будет считать рыцаря дю Крюзье трусом и объявит ему войну. Что предлагает встретиться в такой-то день в окрестностях города Дурдан—на—Орже, на перекрестке дорог из Парижа в Шартр и из Дурдана в Этамп, там, где развалины древнеримского храма. И что держит запертым в тюрьме замка Понфор в качестве

заложника виллана – подданного рыцаря Рено.

Наконец барон остановился у стола и ткнул пальцев в лист.

– Здесь, пониже, пиши, – сказал он. – «В лето от воплощения Христова тысяча сто девятое, шестого месяца в замке Понфор». Все.

Он взял лист и восковую палочку, подошел к факелу и, растопив на огне воск, капнул им на пергамент. Ив отошел в сторону. Барон вернулся к столу и приложил к воску печать. Придавливая ее ладонью, он вглядывался в написанное.

– Смотри, – сказал он Иву, насупив брови, – вот здесь плохо, подправь.

Ив подошел. Барон показывал на слова «воплощения Христова», написанные бледнее других.

- Скорей, сказал барон.
- Поторапливайся! прогнусавил маршал.

Ив не посмел сесть. Стоя писать было еще труднее. Рука дрожала еще больше. И случилось так, что Ив слишком глубоко окунул в чернила калам и капля их скатилась на лист, залив слово «Христова».

Ив обмер.

В то же самое мгновение рука барона с размаху ударила его по щеке. Он отлетел в сторону и, поскользнувшись на гладком камне пола, упал. Он слышал, как барон позвал экюйе. Кто-то схватил факел, отчего сразу стало темней. Кто-то поднял Ива, вытолкнул в дверь и повел вниз по лестнице.

Во дворе, в густых сумерках, еле различимы были очертания стены. Ива свели с подъезда и остановили у двери в подвал. Маршал долго возился с висячим замком, ругаясь. В это время к нему подошел кто-то, и был слышен тихий разговор и чей-то отвратительный смех.

Веди! – крикнул маршал.

Человек, ведший Ива, ткнул его в спину.

Когда Ив, нашупывая ногой ступени, стал спускаться в подвал, он снова услыхал гнусавый голос Клеща, говорившего тому, во дворе:

– Ключ отнесешь сенешалу, а я пойду к барону.

Когда человек, приведший Ива, поднялся обратно по лестнице и железная дверь закрылась за ним, потом глухо стукнул наружный засов, когда, ощупывая руками холодные стены, Ив наткнулся на скамью и, сев на нее, поднял голову, глаза его, постепенно привыкнув к темноте, различили высоко еле видимый смутный свет в продолговатом окне.

Вспоминая, как его вели сюда, Ив понял, что это тот самый подвал, окно которого он видел днем, когда стоял у подъезда главной башни. Значит, под ним та жуткая тюрьма, о которой рассказывал звонарь. И, может быть, его теперь бросят в нее? А завтра Эрменегильда позовет его, а ей скажут: «Школяра нет, и никто не знает, где он». Клещ наврет ей что-нибудь. Фромон? Он догадается, но что может сделать? Он такой же подневольный раб, как и все в этом замке.

«За что, за что? – шептал в отчаянии Ив. – За чернильную каплю!»

И внезапно – страшная мысль: «А кто же там внизу? Заложник, подданный рыцаря Рено дю Крюзье... Крюзье-на–Эре... Так вот зачем сегодняшние выспрашивания о деревне и о моем имени!»

— Заложник!! — Это слово Ив выкрикнул в неудержимом порыве отчаяния и упал ничком на скамью.

Глава VI ПИРШЕСТВО

Рыцарь Ожье с нетерпением ждал возвращения маршала, и, когда тот пришел и доложил, что школяр благополучно заперт в подвале, и добавил: «Пусть займется там философией, самое подходящее для этого место», рыцарь Ожье благосклонно улыбнулся и

приказал, чтобы немедленно был снаряжен гонец, который отвезет его послание в замок дю Крюзье.

- Выбери человека посмелее. Пусть возьмет на всякий случай короткий меч и спрячет хорошенько под плащом да еще пенион ^{20} подлиннее. К нему он привяжет мое послание и поднимет к окну привратника Рог чтоб не забыл взять. С коня не сходить и мигом обратно вскачь. Растолкуй ему, чтоб расседлал и пустил на траву коня, не доезжая до Крюзье, а вот обратно чтоб скакал без отдыха сколько будет сил. Я не хочу, чтобы рыцарь Рено тоже захватил у меня заложника. Пусть выезжает чуть свет. Ступай.

Пир в замке Понфор был приурочен к дням рыцарских турниров и связанных с ними празднеств, кончавшихся, по установленному обычаю, в середине лета. Но не это было главной причиной устройства пира. Рыцарь Ожье созвал своих друзей, родственников и вассалов, чтобы объявить о вызове им на поединок Рено дю Крюзье. Эти близкие родственники и друзья, эти покорные вассалы должны были всемерно содействовать, чтобы на поединок съехалось как можно больше зрителей, чтоб обставлен он был особенно пышно, как и подобает знатному роду де ла Туров. Не сомневаясь в счастливом исходе поединка с Черным Рыцарем, не очень ловким бойцом и храбрым только на словах, рыцарь Ожье хотел отличиться перед избранными зрителями и дамой своего сердца Агнессой д'Орбильи со всем блеском своих рыцарских достоинств – смелости, ловкости и красоты. В воображении рисовалась картина его блестящей победы, сопровождаемой ликующими кликами зрителей. День будет солнечный, и он, победитель, в сияющих золотом доспехах, преклонит копье перед сюзереном своего сердца. Какая радость, какое счастье могут сравниться о чувством одержанной победы над исконным врагом своим на глазах у прекрасной дамы – земного воплощения божества, служению которому посвятил себя рыцарь, ее вассал и верный до гроба раб!

Приготовления к пиру начались тотчас после отправления гонца, и более суток замок походил на взбудораженный муравейник. От сенешала до последнего поваренка все сновали с утра до вечера и с вечера до утра с одного двора на другой, из дома в дом, из башни в башню, сталкивались в воротах, сбивали друг друга с ног на темных лестницах. Дым из труб пекарни и кухни стлался по дворам, проникал в жилые помещения вместе с запахом хлеба, пирогов, жареного мяса, подгорающего жира и чесночных соусов.

Большой зал в первом ярусе главной башни, с огромным камином и колоннами с причудливой резьбой капителей, поддерживающими свод в одном из его концов, был разукрашен пестрыми пергамскими ²¹ коврами и развешанными на стенах изогнутыми восточными мечами, луками, щитами, захваченными в боях с сарацинами. Два длинных стола из досок, положенных на козлы, стояли вдоль зала, третий стол, почетный, для сеньора и избранных гостей, был выше других и стоял поперек под сводом, и скамья к нему была не простая, а с высокой резной спинкой.

Пир начался засветло. День был солнечный и щедро лил широкие лучи света через достаточно большие окна. Перед началом пира хозяин замка, его гости и допущенные к столу приближенные барона вымыли руки, чего в те времена не делали перед обычной едой, как и вообще редко умывались, и что перед званым пиром превращалось в особую торжественную церемонию. Мыли руки у входа в зал в наполненном водой большом круглом каменном бассейне, установленном на широком приземистом постаменте.

К столу двинулись медленным шествием, возглавляемым толстым сенешалом барона с ореховой палочкой в руке. Рыцарь Ожье почтительно вел за руку свою пожилую родственницу, жену рыцаря Жоффруа. За ними шли приглашенные рыцари и их жены со

²⁰ Пенион – легкое копье.

²¹ Пергам — столица Пергамского царства в Малой Азии в III веке до н. э. Пергам славился выработкой пергамента и выделкой ковров.

своими приближенными, высшие чины замка, затем экюйе и, наконец, те люди из низшей челяди, которые должны были стоять за скамьями для всяких услуг пирующим господам. Не позабыта была и левретка Клошэт. Ее торжественно, на шелковой подушке, нес экюйе следом за бароном.

На столах искрились в солнечном свете большие золотые и серебряные кубки и чаши, стояли кувшины с вином и с водой к нему, был разложен пшеничный хлеб, ножи и ложки. Бочки с вином стояли у стен, наполняя воздух запахом заморских пряностей.

Пожилая дама, исполняя роль хозяйки дома, знаком руки пригласила гостей занять места. Монах—капеллан, произнеся краткую молитву, благословил хлебы и вино. После этого рыцарь Ожье, преклонив колено, преподнес своей родственнице чашу вина и поцеловал ее руку, а дама поцеловала рыцаря в подбородок и, приподняв чашу, пригубила ее. Это было знаком к началу пира.

Торжественно–размеренная медлительность движений и обрядовая безмолвность мгновенно сменились беготней и шарканьем слуг, вносивших кушанья, разливавших вино по кувшинам, покрикиваниями депансье и бутелье, наблюдавших за порядком подачи блюд и вина, и говором гостей, принявшихся за праздничное угощение.

За дикими утками и прочей болотной дичью следовали жареная баранина, вареные лещи и форели, приправленные пряностями, за ними — плечо дикого кабана и медвежий окорок, обильно политые соусом с перцем и гвоздикой, и, наконец, на огромном блюде, украшенном травой и цветами, целый олень.

Слуги расставляли по столам по указанию сенешала большие глубокие миски с кушаньями и соусами. Миски были общие, и гости вытаскивали из них куски дичи или мяса прямо руками. Жирный соус стекал по пальцам обратно в миску и на стол, капал на платье, лоснился на губах и щеках. Слышались смачные причмокивания и похвалы отменной кухне. Огромные кубки вина быстро опустошались и тотчас же наполнялись вновь.

Особенно отличался супруг родственницы барона, рыцарь Жоффруа, сидевший вместе с ней за почетным столом. Поднимая кубок, он далеко оттопыривал локоть, попадая им в лицо соседа — рыцаря Рауля. Тот и другой были пожилые и изувечены в турнирах и поединках, за что первый был удостоен почетного прозвища «Старый Орел», а второй — «Рауль Великолепный». Жоффруа был хромой, и глубокий шрам пересекал его щеку от виска до рта. У Рауля не хватало одного уха, отрубленного в поединке, и указательного пальца, отрезанного им по прихоти дамы сердца и, как рассказывали, посланного ей в золотой коробочке. У Старого Орла под лохматыми бровями выпучивались белесые глаза и толстая нижняя губа брезгливо отвисала. Лицо было черное от загара, борода и усы спутаны комком. У Рауля Великолепного бровей не было, глаза с опущенными веками едва смотрели на собеседника и тонкие бледные губы были презрительно сжаты, кожа лица светлая, усы и борода тщательно пострижены.

Жоффруа был ярым охотником, без устали мог скакать он за зверем, не щадя ни своих, ни чужих посевов, отчего постоянно враждовал с соседними сеньорами и всегда нуждался в деньгах. На пир в замок Понфор он приехал в сопровождении одного псаря, превращенного на этот случай в оруженосца, и прихватил с собой двух соколов, которыми хотел похвастать перед рыцарем Ожье.

Рауль всю жизнь думал и говорил о любви, о галантных манерах и о поэмах трубадуров. Сам играл на арфе и сочинял стихи, посвящая их дамам. Сейчас за ним стояли шесть дамуазо — мальчики благородного звания, готовящиеся стать пажами, приехавшие с ним для услуг.

Рыцарь Жоффруа с мятой круглой шапочкой на лысой голове был одет небрежно в тунику не первой свежести с поясом, покрытым жирными пятнами, о который он то и дело вытирал свои грязные волосатые руки. Туника рыцаря Рауля была белоснежная, туго перепоясанная широким поясом, расшитым серебряными и золотыми розами. На плечи накинут легкий шелковый плащ цвета морской волны, схваченный наверху тонкой золотой цепочкой. Длинные прямые волосы сдерживались золотым обручем. На белой руке его

сверкал перстень.

Между рыцарем Жоффруа и хозяином замка восседала Клошэт. Рыцарь Ожье выбирал для нее из мясных блюд самые маленькие косточки и серди лся на рыцаря Жоффруа, который, вместо того чтобы следовать его примеру, обсосав кости, бросал их обратно в общую миску. Клошэт вырывала угощение из руки хозяина и жадно грызла кости, возя их по своей шелковой подушке.

С другой стороны барона сидела жена рыцаря Жоффруа, а рядом с ней – рыцарь Оливье со своей супругой.

Этот рыцарь приходился хозяину замка двоюродным братом. Прозвища у него не было: это был скромный человек, не принимавший участия в рыцарских играх и поединках, ссылаясь на больную грудь. Вместо подвигов на путях рыцарской чести и тайных молитв рыцарь Оливье всецело отдался птицеловству. Комнаты его замка были наполнены клетками с малиновками, дроздами, чижами, соловьями, сойками. Куда бы ни ехал рыцарь Оливье, он вез с собой принадлежности птицеловства. Так и теперь он захватил с собой двух лучших своих птицеловов, силки для ловли птиц, клетки и целый набор свистулек—манков. Одет рыцарь Оливье был скромно, в кожаную безрукавку, длинных волос своих не обвязывал и бороду не стриг. Жена его — худая, чопорная и молчаливая. Волосы ее, расчесанные на прямой пробор, были распущены. На голове серебристая лента с розетками сдерживала тончайшую павийскую²² вуаль, ниспадающую прозрачными складками до полу. Дама эта была настолько богомольной, что, даже сидя за столом, держала в руке с висящими на ней четками Псалтырь²³, куда заглядывала время от времени, хотя злые язычки рыцарских жен и утверждали, что она совсем безграмотная.

Жена рыцаря Жоффруа, худая, высокая, седая, с горбатым носом и длинной жилистой шеей, в длинном черном платье с открытым круглым воротником, была похожа на грифа. Говорила она громко, хриплым голосом, то и дело макая куски хлеба в миску с соусом, и отпивала вино из большой чаши. И, как перед хищной птицей, перед ней лежала горка обглоданных костей. Когда разговор зашел о намерении короля выдать некоторым городам коммунальные хартии на самоуправление, жена рыцаря Жоффруа ударила кулаком по столу, воскликнув:

- Клянусь святым Лаврентием, Людовик Толстый возится с этими малыми людьми²⁴ потому, что у них мешки полны золота, и отбирает у нас наши жалкие фьефы...
- Что малые люди! Он с вилланами заигрывать стал! вакричал рыцарь Жоффруа, дожевывая кусок оленины, отчего слова его походили на рычание. С мерзкими сервами²⁵. Они точат на нас зубы. На нас, своих сеньоров, поставленных над ними самим господом богом! Они покорны, когда голодны и раздеты. Нищими их надо делать, а не заигрывать с этими гадинами!

Глаза рыцаря Жоффруа налились кровью, лицо и шея были красны то ли от злобы на короля и вилланов, то ли от вина.

Маршал, суетившийся за спиной барона, нашел минуту подходящей, чтобы предложить позвать жонглера: это Отвлечет гостей от разговоров, и без того наскучивших всем. Так он и Шепнул на ухо рыцарю Ожье.

Налить еще вина рыцарю Жоффруа, – крикнул барон, – и позвать жонглера!

У столов раздались возгласы одобрения, хотя и не очень восторженные: всем заранее

²² Павия – город в северо–западной Италии, где выделывались тончайшие ткани.

²³ Псалтырь – книга псалмов, древнейших духовных песен.

²⁴ Малые люди – так феодалы называли горожан.

²⁵ Сервами феодалы называли крестьян, прикрепленных к землям сеньора.

было известно, какие фокусы покажет жонглер, какие он споет песни.

Госелен явился в ту самую минуту, когда в зал одно за другим были внесены любимые всеми кушанья — жареные павлины с имбирем и лебеди с перцем. Нарезанные куски птичьего мяса были прикрыты перьями этих птиц, положены были и их головы, так что, высоко поднятые несущими, они, как живые, плыли над головами гостей. Принесли и пироги с угрями. Все это и вызвало восторженные замечания присутствующих, которые Госелен принял на свой счет и тотчас принялся отвешивать самые изящные поклоны, сперва почетному столу, потом всем остальным, то закидывая полу плаща на плечо, то отбрасывая ее ногой Назад. Этот выцветший зеленый плащ он выпросил у шамбеллана, ведающего баронским гардеробом. Став в соответствующую позу, Госелен приложил виолу к груди и, округлым жестом взмахнув смычком, извлек из инструмента визгливый, дрожащий звук, потьм запел, или, вернее, ваговорвл нараспев. Решив сделать приятное владельцу Еамка, Госелен отступил от обычной темы жонглерского Пения — боевых подвигов рыцарей или благочестивого жития князей церкви — и спел запомнившуюся ему пастореллу²⁶ — одного трубадура из Арля²⁷, заменив имя героини именем «Агнесса» в угоду рыцарю Ожье.

Он пел о том, как она прекрасна, какое белое у нее тело, как похожа она на распустившийся цветок; он пел о том, что очаровательное лицо ее цвета роз и улыбка сладостны тому, кто смотрит на нее; он пел, что ясные глаза ее излучают дивный свет, проникающий в сердце глядящему в них. Он пел, и песня его больше всего нравилась ему самому. Тишина, наступившая в зале, казалась Госелену признаком восхищения слушателей. Любуясь самим собой и стараясь принять позу покрасивее, он даже закрыл глаза, чем помешал себе увидеть людей, задремавших от обилия съеденного и выпитого, от духоты и надвигавшихся сумерек, от однообразия медленного ритма песни с обычными повторами.

Один рыцарь Рамбер, довольный «своим» Госеленом и предвкушавший благодарность барона за добытого жонглера, благодушно потягивал душистый кларет²⁸, поданный вместе с вафлями, тортами, винными ягодами, гранатами. Голова рыцаря Рамбера кружилась, но не настолько, чтобы он впал в дремоту. Наоборот, в ней зародился новый план, как угодить своему сюзерену, и план этот удачно вязался с предстоящим объявлением барона о его поединке. Отличный план! И, слегка покачиваясь, рыцарь Рамбер подошел к барону и наклонился к его уху Слушая нашептывания маршала, рыцарь Ожье стал заплетать в косички топорщившиеся волосы старика, что свидетельствовало о хорошем расположении духа барона. Кончив шептать, маршал еще некоторое время не поднимал головы, чтобы дать барону доплести косички.

...Я все сказал! –

Этими словами Госелен кончил песню и замер в низком, чрезвычайно замысловатом поклоне, обращенном к почетному столу, ожидая бурного одобрения. Вместо этого при общем молчании раздалась громкая икота рыцаря Жоффруа, а за ней замечание рыцаря Рауля:

– Я бы не сделал его своим менестрелем²⁹.

Рыцарь Ожье, будто ничего не слыша, сказал:

– Благодарю тебя, Госелен! – И, смеясь, добавил: – Твой плащ сильно выцвел от солнца

²⁶ Пасторелла – легкая лирическая песня, где главными героями выступали пастухи и пастушки.

²⁷ Арль – город на юге Франции, у устья Роны.

²⁸ Кларет – смесь вина, меда и душистых специй.

²⁹ Менестрель – жонглер, постоянно служащий сеньору а живущий у него в замке.

больших дорог и ярмарок Сир шамбеллан, выдайте ему один из моих плащей поновее, А вы, сир депансье, отсыпьте ему мешочек серебряных денье³⁰.

Госелен склонился еще ниже и, не разгибаясь, стал пятиться к двери. Со всех сторон поднялся гул голосрв, восхваляющих «щедрость» барона.

Рыцарь Ожье встал и поднял руку. Все умолкли.

- Мессиры рыцари и благородные дамы! Вы знаете моего давнишнего врага и злодея Черного Рыцаря...
- Клянусь нежным сыном Марии³¹, кто же не знает втого труса! воскликнула жена рыцаря Жоффруа.

Тот, в свою очередь, крикнул:

- Давно пора воткнуть железо в его бараньи почки!
- Ты угадал мое желание, Жоффруа, продолжал рыцарь Ожье, вчера вечером я послал дю Крюзье вызов на поединок!..

Эти слова рыцаря Ожье потонули в общем крике яростного восторга. Зал гудел от грубой брани и пьяных выкриков: «Бешеный пес!», «Изменник!», «Предатель!», «Отрубить нос!», «Выколоть глаза!», «Сжечь его деревни!», «Затоптать посевы!» Один колотил кулаком по столу, другой встал на скамью и, потеряв равновесие, грохнулся на пол.

Рыцарю Раулю не нравился пьяный крик, и он, брезгливо морщась, заткнул пальцем ухо. Сильно пьяный рыцарь Жоффруа воспринял это как оскорбление, наносимое его родственнику и владельцу замка Понфор, и, ухватив рыцаря Рауля за волосы, окунул его лицом в миску с чесночным соусом, потом в густой крем торта. Отдуваясь и отплевываясь, рыцарь Рауль пытался отбиться и выкрикивал такие ругательства, какие и не снились его оскорбителю. Все шесть дамуазо с оглушительным визгом бросились на рыцаря Жоффруа, освободили своего господина и, подхватив, вынесли из зала, сопровождаемые общим хохотом.

Воспользовавшись этой суетой, рыцарь Ожье подозвал маршала и сказал, что то, о чем тот шептал ему во время пения жонглера, ему по душе и что сейчас очень кстати привести сюда заложника.

— Пусть все убедятся, какие меры я принял по отношению к дю Крюзье. А кроме того, это вообще позабавит моих гостей. Возьми у сенешала ключ и сам приведи подлого школяра. Мы тут над ним позабавимся!

Рыцарь Рамбер был в восторге: вот когда он дождется наконец милостей от барона. «Берегись, сенешал! Кое-кого могут назначить на твое место!»

Сенешала в зале не оказалось. Экюйе сказал, что сенешал ушел на верхний двор для каких-то распоряжений, и рыцарь Рамбер поспешил за ним.

В это самое время распахнулись двери, и в них вошло десять мальчиков с зажженными факелами в руках. Часть факелов они воткнули в железные гнезда на стенах, с остальными остались стоять у столов. Следом за мальчиками на высоко поднятых носилках, убранных гирляндами из роз, внесли огромный круглый пирог. В таком пироге полагалось быть телячьим мозгам, баранине, диким уткам и маслу с пряностями. Его сняли с носилок и поставили на стол перед рыцарем Ожье, но в этом пироге не оказалось ничего из перечисленного. Когда рыцарь срезал ножом верхушку пирога, оттуда под гиканье присутствующих взвилась к потолку испуганная стайка птичек. Они метались из стороны в сторону, ударяясь о стены и потолок. Вместе с ними метались их тени, и казалось, что птичек множество. В окне чернела ночь, и птички не знали, что в этой черноте их свобода. Одна из них обожгла свое крылышко о пламя факела и упала на стол. Тотчас десятки рук протянулись к ней – кто скорей схватит. Но всех опередила Клошат, вскочившая на стол и

³⁰ Денье – мелкая золотая или серебряная монета.

³¹ То есть Иисусом Христом.

схватившая птичку зубами. Как кошка мышь, она то выпускала свою жертву, то снова схватывала. Головы гостей наклонились над столом. Выпученные глаза жадно наблюдали, как левретка мучила несчастную умирающую птичку. Рыцарь Оливье, единственный из всех, не мог перенести это отвратительное зрелище, поднялся и, никем не замеченный, вышел из зала. Зато рыцарь Жоффруа неистовствовал — он кричал, поощряя Клошэт, и, наконец, послал за своими соколами. Псарь—оруженосец принес на жерди двух синевато—бурых сверху и белых сниау соколов с длинными крыльями. Рыцарь Жоффруа приказал освободить их лапки от цепочек, которые держали птиц, и выпустить соколов к потолку, где продолжали кружиться перепуганные птички.

— Вот когда я покажу вам настоящую охоту! — кричал рыцарь Жоффруа. — Клянусь гробом господним, таких соколов не найти ни в одной рыцарской охоте! За одно это лето они добыли мне столько дичи, что хватит накормить всю страну! Глядите, глядите, какая работа!

Началась омерзительная бойня. Соколы стрелой летали во все «тороны, нанося птичкам меткие и сильные удары своими Острыми изогнутыми клювами. Кровяные брызги летели на поднятые лица зрителей, на их одежду. Окровавленными комочками падали птички на стол, в миски, на пол. Рыцарь Жоффруа гикал, свистел, махал руками. Не отставала от него и его супруга; она даже стала на скамью и тоже кричала и махала руками.

Рыцарь Ожье увлекся этим зрелищем и забыл на время о школяре, не замечая, что маршал непростительно замешкался с его поручением...

Выйдя из главной башни, рыцарь Рамбер заметил, что ночь не была темной. Там, за стенами, наверно, вставала луна; кроме того, ярко светили звезды. И железные прутья в окошке подвала, на которое рыцарь Рамбер покосился, совсем ясно видны. Подъемные лесенки были спущены, и рыцарь Рамбер скоро очутился на верхнем дворе. Желтоватый свет луны лег на крышу капеллы. На ярком пятне открытой двери в кухню мелькали тени людей, слышался говор. Рыцарь Рамбер пошел туда: вернее всего, сенешал именно там. Крепкий кларет давал себя знать — ноги слушались плохо, и маршала покачивало из стороны в сторону. Когда он проходил недалеко от своего дома, ему показалось, что из двери вышла его дочь в сопровождении кормилицы. «В такое позднее время?» Они шли быстро, удаляясь в сторону дальней стены. Догнать он их не мог и Громко нозвал дочь. Обе женщины обернулись.

- Куда вы идете? крикнул рыцарь Рамбер.
- Погулять в саду! крикнула в ответ Эрменегильда.
- А Урсула отвесила низкий поклон.
- Скорей возвращайтесь!

Кормилица поклонилась еще ниже, выпятив горб. Рыцарь Рамбер погрозил ей пальцем:

– Смотри у меня, горбатая!

И проворчал:

– Надо покончить с этими глупыми прихотями Эрменегильды.

Когда он повернулся, чтобы идти к кухне, перед ним. словно из-под земли, вырос звонарь Фромон. ј ; ;

- А! Брат Фромон!
- Смотрю, сир, сказал звонарь, вы идете, и не совсем по прямой линии, а несколько отклоняясь от нее то вправо, то влево. Ну, думаю, мессир маршал устал изрядно, да как же не устать, вы подумайте только! И вот я к вашим услугам, сир.
- Спасибо, брат Фромон, ты мне как раз очень нужен: пойди скорей на кухню и взгляни, не там ли сенешал, а если там, скажи ему, чтобы он поскорее пришел сюда, ко мне.
- Один миг! сказал звонарь и вприпрыжку побежал на кухню, откуда скоро вышел вместе с сенешалом.
  - Ну, что случилось? озабоченно спросил маршала, отдуваясь, толстый сенешал.
  - Дайте мне ключ от подвала главной башни, так велел барон.

- А-а! Догадываюсь, усмехнулся сенешал, очередная похвальба. И вынул из-за пазухи связку ключей. Позвенев ими, он снял с ремешка один ключ и протянул маршалу: Нате. Смотрите, за ключ вы мне отвечаете. Кстати, в случае чего у меня будет свидетель, добавил он, похлопав звонаря по плечу. Простите, у меня, право, нет времени на пустую болтовню. И сенешал убежал снова на кухню.
  - Пойдем-ка скорей, ты мне поможешь, сказал маршал звонарю.

Когда они пришли к подъезду главной башни, маршал передал звонарю ключ и велел открыть замок на двери в подвал, потому что сам он ничего не видит в такой темноте. Фромон сказал:

- O! Сир, почему же вы сразу не сказали, зачем мы идем сюда? Я бы взял фонарь. Насколько я понимаю, нам придется спуститься в подвал?
  - Конечно.
- Тем более, значит, без фонаря не обойдемся. Один миг, сир, и я принесу свой фонарь. Один миг!

И звонарь исчез вместе с ключом раньше, чем маршал успел ему ответить. Походив несколько раз взад и вперед, рыцарь Рамбер почувствовал непреодолимое желание сесть на ступень подъезда: ноги положительно отказывались держать его. «Нельзя садиться ни в коем случае, долг прежде всего, – думалось рыцарю. – Вот всегда так: когда ждешь, время кажется бесконечным».

Но времени действительно прошло ке так уж мало, пока вернулся звонарь с зажженным фонарем. Маршал держал фонарь, а звонарь открывал замок.

- Заржавел он, что ли? досадливо ворчал Фромон и покряхтывал, возясь с замком.
- Скорей, скорей! нетерпеливо торопил маршал, еле держась на ногах.

Наконец замок поддался.

- Уф! Проклятый! проворчал Фромон и, указывая вниз на лестницу, сказал: Пожалуйте, сир, я посвечу вам.
  - Нет, нет, сказал тот, полезай ты, у меня что-то ноги болят.
  - В таком случае, дайте мне фонарь и скажите, что я должен делать.

Маршал протянул фонарь:

 Держи. Спустишься в подвал и поглядишь. Если школяр спит, растолкай его и веди сюда. Ступай скорей!

Фромон осторожно, бочком, стал спускаться по лестнице, держа фонарь высоко над головой

Рыцарь Рамбер оперся рукой о край стены у двери и вглядывался в темный провал подвала. Свет фонаря ударился в стену, пополз по ней вниз. Остановился. Медленно двинулся направо, потом налево. Затем стал шарить понизу, по полу, по углам. У рыцаря Рамбера закружилась голова.

– Скоро ли ты там?! – крикнул он сердито.

Молчание было ответом.

— Скоро ли? — повторил рыцарь Рамбер и увидел, что фонарь медленно ползет вверх по лестнице, освещая концы длинных пол одежды звонаря и его босые ноги в кожаных сандалиях. Казалось, что только одни эти худые, уродливые босые ноги и поднимаются со ступеньки на ступеньку.

Скор...

Голос рыцаря Рамбера осекся: фонарь подскочил вверх и осветил лицо звонаря с вытаращенными глазами и раскрытым ртом.

- Ну? двинулся к нему рыцарь Рамбер.
- Ни-ко-го, раздельно и тихо сказал звонарь.
- Что?! Не может этого быть! Ты врешь! Давай сюда фонарь! закричал рыцарь Рамбер и хотел выхватить фонарь из рук Фромона.
  - Сир, что вы делаете? Вы упадете! Держитесь за мое плечо и идите за мной!

Рыцарь Рамбер вцепился в плечо Фромона, и они вместе осторожно спустились в

подвал. Там действительно никого не было. Рыцарь Рамбер сел на скамью.

- Ты понимаешь, Фромон? прошептал он дрожащим голосом.
- Понимаю, сир, тоже шепотом сочувственно ответил звонарь. Но понял я и другое,
   сир: он колдун.
  - Кто?
  - Школяр.
  - Колдун?
- Да, сир. Я видел у него книгу, с виду вроде церковной, а в ней колдовские знаки. Пойдемте. Если он скрылся быстро, то, может быть, забыл книгу, а я знаю, где он ее прятал в доме у псарей. Вы подождите меня, я сбегаю за книгой, а вы покажите ее барону. Он разберет. Пойдемте.

Рыцарь Рамбер еле выбрался из подвала. Теперь не только ноги, а и руки, и голова, и все тело тряслись в ознобе. Звонарь усадил его на ступеньку подъезда и побежал за книгой, сказав, что забежит к привратнику главных ворот. Фромон ходил долго. Вернувшись, сказал, что перерыл всю солому в доме псарей, осмотрел все углы и книги не нашел. Но самое главное это то, что привратник поклялся святым апостолом Петром, что за всю ночь никто не выходил и не выезжал из замка и что мост все время поднят.

– Вот, сир, лучшее доказательство, что школяр колдун. Полагаю, что он вызвал бесов, которые вывели его из подвала и умчали по воздуху.

Рыцарь Рамбер сидел с опущенной на грудь головой. Косички волос, заплетенные бароном, смешно и жалко топорщились.

- Ты понимаешь, Фромон? всхлипнув, прошептал старик.
- Понимаю, сир, как не понять, ответил звонарь...

На исходе этой ночи неподалеку от той самой древней часовни, у которой рыцарь Рамбер с псарями встретили жонглера и школяра, по тропинке, спускавшейся с холма к дальним, призрачным в густом тумане деревушкам, еще спящим глубоким предрассветным сном, охраняемым черными тенями древних дубов—исполинов, вздымающих длинные корявые лапы, шла горбатая кормилица дочери рыцаря Рамбера. Шла она быстрыми шагами, опираясь на суковатую, кривую палку. Дойдя до опушки леса, сползавшего темной полосой с холма к ряду приземистых хижин дальней деревни, Урсула скрылась в густом орешнике. Там она сняла с головы повязку, потом платье и вышла из орешника не Урсулой, а Ивом с его широкополой шляпой на голове и дорожным мешком за спиной, в котором лежала заветная книга изречений святого Августина и святого Бенедикта, завернутая на этот раз в платье Урсулы.

Ив сел на траву и в первый раз за эту тревожную ночь полной грудью вдохнул дурманящие запахи трав, леса, поля. И только сейчас ощутил давящую усталость и сильную слабость. Сидя в подвале замка Понфор, Ив слышал беготню, голоса, понял, что это начались приготовления к тому самому празднеству, которого так ждал Госелен. Шум продолжался два дня и две ночи, и за это время в подвал никто не приходил и никакой пищи не приносил. А в эту ночь Ив услыхал, что кто-то открывает дверь и спускается в подвал. Это оказался звонарь Фромон, он велел Иву молчать и скорее следовать за ним. Все это в полной тьме. Ив заметил, что лесенки все спущены, и они с Фромоном быстро очутились на верхнем дворе у дома маршала. Звонарь провел его к дочке маршала, сунул в руку крохотный листок бумаги, а сам, не сказав ни слова, ушел. Дочка маршала и ее кормилица заставили Ива надеть на спину его мешок, оказавшийся тут же, а сверх него – женское платье и на голову повязку. Всё тихо, быстро и тоже без единого елова. Потом дочь маршала сказала: «Иди за мной», и они вышли во двор. Когда их окликнул маршал, Ив, сообразив, что должен играть роль кормилицы, дважды низко поклонился Клещу. Потайным ходом дочка маршала вывела его за стены замка в сад, и, когда Ив хотел спросить ее, что все это значит, она закрыла ему рот рукой и шепнула:

– Не надо, не надо! Торопись. Иди вот этой тропинкой. Дойдешь до мельницы на речке,

а там, направо, – большая дорога. По ней не иди, а сбоку, по лесу. Прощай, – и, поцеловав его в лоб, убежала.

Луна светила ярко, и Ив благополучно добрался и до водяной мельницы, и до большой дороги, которая и привела его к знакомой ему часовне.

И рот теперь сидит он в настоящем своем виде, ну никакой погони за ним пока нету, но все-таки лучше, поскорей раздобыв какой-нибудь еды, идти дальше. Зачем ломать себе голову, как удалось звонарю и маршальской дочке спасти его? Самое главное – что он опять на свободе, что там, вон там, где-то за туманом, – Париж!

Ив встал и, обернувшись назад, увидел, что верхушки деревьев зарозовели. Значит, встает солнце. Лес наполнился щебетом, щелканьем, свистом проснувшихся птиц. Особенно старалась иволга, то пронзительно выводя свое коленце, то мелодично журча. Из травы выпорхнула ярко-желтая бабочка и, сев на высокий, тоже желтый цветок, то расправляла, то складывала крылышки – ждала солнца.

Дорога шла круто вниз. Вот и деревушка. Из нее навстречу Иву босоногий мальчуган гнал свиней. Они похрюкивали и бежали, тыкая друг друга рылами.

- Париж далеко? спросил Ив мальчика.
- Вот он, ответил тот, показав на туманную даль.
- У дверей деревенских домов крестьянки поили коз.

В огородах пололи гряды. В фруктовом саду мальчик на дереве тряс яблоки, девочка ловила их в передник. Крестьянин звонко отбивал косу. Около низкой хижины в два оконца, с высокой соломенной крышей, у самой дороги старая крестьянка навьючивала ослика, обвешивая его глиняными кувшинами. Ив подошел к ней и приподнял шляпу:

- Добрый день, мамаша.
- Добрый день, паренек.
- Не продадите ли мне молочка немного и кусочек хлеба? Только денег у меня нет, но я вам заплачу вот этим.

Ив вытащил из своего мешка платье Урсулы и ее повязку и, протягивая их крестьянке, сказал:

– Очень долго шел я, устал, давно не ел...

Крестьянка молча рассматривала платье, поворачивая и выворачивая его несколько раз.

— Вот что, парень, откуда это у тебя женское платье? Если уворовал, лучше сознайся. Я тебе ничего не сделаю, но греха на душу брать не хочу и платья твоего мне не надо. Иди себе с богом.

Ив, всплеснув руками, воскликнул:

— О мамаша! Клянусь святым телом святого Августина, этого платья я не воровал! Пусть бесы унесут меня в ад, если я вам вру! Исполните мою просьбу, мамаша, и пусть господь бог даст вам место в своем прекрасном раю!

После всех этих священных и страшных клятв крестьянка не могла не согласиться. Кроме того, она обратила внимание на исхудавшее и измученное лицо юноши и, как все простые женщины, умела жалеть, а к тому же и платье было хорошей фландрской шерсти ³². Одним словом, мена состоялась, и Ив получил большой кувшин молока и порядочный ломоть хлеба, которые показались ему вкуснее всех съеденных им за всю жизнь кушаний. Подкрепившись, Ив ощутил прилив сил и бодро зашагал вниз по дороге рядом с крестьянкой, ее ослом и несколькими крестьянами той же деревни, направлявшимися на рынки Парижа.

Это был рыночный день, один из двух в неделю. Из всех деревень, мимо которых они проходили, люди тоже шли в Париж. На двухколесных тележках, на вьючных ослах и лошадях, в высоких корзинах за спинами крестьяне везли и несли овощи, яйца, фрукты цыплят, мясо, битую птицу, вино, дрова, древесный уголь и домашние изделия — холст,

^{32~} Фландрия – графство на севере Франции. В XII веке Фландрия славилась выработкой шерстяных тканей.

пеньку.

Когда вышли на большую Орлеанскую дорогу, влились в широкий поток людей, животных, тележек, повозок Гут были, кроме крестьян, горожане—ремесленники, монахи, паломники, возвращающиеся с богомолья из Испании, из Рима, жонглеры и нищие. Люди говорили, перекликались, повозки поскрипывали.

По мере того как этот людской поток двигался вперед, окружающие его поля, леса и луга порозовели, потом зазеленели, небо из белесого стало голубым, а даль все светлела и светлела, и наконец солнечные лучи сдернули с нее мглистую пелену тумана. В роскоши яркой зелени, между двух цепей холмов, извивалась широкая серебряная лента Сены, и на двух ее больших островах стоял город с башнями мостов, церквей, множеством домов, водяных мельниц и лодок на реке.

В толпе около Ива ехал молодой парень на осле, растопырив в обе стороны босые ноги. На шее у него висели гирляндой битые куры. Рваная шапчонка парня съехала на затылок. Когда снизу ослепительно засверкала Сена со своими притоками и посреди вод ее вырос город, парень запел веселую песню, мгновенно подхваченную окружающими:

Дагобер³³, король нашей страны, Шиворот–навыворот натянул штаны, А святой Элигий³⁴, добряк. Говорит королю: «Как же так? Ведь надеты не с той стороны На величестве вашем штаны». – «Это верно, – король отвечает, – Их на место надеть подобает...»

Особенно пронзительно громко подпевала идущая рядом с парнем и глядевшая на него с восторгом девчонка с вздернутым носиком, смешно торчащими косичками и с корзинкой в руках, откуда выглядывали головы двух гусей.

«Где слышал я эту песню? – подумал Ив. – Ах да, звонарь Фромон». Ив сунул руку в карман и нашупал там сложенный листок бумаги. Ведь только прошлой ночью Ив сидел запертым в подвале замка Понфор над глубокой ямой тюремного подземелья, где нет света и так тихо, что слышно, как тяжело прыгают ядовитые жабы. Не жуткий ли это сон? Не призраки ли сновидения все те страшные люди – Клещ, барон? А Эрменегильда? О нет, она живая, настоящая! Ив помнит, чувствует ее поцелуй, слышит дрожащий от волнения шепот: «Прощай». Он сохранит о ней память, как о светлом луче в царстве мрака.

Парень на осле кончил петь, но где-то в толпе зазвучала другая песня.

Рядом с Ивом шел рослый бородатый крестьянин, погонявший лошадь, навьюченную мешками. Крестьянин был в рваной рубахе. Ноги его были обернуты воловьей кожей, обмотанной до колен лыком. Возле него шел другой, маленького роста, с давно не бритыми впалыми щеками, в измятой суконной шапке, с высокой палкой в руках и корзиной с яблоками за спиной.

³³ Дагобер I — король франков (631–638). Дагобер — один из популярнейших королей древней Франции. Песня о нем, сочиненная в VII веке, до настоящего времени бытует во французском народе.

 $^{^{34}}$ Святой Элигий (588–659) — крупный мастер чеканки металлов, приближенный и советник короля Дагобера I.

Тебе хорошо с твоими яблоками, – говорил бородатый крестьянин. – Юркнул в толпу
 королевские Сборщики и не заметят, прошел мост, а уж там никто тронуть не смеет. А мне с моей кобылой да с мешками куда деваться? Вот и считай: меньше чем четырьмя денье не отделаешься.

- Верно, согласился другой, они собирают на перестройку, на починки, а Малый мост, того гляди, рухнет сваи гнилые. Куда деньги уходят?
  - Куда? Сборщикам в карманы, вот куда!
  - Вон монахи сколько тащат! С них брать не полагается монастырское.
- С них бы и брать. У аббатства святого Германа в Лугах двадцать пять поместий, крестьян крепостных больше двух тысяч!
  - Да ведь монахи и клирики они папские, ик королю трогать невозможно.
     Это верно...

Страхи замка Понфор потонули в говоре, песнях, шуме этой пестрой толпы. Ив чувствовал себя слитым с этими людьми, такими своими, понятными. Радостное чувство наполняло его существо, он бодро шагал, вдыхая живительный воздух родной земли. А навстречу ему все яснее, все ближе, в колокольном звоне, в золотых лучах солнца возникал город, ни с каким не сравнимый, город науки Париж!

Глава VII МАЛЫЙ МОСТ

Уже в те времена значение Парижа было велико благодаря тому, что город был расположен на Сене, главном речном пути на севере страны, и вблизи впадения в нее крупных притоков — Марны и Уазы. Реки были наиболее удобными и безопасными торговыми путями. Кроме того, через Париж проходила большая Орлеанская дорога, соединявшая южные приморские города с крупными городами севера, такими, как древний, сильно укрепленный Санлис — королевская и епископская резиденция. По мере роста внутренних и внешних торговых сношений Французского королевства росло и значение Парижа, стоявшего на узловом скрещении торговых путей.

В начале XII века торговая жизнь Парижа сосредоточивалась на правом берегу реки, вдоль которого и располагались причалы и пристани для купеческих судов, скотобойни, склады и королевская таможня, взимавшая пошлину с привозимых по воде товаров.

В соответствии с этим части города, примыкавшие к мостам правого берега, и сами

мосты со своими жилыми постройками носили отпечаток обеспеченного житья зажиточных купцов, крупных торговцев, хозяев постоялых дворов и таверн, королевских чиновников и соборного духовенства. Левый берег Сены, к которому привела Ива Орлеанская дорога, был соединен с городом Малым мостом. Через него шли транзитные торговые обозы и оставалась лишь небольшая часть продовольствия, доставляемого местными крестьянами, в большинстве своем спешащими к богатым покупателям на мосты и пристани правого берега. К тому же Малый мост, как и показывает его название, был короче и уже правобережных мостов, почему и состав «мостовых жителей» его, и торговля были иными, чем на правой стороне реки. Тут ютились так называемые «философы», «ваганты» 35 — странствующие школяры, их «магистры» — учителя и беднейшие клирики, все по большей части не имевшие ни гроша за душой, и мелкие ремесленники и торговцы.

Ив еще издали увидел, что, кроме высокой башни моста, на берегу нет жилых домов, а виноградники и сады по обе стороны дороги тянутся до самой Сены. Подойдя ближе, Ив остановился, как и все другие, — начался осмотр товара и взимание пошлины королевскими сборщиками, медленно пропускавшими людей на мост через Малый замок — деревянную трехъярусную башню, крытую черепицей и окруженную двойным кольцом тоже деревянных стен с воротами. По обе стороны моста, по берегу, поросшему ветлами, стояли водяные мельницы, виднелись на воде рыбные садки ³⁶. Мельницы и садки» как сказал Иву бородатый крестьянин, принадлежали богатому аббатству³⁷ Святого Германа в Лугах.

— С аббатств, — рассказывал он, — за продовольственный товар да за их церковные изделия ничего не берут, а вместо того они зимой, в день святой Женевьевы и в день святого Викентия, ставят здесь бочки с вином, из которых сборщики и угощаются.

Когда Ив спросил, что это за странные кирпичные сооружения с высокими трубами расставлены по берегу, крестьянин объяснил, что это печи городского управления для выпечки хлеба населением. Из двадцати четырех хлебов горожанин отдает один хлеб в городскую мэрию. Крестьянин рассказал еще, что у Малого моста торговые речные суда не разгружаются, а причаливают у Большого моста, по другую сторону реки, и что в башне мостового замка есть и подземный ход и тюрьма.

- Все честь честью, - закончил он свой рассказ и, подмигнув и пожелав Иву счастья, остался со своей лошадью ждать осмотра.

Протискиваясь сквозь толпу к воротам, Ив увидел того маленького крестьянина с яблоками в корзине. Бедняге не удалось проскочить незамеченным: яблоки были тщательно закрыты, но кто-то сбил крестьянина с ног, как раз когда он поравнялся со сборщиком, и яблоки покатились тому под ноги. Ив не стал ждать развязки этого печального происшествия и прошел воротами на Малый мост.

Суматошная бестолковщина и шум толпы остались по ту сторону замка, и на мосту было тихо, Город только еще просыпался По обе стороны моста стояли узкие деревянные дома с выступающими вперед вторыми этажами, с крутыми черепичными крышами, с высокими слуховыми окнами и с торговыми лавками или мастерскими в первых этажах. Ив увидел, как несколько человек дожидались, пока мясник в кожаном фартуке и с засученными рукавами рубахи, с широким ножом у пояса открывал свою лавку. Он откинул нижнюю часть железного ставня, тот, опершись о выступ фундамента, образовал прилавок, загромоздив чуть ли не половину мостового проезда. Затем мясник поднял верхнюю часть ставня, укрепил его как навес и начал раскладывать по прилавку куски мяса. Ив понял, что люди эти местные жители, и подошел к ним, чтобы спросить, где живет магистр Петр,

³⁵ Ваганты – от латинского слова «vagare»; скитаться, бродить.

³⁶ Садок – отгороженное в воде у берега место для сохранения живой пойманной рыбы.

³⁷ Аббатство – большой католический монастырь.

которого они, конечно, не могли не знать. Но на его расспросы они молча пожимали плечами, и только одна женщина ответила:

– Мало ли их тут шатается, бездельников! Вон идет один из них, пойди грроси его.

Женщина указала на худого безбородого старика в черной длиннополой одежде и в круглой шапочке, медленно шагавшего, заложив руки за спину.

Ив подошел к нему, снял шляпу и, не зная, как вежливее обратиться к незнакомцу, молча ждал, чтобы тот заговорил первым.

- Ничего у меня нет, неприязненно проворчал незнакомец. Нечего попрошайничать, много тут вас таких развелось!
- Мне ничего не надо, робко ответил Ив, я хотел только спросить вашу милость, не знаете ли вы, где живет магистр Петр.
  - О–о! Магистр Петр! Как не знать, знаю. Пойдем, я тебе покажу.

Когда, по указанию незнакомца, продолжавшего свой путь. Ив остановился у таверны, над дверью в которую висела на крючке железная лошадь, он усомнился, правильно ли то, что здесь живет магистр Петр: разве может такой человек жить в таверне? Из приотворенной двери доносился грубый мужской голос, выкрикивающий непристойные слова, и тянуло смешанным запахом вина, чеснока и горелого жира, Это заставило Ива осторожно открыть дверь В ту же минуту тот же мужской голос рявкнул о резким выговором южанина:

– Тебе что тут надо?

И окрик этот относился не к кому другому, как к Иву. Кричавший стоял перед ним, широкоплечий, толстый, с взлохмаченными волосами и черной бородой, густыми усами, завернутыми в кольца, и выпученными круглыми, как у быка, глазами, устремленными на Ива.

- Мне сказали, будто у вас тут живет магистр Петр. нерешительно сказал Ив.
- Не «будто», а на самом деле живет! А ты, по всему видно, бродячий школяр? Входи, входи!

И черный человек схватил Ива за плечо и втащил в таверну.

— Сюзанна! — крикнул он женщине, перетиравшей посуду. — Проводи-ка парня к магистру Петру! — И, хлопнув Ива по спине, сказал: — Деньги есть? Приходи, жареного голубя отведаешь, и кружка вина с дороги тоже полезна Не видать мне февраля месяца, если еще где-нибудь есть такое вино, как в таверне. «Железная лошадь»!

Женщина провела Ива в глубину комнаты, за стойку с расставленными на ней глиняными кружками и мисками, с горками ржаного и ячменного хлеба, со свешивающимися с потолка связками красного перца, и через низкую дверку вверх по темной скрипучей лестнице. На площадке женщина указала на дверь и, шепнув: «Вот здесь», – ушла обратно. Ив тихо постучал в дверь, из-за которой раздался какой-то выкрик. Приняв это за разрешение войти, Ив потянул за ручку двери, издавшей жалобный стон Ив перешагнул порог низкой и довольно широкой комнаты. В одной из стен было четыре узких окна близко друг от друга. Одно из них было закрыто внутренними деревянными ставнями, остальные открыты, и в них видно было безоблачное небо, а по деревянным балкам потолка текли синевато—золотистые отблески воды — окна выходили на реку.

В окно высунулся до пояса человек, стоя коленями на скамье. Он был босой, в длинной рубахе и плевал в окно. С реки донесся смех нескольких человек и развеселая песня. Человек снова злобно плюнул, при этом вздрогнули желтые пятки его худых волосатых ног.

Ив заставил дверь еще раз застонать и хлопнуть. Человек обернулся и, указывая пальцем в окно, сказал:

— O, indigna Juventus! ³⁸ — Это все проделки зажиточного бездельника школяра, по имени Алезан. Он подучил своих товарищей, а те сочинили про меня гнусную песню и, катаясь на лодке, вот уже второй день поют ее у меня под окнами. Откуда ты, мой друг?

³⁸ О, постыдная юность! (лат.)

Ив отвесил низкий поклон и сказал, откуда он и от кого принес письмо.

О! Старый Гугон еще жив? Давай сюда письмо!

Магистр Петр улыбнулся. Маленькие глазки его заискрились веселым огоньком и лохматые червячки бровей зашевелились.

Ив снял мешок, достал из него ножик и, распоров им подкладку своего камзола, вынул письмо и с поклоном протянул его магистру. Тот сел на скамью у окна и начал про себя читать письмо.

Ив заметил, что рукава рубашки магистра были слишком длинны, отчего он все время поднимал то одну, то другую руку и встряхивал ею, чтобы рукава не сползали на пальцы. Ворот рубашки был вырезан широким, кругом. Шея у магистра была худая, жилистая, с огромным острым кадыком. Грива прямых седоватых волос свисала до плеч. Впалые бритые щеки и вытянутый подбородок были синеватые. Нос похож на утиный клюв.

Оглядев комнату. Ив увидел на скамье и на полу, одну на другой, большие книги в кожаных переплетах. На столе, на наклонной подставке, раскрытую книгу, рядом — свитки бумаги, баночки с чернилами, с речным песком, с гусиными перьями, глиняный кувшин, жареную куриную ножку и ломоть овсяного хлеба. На стуле у деревянной кровати висели узкие шерстяные штаны, а под стулом стояли полубашмаки из грубой сыромятной кожи с язычком спереди и сзади. Под кроватью лежал чем-то набитый мешок. На стене висели длинная черная одежда, черная круглая шапочка и связка ивовых прутьев.

Подняв глаза от письма, магистр уловил взгляд Ива и сказал:

— Это розга. Школяру необходимо расти sub virga magistri³⁹, да, мой друг. — Он поднял указательный палец и погрозил им. — Отец Гугон просит меня принять тебя в число моих учеников. Что же, я охотно сделаю это, тем более что отец Гугон удостоверяет, что ты преуспел в письме и переписывании. Это похвально и очень кстати — тебе не придется изыскивать средства на оплату за учение, за ночлег и пропитание. Я буду указывать тебе необходимые мне страницы из книг, ты будешь их переписывать, это и будет платой за учение. Кроме того, я укажу тебе одного монаха, он также даст работу, ею ты оплатишь еду и ночлег.

Все это магистр говорил, натягивая на ноги темно-лиловые штаны и надевая полубашмаки.

Затем он подошел к кровати и из-под тюфяка достал кожаный кошель, порылся в нем и, позвякивая монетами, протянул их Иву:

– Возьми на первое время. Здесь четыре денье. Должно хватить дней на десять.

Он снял с гвоздя одежду и шапочку.

— Теперь слушай. Мне надо спешить к своим ученикам. Я здесь только живу, а учу на лугу у входа на наш мост с Орлеанской дороги. Там тебе всякий укажет. Завтра приходи туда в это время. А сейчас пойди поищи, где ночевать. Вчера кончилась большая ярмарка, и мест освободилось много. Если ничего не найдешь, приходи ко мне сюда. Идем.

Когда вышли на лестницу и магистр запирал свою дверь на замок, он сказал Иву:

— Зайди к аптекарю над средней аркой. У моста гри арки, так над средней, в доме против скорняжной мастерской, на самом верху. Может быть, у него найдется место. Его зовут Амброзиус.

И неожиданно быстро магистр Петр сбежал с лестницы.

В таверне было полно народу. Шум, говор, брань, чей-то заливистый смех — все покрывалось громогремящей клятвой хозяина: «Не видать мне февраля месяца!» Ив заметил, что за столами было много крестьян, а пустые корзины и мешки на скамьях говорили о том, что их хозяева расторговались и зашли в таверну по дороге домой. Ив хотел было пробраться к выходу между тесно составленными скамьями, но не тут-то было. Хозяин схватил его за плечо, усадил на скамью, втиснув между сидевшими, и крикнул служанке:

³⁹ Под розгой учителя (лат.).

- Сюзанна! Один голубь и кружку гренадского!

Жареный голубь показался Иву необычайно вкусным, но слишком маленьким, а вот соус к нему, сильно сдобренный перцем, попахивал неважно Вина Ив не стал пить. Заметив это, хозяин налетел на Ива ураганом:

— Это еще что? Ты оскорбляешь «Железную лошадь»! Ее вино славится от Парижа до Марселя! Видно, в твоем кошельке негусто. В таком случае, я дарю тебе эту кружку вина! Не видать мне февраля месяца, если я отступлюсь от своего слова!

Хозяин так кричал и таращил глаза, так размахивал руками перед носом Ива, что сидевшие кругом стали смеяться и подзадоривать его, а Ив решил, что благоразумнее выпить это вино. «Гренадское» оказалось кислым красным вином, совсем таким, каким угощал на троицын дань в Крюзье дядя Жером, владелец виноградной давильни, где работал отец Ива.

Голубь, ломоть ржаного хлеба и вино, показавшиеся Иву недостаточными для утоления голода, оказали, однако, вместе с двумя бессонными ночами и всеми волнениями этих дней сильное действие — Ив крепко уснул, скрестив руки на столе и положив на них голову.

Проснулся он оттого, что кто-то толкал его в плечо.

Он приоткрыл один глаз и увидел служанку.

– Вставай, вставай, – говорила она, теребя его за руку.

Ив поднял голову и заспанными глазами смотрел на нее. Волосы его были растрепаны. Сюзанна рассмеялась:

– Ишь разоспался! За полдень уже!

Ив огляделся кругом.

- В таверне было темновато и пусто. Скамейки пододвинуты под столы. На столе, у которого он спал, лежала тряпка, видно, служанка мыла стол. Дверь на улицу была закрыта, сквозь щели ставен проникали солнечные лучи. В комнате было душно.
- Хозяин не велел тебя будить, продолжала Сюзанна, «Деньги, говорит, с него потом получу, а не то с магистра Петра возьму». А ты, паренек, должно быть, издалека пришел, что так устаЛ? Откуда ты заявился?
  - Из-под Шартра, ответил Ив, зевая и лениво поводя лопатками.
- Из-под Шартра? весело воскликнула Сюаанна. Клянусь святой Женевьевой, вот так штука! Из какой деревни?
  - Из Крюзье–на–Эре.
  - Святая Мария! А я из Мерлетты.
  - Знаю, сказал Ив. Отец в вашем лесу у угольной ямы работал.

Сонливость исчезла мгновенно, и, широко улыбаясь, Ив смотрел на свою землячку, девушку лет двадцати, крепко сложенную, с веселыми, добрыми глазами, с густыми прядями волос, выбивающимися из-под белого чепчика, плотно закрывающего уши и подвязанного под подбородком, с сильными руками, привыкшими ко всякой работе, и в крестьянских деревянных башмаках.

А Сюзанна села на скамью рядом с ним, отшвырнув тряпку на столе.

– Что это ты все с мешком? Золота там полно, что ли?

Она стала стаскивать с его спины мешок. Сюзанна оказалась болтливой и затараторила, рассказывая множество разных вещей и о своей деревне, и о хозяине таверны, о том, что он из Марселя и что в Париже хозяева таверн и постоялых дворов все из Марселя или Лиможа и богаче всех лавочников. А уж врун ее хозяин такой, какие бывают только на юге. Узнав, что Ив не будет жить у магистра Петра, она сказала:

— Ты заходи к нам: тут, другой раз, и из Крюзье люди бывают, кто с чем, тащат на рынки. Жаль вот, ярмарка кончилась, а то, наверно, ты повстречал бы кого-нибудь из своих.

Когда Ив сказал, что пойдет искать место для ночлега, и собрался уходить, Сюзанна взяла его мешок:

Спрячу к себе в каморку, там будет целее, а вечером Придешь и возьмешь.

Ив вышел на мост. Яркий солнечный свет слепил глаза. На мосту людей было немного: все прятались от сильной жары. Выходя из домов, они, щурясь от солнца, оглядывали улицу,

потягивались и зевали, видимо только что проснувшись после дневного отдыха. Лавочники снова открывали ставни своих лавок.

Кое-где между домами были проходы, и по ним можно было подойти к перилам моста. Ив и воспользовался таким проходом и, перегнувшись через перила, обнаружил, что средняя арка моста совсем рядом. Он вернулся и, пройдя несколько шагов, очутился у лавки скорняка, где над прилавком висели беличьи, заячьи и кроличьи шкурки, а в темноватой глубине лавки виднелись невыделанные шкуры домашнего скота, куски сыромятной и испанской кожи. Перейдя на другую сторону, Ив постучал деревянным молоточком о двери узкого двухэтажного дома. На стук приотворилось окно второго этажа и высунулась голова старика, вся заросшая белой бородой и с круглой шапочкой на макушке.

- Что надо?! крикнул старик сиплым, глухим голосом.
- Мне мессира Амброзиуса.
- От кого?
- От магистра Петра.
- Подожди!

И окошко закрылось.

Потом за дверью прогремело железо засова, и в приот* воренную дверь просунулась та же голова старика с длинным горбатым носом:

- Что надо?
- А вы и есть мессир Амброзиус?
- Да, да! Что надо? с раздражением спросил старик.

Ив объяснил.

 Входи, – сказал ему аптекарь, пропуская в дверь. – Наверх, – кивнул он головой на лестницу.

Ив поднялся на площадку и стал у двери, а старик долго возился с засовом. Лестница была освещена тусклым светом, проникавшим с улицы сквозь узкое оконце над входной дверью. Ив разглядел черный длиннополый балахон аптекаря с широкими раструбами рукавов. Шаркая ногами и кряхтя, опираясь на перила, старик взошел по лестнице и толкнул рукой дверь. В комнате с такими же окнами, как у магистра Петра, и тоже выходящими на реку, стоял пряный запах каких-то сухих трав и корней, развешанных пучками на натянутых под потолком веревках, и разноцветных настоев в диковинных стеклянных бутылях, расставленных на полках.

Тяжело переводя дыхание, аптекарь сел в деревянное кресло у окна. Пожевав беззубым ртом, он сказал:

- Ночевать можешь там, в чулане, - он указал на маленькую дверку, - только ночевать. Приходить будешь, как только начнет темнеть. Я открываю сам, слуги нет. Уходить будешь, как только рассветет. Платить шесть оболов парижских ^{40} за пятнадцать дней.

Ив не очень-то разбирался в стоимости всех этих монет, но, помня слова магистра Петра, что на оплату ночлега он себе заработает, согласился на условия аптекаря. Провожая Ива к входной двери, аптекарь сказал:

— Передай мой поклон магистру Петру и спроси его, не прислать ли ему имбирного корня для желудка или лакрицы Скажи, есть у меня лакрица самая лучшая, испанская И потом скажи, что получен тростниковый сахар. Я знаю, он его любит. Смотри же, приходи, как только начнет смеркаться.

Выйдя снова на мост, Ив направился было дальше в сторону города, в сторону острова Сите, но не решился покинуть мост и пошел обратно. «Успеется, – думал он, – а пока надо держаться поближе к «Железной лошади», к магистру Петру. Вот завтра стану настоящим школяром, узнаю все, как и что, тогда и посмотрю город».

Теперь на мосту людей было много. Теснясь, они медленно двигались навстречу друг

 $^{40\,}$ Обол – мелкая серебряная монета. Были оболы парижские и турские (чеканились в Туре).

другу. Были здесь магистры и школяры, ремесленники и монахи в черных и коричневых рясах, паломники-богомольцы в подвязанных сандалиях, с высокими палками в руках. Не видно было только крестьян, разошедшихся по своим деревням. Разносчики с лотками выкрикивали названия своего товара – вишен, слив, яблок, груш, орехов, кресс-салата. Точильщики выхваливали свое умение точить ножи и кинжалы, старьевщики зазывали в свои лавки. Иногда раздавался громкий и протяжный окрик, и толпа шарахалась в сторону, пропуская слугу, ведущего под уздцы мула в разукрашенной кистями уздечке, с ковровым чепраком на спине. Боком в седле с высокой спинкой, как в кресле, восседала дама в богато расшитом золотом платье, с лицом, закрытым легкой вуалью, или сановитый клирик прелат ^{41} или аббат ^{42} , и в этом случае позвякивал колокольчик, подвешенный к уздечке, а горожане отвешивали поклоны едущему. Шнырявшие в толпе мальчишки старались подергать мула за хвост, прыгали, смеялись. Женщины толпились у мясных и рыбных лавок, у лавок с растительным маслом, винными дрожжами и пряностями, у булочных; мужчины – у башмачников, оружейников и менял⁴³, у дверей портных, у цирюлен, у лавок с горнами, молотами, веялками и мельничными жерновами. Магистры и школяры обступали лари торговцев книгами. Торговли дорогими тканями и сукнами на Малом мосту не было, это было привилегией Большого моста. Людно было у здания суда и торговой биржи.

Ив увидел толпу, ставшую в круг и на что-то глазевшую. Из толпы неслись взрывы смеха, одобрительные возгласы, свист и звук бубна. Ив подошел к кругу и, приподнявшись на цыпочки, смотрел через плечи и головы.

В середине круга стоял жонглер, немолодой, длинноволосый, в шляпе, и ударял в бубен, держа его высоко. А у его ног то садилась на корточки, то подпрыгивала худая и жалкая обезьянка, озиравшаяся вокруг злыми желтыми глазками. Прыгала она нехотя и только тогда, когда жонглер дергал за веревку, привязанную к ее задней лапке. Обезьянка судорожно хваталась за веревку и морщилась» наверно, веревка резала ей лапку. Она была одета в длиннополую черную одежду, похожую на сутану священника.

Увидав жонглера, Ив вспомнил Госелена. Что сталось с его легкомысленным «другом»? Продолжает ли он «зарабатывать» в замке Понфор? Знает ли он о его аресте и исчезновении из подвала? Госелен так спешил в Париж на ярмарку, а вот и опоздал. Уж не поплатился ли он на него, Ива? Клещ кого угодно обвинит, чтобы спасти свою шкуру. Ив вспомнил, что у Госелена было письмо к хозяину парижской таверны, марсельцу. Не к хозяину ли «Железной лошади»? Ив удивился самому себе: какое ему дело до судьбы Госелена, случайно повстречавшегося ему и навязавшего свою пресловутую «дружбу»?

Жонглер продолжал свое представление. Обращаясь я обезьянке, он спросил:

Могу ли я пройти к святому отцу?

Обезьянка фыркнула и протянула ему лапу.

— А, понимаю! — воскликнул жонглер, вынул из кармана яблоко и дал обезьянке. — Теперь вы проводите меня к святому отцу?

И под смех и крики толпы он усадил обезьянку себе на плечо, где она занялась яблоком и, съев его, стала преспокойно почесываться и разыскивать у себя в шерсти насекомых. А жонглер взял в руки висевшую у него за спиной виолу, смычок и, подыгрывая себе, стал нараспев говорить:

Рим и всех и каждого

⁴¹ Прелат – Так называют лиц высшего духовного звания католической церкви: кардиналов, архиепископов и епископов.

⁴² Аббат – настоятель (глава) большого католического монастыря (аббатства).

⁴³ Меняла – занимающийся разменом денег. Менял содержали меняльные лавки, в которых за известный процент можно было разменивать и обменивать деньги.

Грабит безобразно,
Пресвятая курия⁴⁴ —
Это рынок грязный.
К папе ты направишься,
Ну, так знай заранее:
Ты ни с чем воротишься,
Если пусты длани⁴⁵.
Писарь и привратники
В этом с папой схожи,
Свора кардинальская
Не честнее тоже.

Слова жонглера сопровождались шумным одобрением Слушателей.

- Верно! Так оно и есть! - раздавались выкрики.

Кончив свой сирвент⁴⁶, жонглер снял обезьянку с плеча и поставил ее на пол, потом дал ей в лапы свою шляпу и пошел по кругу. Обезьянка протягивала шляпу людям, а те бросали в нее железные и медные су. Обойдя круг три раза, жонглер снова стал посредине, а обезьянку усадил перед собой на землю. Начался любимый номер зрителей — диалог между жонглером и обезьяной. Жонглеры обладали древнейшим искусством произносить слова не своим голосом и не раскрывая рта. Так и этот жонглер говорил и за себя и за обезьяну, и «ее» голос был похож на голос ребенка. Свой же голос жонглер старался понизить до баса, и эта резкая разница голосов вызывала смех и шумную радость толпы.

- Скажи, кто пойдет в рай? басил жонглер.
- Святой отец папа и все клирики, пищала обезьяна.
- А еще кто?
- Убогие бедняки и калеки, сервы, умершие от голода и нищеты.
- А в ад?
- Туда пойдут магистры и философы, рыцари, погибшие на турнирах и на войне, простые воины и свободные вилланы.
- А куда же пойдут нежные благородные дамы? Куда денутся золото, серебро, пестрые ткани и дорогие меха?
  - В ад! пискнула обезьяна.
  - В ад! крикнули из толпы.
  - А музыканты и жонглеры?
  - −В ад!
  - А короли всего мира?
  - -Вад!
  - B ад! В ад! дружно подхватила толпа.
- В таком случае, я хочу быть в аду! сказал жонглер своим обыкновенным голосом, раскланялся и снова пошел по кругу, протягивая шляпу, в которую на этот раз посыпались и серебряные монетки.

В эту минуту рядом с Ивом очутился высокий, худой монах в потрепанной коричневой одежде, с тонзурой ^{47} на макушке, с четками на кисти руки. Пронзительно и зло он крикнул

⁴⁴ Курия – верховное управление римско-католической церкви.

⁴⁵ Длань (древнеслав.) – рука, ладонь.

⁴⁶ Сирвент – песня труверов о рыцарской войне, мщении или ненависти или же сатира, разоблачающая общественное явление или политический строй.

⁴⁷ Тонзура – выбритое кружком место на макушке у католических духовных лиц.

толпе, подняв руку с пальцами, сложенными в крестное знамение:

— Несчастные! Вы жадно глазеете на кощунственное зрелище, слушаете богомерзкие, еретические слова, и развращенный ухищрениями демонов разум ваш не постигает истины! Откройте глаза ваши и уши ваши! Разве не знаете, что человек, умеющий говорить, не раскрывая рта своего, одержим дьяволом, находящимся у него в животе и говорящим оттуда? А это безобразное животное не что иное, как один из демонов, принявший свой любимый вид — обезьяний. Вы же видели, как эта обезьяна хромает, а хромота — отличительная черта дьявола! И всего этого мало вам, о несчастные, лицезрением дьявола обрекающие себя на вечные муки в пламени ада!

Никто не обращал внимания на истошные вопли монаха, и толпа стала медленно растекаться в одну и другую сторону моста. Ив видел, как жонглер снял со спины холщовый мешок, сунул в него обезьянку, снова надел мешок на спину и пошел по направлению к городу. За ним ушел и монах. Из толпы школяров, мимо которой он проходил, раздался свист, и вдогонку монаху полетело печеное яблоко, угодившее ему в спину. Монах подобрал полы своей рясы И пустился бежать под громкое улюлюканье школяров и присоединившихся к ним мальчишек.

Рядом с Ивом очутился высокий монах.

Ив обернулся, почувствовав, как чья-то рука легла ему на плечо. Рядом с ним стоял

магистр Петр и, указывая на кричавших школяров, сказал:

— Vox populi — vox Dei⁴⁸. Я видел, как ты слушал остроумный сирвент жонглера и исступленную проповедь монаха. Народ предпочел сирвент, и он совершенно прав. Народ начинает прозревать, перестает верить глупым россказням монахов и клириков. Настает наш черед: свет науки должен победить мрак невежества.

Магистр Петр, не снимая руки с плеча Ива, многое еще говорил о будущем торжестве науки над мракобесием клириков. Так шли они медленно по мосту, потом свернули в один из широких проходов между домами и, подойдя к перилам моста, очутились недалеко от левого берега Сены.

Вдоль перил стояло много народу, и всё школяры, магистры и клирики. Одни нагнулись через перила и смотрели на лодки, двигавшиеся по реке, перекликались с катающимися, другие жарко спорили, размахивая руками.

— Вот излюбленное место для наших споров с клириками, — сказал магистр Петр. — Видишь, вон тот, с длинным носом и красным лицом, — это ученый каноник, он понимает толк в вине и в священном писании, цитирует тебе целые страницы из любого евангелиста и говорит с искусством древнего ритора⁴⁹. Редко кому из лучших диалектиков—магистров⁵⁰ удается его переспорить...

Ветер с берега доносил запах лугов, скошенной травы и плеск пенящейся воды в колесах мельниц. С мостков женщины полоскали в реке белье. Гусиное семейство чинно кружило у берега. С лодок люди прыгали в воду купаться, перекликались, брызгали друг в друга водой. Коровы стояли по брюхо в реке. Старые вётлы клонились к самой воде, и над рекой и берегом проносились стрижи.

— Вон в той долине — река Бьевр, — говорил магистр Петр. — А вот там, самый высокий из холмов, — это гора святой Женевьевы, покровительницы Парижа⁵¹, А там — столетняя башня церкви аббатства Святого Германа в Лугах. К аркам нашего моста причаливают только маленькие лодки, издалёка приплывают: из Мёлона, Корбейля, Морэ. Чего только не привозят они — фрукты, зерно, вино, мед, сало, рыбу, раков. До моста доплывут, выгрузят товары и обратно уплывают. Королевские сборщики берут деньги за стоянку и за товар, а проедешь под мостом, еще возьмут. Тут лодок мало, этот рукав Сены узкий. Когда ты пойдешь на Большой мост, вот там увидишь, сколько лодок и больших судов. Все отовсюду стремятся в Париж — и по рекам и по дорогам. О Parisius, — воскликнул магистр Петр, — quam idonea ad capiendas et discipiedas animas! ⁵²

Эти слова смутили Ива, но он не посмел попросить магистра объяснить их скрытый смысл.

Расспросив Ива об аптекаре и узнав, что Ив должен зайти в таверну за своим мешком, магистр Петр сказал:

– Пойдем. Я иду домой. Скоро вечер, а тебе следует успеть подкрепиться едой.

Солнце склонялось к холмам и, спрятавшись за синеватое курчавое облако, позолотило края его и осенило торжественным ореолом лучей. Река стала тоже золотой. На виноградники и луга легла синеватая дымка, сильно запахло скошенной травой. Иву так не

⁴⁸ Голос народа – голос бога (лат.).

⁴⁹ Ритор – оратор и учитель красноречия в Древней Греции и Древнем Риме.

⁵⁰ Диалектик – в средние века так называли умеющего спорить и доказать свою мысль.

⁵¹ Св. Женевьева, по преданию предсказала, что Париж при нашествии гуннов будет пощажен; ее предсказание исполнилось.

⁵² О Париж, как легко ты пленяешь и обманываешь души! (лат.)

хотелось уходить отсюда в тесную сутолоку моста, в тесную духоту домов!

Колокола городских церквей зазвонили к вечерне.

– Пойдем, – повторил магистр Петр.

В таверне еле можно было пробраться между скамьями, столько было в ней народу. Шума и крика было больше, чем утром, да и народ был иной – школяры, магистры, клирики. Столы были уставлены кувшинами, кружками, мисками. Открытые настежь два окна и дверь плохо вытягивали чад, запах чеснока и потных людей Было очень душно и темновато.

Магистр Петр ушел к себе, поручив Сюзанне поскорей накормить Ива. Та усадила его в конце стола, у стойки, и тотчас поставила перед ним миску с куском жареного мяса и принесла хлеба.

За стойкой появился хозяин и, увидав Ива. сказал служанке:

– Получишь с него за это и за утреннее. Не забудь – голубь и кружка гренадского.

Он особенно подчеркнул слово «гренадского» и, протиснувшись между скамьями, подошел к самой шумной кучке людей, сидевших у окна.

Там шла игра в кости. Игроки брали по три кости и бросали их из стаканчика на деревянную доску Сумма очков указывала выигрыш. Каждый раз выбрасывание костей вызывало крики и брань. Те, кому надо было платить, упрекали выигравшего в мошенничестве. Ив сразу обратил внимание на одного из школяров, высокого, с красивым, очень бледным лицом и темными вьющимися волосами, падавшими на плечи. Бросался в глаза его обшитый мехом камзол дорогого фландрского сукна и полубашмаки из красного кордуана 53.

Ив слышал, как хозяин, подойдя к играющим, крикнул:

– Не видать мне февраля месяца, если я позволю оскорбить мессира Алезана, лучшего из моих гостей!

Сюзанна подошла к Иву и шепнула ему:

— Защищает этого школяра, а сам дерет с него за все в пять раз дороже. Этот Алезан — сынок богатого торговца скотом. Кошель у него — во!

И Сюзанна показала руками, какой толстый кошель у школяра Алезана.

Ив сообразил, что это тот самый школяр, о котором говорил магистр Петр и с которым ему придется вместе учиться у магистра.

Ив стал разглядывать сидевших за тем столом. Был там и каноник с длинным носом, которого Ив видел на мосту.

Когда кто-то из школяров сказал, что духовному лицу не следовало бы играть в кости, каноник ответил, что сам апостол Петр, спускаясь в ад, брал с собой доску и три кости, чтобы обыграть жонглера, стерегущего грешников, и спасти их души.

– Странно! – воскликнул школяр Алезан. – А я слышал, что в аду сторожами не жонглеры, а каноники!

Взрыв хохота покрыл его слова.

- Мой дорогой Алезан! крикнул каноник. Прикажите принести кувшин вина за ваш счет, конечно, чтобы я утопил в нем обиду, нанесенную вами. Я не хочу терять друга из-за такой малоостроумной шутки!
  - Вот это диалектика! крикнул Алезан. Сюзанна! Кувшин вина!

Игра в кости возобновилась, и Иву показалось, что школяры, окружавшие Алезана, перемигиваются, опускают под стол руки и там что-то передают друг другу, Алезан чаще других лезет в свой туго набитый кошель и пригоршнями сыплет серебряные монеты на стол.

Сюзанна поставила кувшин с вином перед Алезаном и, кивнув на кучу денег, высыпанную им, укоризненно покачала головой. Алезан в ответ похлопал ее по спине.

– Жаль мне его, – тихо сказала Сюзанна Иву, – они обманывают, а он не замечает.

⁵³ Кордуан – дорогая кожа.

Вчера целый такой кошель оставил.

- Так надо ему сказать! с жаром воскликнул Ив.
- Что ты, что ты! А хозяин? Он убьет меня Разве можно отваживать такого богатого гостя? Да и все его дружки перекочуют за ним в другую таверну.

Громкий голос каноника перебил их разговор. Он встал и, держа высоко кувшин с вином, возгласил:

— Знаменитый из знаменитых врачей Древнего Рима Асклепиад⁵⁴ произнес однажды кощунственные слова. Он сказал: «Едва ли могущество богов равняется пользе, приносимой вином». Может быть, боги и не согласились с врачом, но и не наказали его за кощунство Следова1ельно, боги признали пользу, приносимую вином, и мы должны следовать этому указанию богов, хотя бы и языческих!

Новый взрыв хохота, одобрительные выкрики и десятки рук с протянутыми кружками к кувшину каноника. Но тот, запрокинув голову, пил из кувшина Началась потасовка, посыпались ругательства. Послышался треск разбитого кувшина и визг каноника, поваленного школярами на скамью на предмет кулачной расправы.

В эту минуту к Иву подошел магистр Петр и, похлопав его по плечу, сказал:

– Тебе пора идти. Смотри, стемнело. Опоздаешь – аптекарь не отопрет тебе. Сюзанна, вынеси ему его мешок да выпроводи поскорей.

Магистр был прав. Ив, увлекшись разглядыванием школяров, не заметил, как стало темнеть. Надо было торопиться. Расплатившись с Сюзанной, он вышел из таверны.

Солнце село. Ив знал, что сейчас закроют ворота мостового замка и ночные караульщики выйдут на мост, и прибавил шагу.

Аптекарь открыл дверь, пожурил Ива за опоздание, прибавив, что на первый раз прощает, но в следующий раз не откроет вовсе, а Ива заберет стража и отведет В замок, а там шуточки плохи.

Лежа на полу каморки на тощем тюфяке, Ив не мог уснуть. Было душно и совсем темно. В маленькое оконце с решеткой еле видно было сумеречное небо. Тело ныло, словно избитое. Мысли бежали, перегоняя одна другую, путаясь. Не проспать бы, не опоздать на учение! Сюзанна наказала по дороге зайти в таверну поесть что-нибудь. Один за другим возникали образы школяра Алезана, магистра Петра, жонглера с обезьянкой, монаха-проповедника, длинноносого каноника. Сложно перепутывались в голове противоречивые мысли о достоинстве духовных лиц, о правдивых словах магистра Петра про клириков, о развязном обращении купеческого сынка Алезана с почтенным каноником и насмешках над учением магистров, так превозносимых деревенским учителем Ива. В этой путанице мыслей Ив с беспокойством вспомнил, что забыл, пока было светло, прочесть записку звонаря Фромона и теперь придется ждать до утра. От Фромона мысль перенеслась к Госелену, к Клещу и от него – к Эрменегильде, к ее ласковому взгляду, к волнистым темным волосам, к поцелую...

На разгоряченную голову Ива пахнуло свежестью и запахом скошенной травы. Он приоткрыл глаза и увидел в оконце большую мерцающую звезду. Мысль полетела в деревню, к отцу, к ветхой любимой хижине, к старой яблоне, к липе, в которой жужжат пчелы. За мыслью помчалась душа. С этим Ив заснул.

Глава VIII ЛУГ ШКОЛЯРОВ

Ива разбудил петух. Он кукарекал где-то очень близко и громко. Вслед за пением петуха в оконце пробрался розовый луч солнца, а за ним – колокольный звон.

Ив вскочил, и первое, что он сделал, – разгладил на колене записку Фромона и с

⁵⁴ Асклепиад – знаменитый врач Древнего Рима, родом грек.

большим трудом разобрал написанное: «К Симону оружейнику, выходя с Малого моста на остров налево, рядом с цирюльней». Ив достал из мешка свою книгу: он хотел показать ее магистру Петру. Шарканье ног аптекаря в соседней комнате напомнило о вчерашнем поручении, им не исполненном. Ив решил исправить свою вину и, выйдя из чулана, вежливо поклонился аптекарю, пожелал ему доброго дня и прибавил, что магистр Петр просил прислать испанской лакрицы.

- А деньги где? спросил аптекарь.
- . Денег он не дал.
- Так вот, пусть пришлет деньги, я тогда и отпущу.

«Как же я теперь с ними распутаюсь? Зачем я наврал?» – думал Ив, спускаясь по лестнице.

Солнца на мосту еще не было, и прохладный ветерок нес запах речной свежести. По дороге в таверну Ив встретил несколько человек крестьян с тележками, полными овощей, и с осликами, навьюченными мешками. По соседству с «Железной лошадью» старьевщик открывал ставни своей лавки. Из трубы таверны поднимался прямой розоватый столб дыма.

Сюзанна приветливо встретила Ива и сказала, что магистр Петр еще не выходил.

– А пока вот скорей садись и кушай.

И она поставила на стол миску с мясом и овощами, села рядом и стала рассматривать книгу Ива.

Ив торопился, ему хотелось прийти на луг раньше магистра Петра.

В таверну вошли четверо крестьян.

– Куда ты торопишься? Подавишься, – сказала, смеясь, Сюзанна. – Подожди, может быть, кто-нибудь из Крюзье зайдет.

Но Ив решил твердо: магистр Петр не должен застать его здесь.

– Нет, Сюзанна, мне надо идти. А если придет кто-нибудь из нашей деревни, расспроси его и скажи про меня. Скажи: Ив, сын Эвариста над оврагом у старого дуба.

Крепко зажав под мышкой свою книгу, Ив шагал к мостовому замку. Если накануне пришлось дожидаться, чтобы пройти на мост, то сейчас, чтобы выйти с моста на берег, надо было пробираться сквозь движущийся навстречу поток людей и животных. Вместе с Ивом пробирались и другие школяры и магистры, тоже с книгами в руках. И когда Ив наконец выбрался на берег, он очутился среди нескольких десятков себе подобных. Они громко разговаривали, спорили, расходились по протоптанным тропинкам, уводящим от реки в разные стороны обширного луга, прозванного Лугом Школяров, к разбитым на нем шатрам и палаткам.

Ив издали узнал школяра Алезана по его длинной фигуре и красным башмакам. Окруженный школярами, Алезан не торопясь шел к одному из шатров. Ив не выпускал их из виду, но не торопился идти: так приятно было вдыхать со свежестью угра запах травы, следить за полетом пестрой бабочки, за скачущими из-под ног в обе стороны кузнечиками, помочь беспомощному жуку, перевернувшемуся на спину, встать на ножки, охватить взглядом зеленые холмы, золотые поля, высокое синее небо, все это с детства привычное, любимое.

– Молодец! – услышал Ив за собой голос магистра Петра. – Послушание и усердие – первейшие основы знания. Это что у тебя за книга? Покажи.

Ив протянул книгу, раскрыв ее на последней странице, и указал на красивую надпись, сделанную его деревенским учителем.

— О! Узнаю тонкое мастерство галльского письма⁵⁵ моего старого друга Гугона! Я подарил ему однажды павлинье перо, не им ли он это написал?..

Магистр шел медленно, перелистывая книгу.

⁵⁵ Галльское письмо – так называлось с IX века четкое круглое строчное письмо, окончательно вытеснившее в XI веке прежние беспорядочные, угловатые шрифты.

— Какой мастер! Прекрасны эти заглавные буквы. С умом и знанием отец Гугон составил эту книгу, я нахожу в ней лучшие страницы творений святого Августина и Бенедикта Нурсийского, просвещеннейших отцов церкви.

Храни эту книгу, мой друг, бережно... А вот и мой шатер, – перебил сам себя магистр, указывая на четырехугольный полотняный шатер, разбитый под раскидистыми ветвями огромного дуба.

Вокруг шатра стояли и сидели человек пятнадцать школяров. Магистр Петр отдал книгу Иву и, приосанившись, зашагал быстрее. Увидев его, сидевшие на траве школяры вскочили на ноги, и кто был в шляпе, сдернул ее с головы.

Когда магистр подошел к шатру, школяры хором пожелали ему доброго дня, на что он ответил кивком головы и прошел в шатер. Ив шел за школярами, которые двигались за магистром, шумя и толкаясь. Некоторые строили за его спиной рожи, показавшиеся Иву и не смешными, и отвратительными.

Шатер был вместительный. Свет проникал туда через широкий вход, полотнища которого были подняты. Солнце еще не нагрело шатер, и в нем не было душно. Этому помогала широкая густая зелень дуба. На утоптанном земляном полу стояли рядом скамьи. Одна скамья стояла отдельно, поодаль. Ив догадался о ее предназначении, когда магистр Петр повесил над ней розгу. Магистр сел за небольшой стол, поставил на наклонную подставку раскрытую книгу и, вооружившись длинной палкой—указкой, подтянул свои широкие рукава и постучал указкой о подставку. Подождав, чтобы водворилась тишина, он торжественно начал урок словами:

- Favete lingnis! 56

Большинство школяров записывали его слова: кто чернилами на сшитых листках бумаги, кто стилем⁵⁷ на навощенной табличке.

– Какова цель диалектики? – говорил магистр Петр, – Цель диалектики – развитие мыслительной способности человека... Какова польза диалектики? Она вооружает мысль

- /

⁵⁶ Храните молчание, внимайте! (лат.)

⁵⁷ Стиль – заостренная железная палочка для письма.

для спора с невеждами и мракобесами-клириками, затемняющими сознание людей лживыми сказками о сверхъестественных силах. Великий мудрец древности Аристотель ^{58} , прародитель диалектики, любит только бойцов слова, разящих врагов своих хорошо отточенным лезвием диалектики. Какова же основная конечная цель бойцов слова? Сразить ложные доказательства клириков и просветить светом науки разум людей!..

Громкий, протяжный зевок, раздавшийся из задних рядов, прервал речь магистра. Он дробно застучал указкой по подставке:

– Пусть этот дерзкий лентяй тотчас выйдет сюда!

Молчание.

– Кто зевнул?

Молчание.

Встает Алезан и, почтительно поклонившись, говорит:

- Добрейший сир магистр, я клянусь отцом королей⁵⁹, что этот зевок раздался из-за шатра. Я слышал, как кто-то похрапывал там на лугу.
  - Я тоже слышал!.. Я тоже слышал! Похрапывал! раздались голоса.

Магистр Петр ударил рукой по подставке:

- Замолчите!

Школяры смолкли. Кто-то не удержал смешка.

 А ты, Алезан, постоянный покровитель, а то я изобретатель всякого безобразия, подойди сюда!

Алезан подошел к магистру.

- Стань тут и повтори всё, что я сказал вам только что, Алезан поднял голову, нахмурил брови.
- По порядку? переспросил он. Сейчас... Сперва вы нам сказали, мессир магистр:
   «Пусть дерзкий лентяй выйдет сюда».
  - Не об этом я спрашиваю!
  - Потом вы сказали: «Кто зевнул?»
    - Не об этом!..
  - Наконец вы сказали: «Замолчите».

Магистр с силой швырнул указкой в Алезана:

Не притворяйся дураком!

Алезан поднял указку и подал с поклоном магистру.

В эту минуту раздался новый громкий зевок.

Ив сидел на самой задней скамье и видел, как во время Ьтого разговора один из приятелей Алезана (Ив знал его имя – Готье) пополз по полу и подлез под полотняной стенкой шатра наружу. Он-то, наверно, и зевнул. Другой приятель Алезана вскочил:

– Опять зевает! Это за шатром!

И он выбежал из шатра и через мгновение вернулся, таща за руку упирающегося Готье. Тот упал на колени перед магистром и, молитвенно сложив руки, воскликнул Калобньц^ голосом:

 Добрый сир! Простите меня! Я занемог сегодня с утра и еле дошел сюда, и, когда ждали вас, я от слабости уснул у шатра. А зевал я в полусознании, вообразив, что я на своей кровати.

Школяры шумели и смеялись.

Что оставалось делать магистру? Он отпустил Готье домой, а Алезану велел сесть на место.

Ив не запасся ни бумагой, ни табличкой. Однако, внимательно слушая, он сознавал, что

⁵⁸ Аристотель – древнегреческий философ.

⁵⁹ Отцом королей – то есть богом.

понимает точные и Просто излагаемые объяснения магистра Петра.

Магистр вызывал школяров одного за другим, заставляя их читать из своей книги, переводить и толковать прочитанное. Терпеливо, настойчиво он исправлял ошибки и требовал повторения чтения и своих объяснений.

Вернувшись к вопросу о ложных толкованиях клириками явлений природы – грозы, бури, землетрясения – как следствий божественной силы или силы демонов, он сказал:

- Клирики, погрязшие в жадном стяжательстве и в большинстве своем малограмотные, всячески дурачат, запугивают темный простой народ из своих корыстных целей. Сверху донизу клирики погрязли в мерзейших пороках. Но можно быть уверенным, что свет истинной науки победит лженауку загнивающих установлений клириков. Я позволю себе такое отступление: многие из вас, вероятно, слышали вчера на Малом мосту остроумный
  - сирвент жонглера о «пресвятой курии»?
  - Слышали! Слышали! крикнули школяры.
  - Так вот, жонглер по забывчивости, наверно, не допел своего сирвента, а слова его заключительных стихов весьма значительны. Вот они:

Поражая голову, Боль разит все тело. Корень высох – высохнуть И ветвям приспело!

Этим магистр Петр закончил первую часть урока и объявил перерыв.

Шумной толпой вышли школяры из шатра и разбрелись по лугу.

Ив тоже вышел и огляделся. Ученики магистра Петра разошлись по двое, по трое, одни ходили взад и вперед, другие сели на траву. Вон и Алезан с тремя своими приятелями. Он лежит на спине, подложив руки под голову, другие сидят, А там пятеро с веселыми выкриками играют в чехарду, прыгают с разбегу друг через друга. А там один раскрыл на коленях книгу, читает что-то и объясняет другим. А вот один улегся на траву и закрыл себе лицо шляпой; спит, наверно.

Ив думал, к кому бы из них подойти, с кем заговорить, кого выбрать себе в товарищи. Из них никто не обратил на Ива никакого внимания, никто не спросил, как его зовут и откуда он взялся. Значит, никого это не интересует, всем он одинаково безразличен. Зажав под мышкой свою книгу, идет Ив по лугу с невеселыми мыслями об одиночестве своем, с закравшимся в душу сомнением о пользе предпринятого им путешествия. Когда он проходил мимо школяра с книгой на коленях, до него донеслись слова:

- Я сам слышал вчера на Малом мосту, как магистр Гонорий говорил, что уходит в монастырь. «Я, говорит, оставляю кваканье лягушкам, карканье воронам, напрасную возню суетным людям». А потом ткнул в меня пальцем и говорит: «Школяры безумцы рыскают из города в город, от учителя к учителю за новой истиной и теряют не только башмаки, но и самих себя».
- Давно пора ему оставить бессмысленные споры с клириками, ведь ему шестьдесят лет.
  - Шестьдесят?! недоверчиво сказал другой школяр.
  - Я знаю наверно. Разве не видно, что он очень стар?

Подойдя близко к Алезану с его приятелями, Ив услышал такой разговор.

— Что ты в ней нашел хорошего?! — говорил Алезан. — Не понимаю! То ли дело моя Леокадия! Ко всей ее миловидности еще и сундучки с сарацинскими коврами, с павийскими тканями. Отец ее скоро помрет, и все достанется ей, единственной дочери! А твоя Бригитта что? Служанка. Не спорю, мордочка смазливая, а что толку без денег? Не ходить же мне, как ты, милостыню выпрашивать на церковных папертях. А Леокадия моя меня обеспечит всем!

И опять похвальба отвратительного вруна и повесы. Противно слушать! Ив хотел скорей пройти мимо, но это ему не удалось.

- Оэ, новичок! крикнул Алезан и поманил Ива пальцем. А ну-ка, иди сюда! Ив подошел.
- От какого магистра переманил тебя к себе наш магистр Петр?
- Я сам к нему пришел.
- О–о! А откуда у тебя такая книга? Покажи-ка! крикнул другой школяр.

Школяр выхватил у Ива книгу и стал ее перелистывать.

- О-о! Изрядно разукрашено! Сколько ты за нее отдал?
- Ничего. Мне ее подарили.

Ив потянул книгу к себе:

– Отдай!

Школяр крепко держал ее:

– Хочешь, дам за нее три денье? Подумай только: три денье!

Ив с силой дернул книгу:

- Отдай сейчас же!
- Брось дурачиться, Крестьен, отдай ему книгу, сказал Алезан.

Школяр выпустил из рук книгу и крикнул вслед Иву:

– Жадный ханжа!

Ив пошел обратно к шатру. Магистр Петр сидел в тени под дубом и что-то говорил собравшимся вокруг него школярам, потом показал пальцем на небо и встал. Один из школяров приложил ладони ко рту и крикнул тем, кто был на лугу:

− Оэ! На урок!!

Через несколько минут все снова сидели в шатре, и магистр Петр продолжал урок. Он говорил о том, что для овладения искусством диалектики необходимо хорошо изучить и остальные предметы: основу основ — грамматику, риторику, арифметику, астрономию, музыку и геометрию. Но чему может с пользой научиться человек, если в основу знаний своих он не положит умение читать и превосходно писать?

— Вы должны прежде всего изо дня в день прилежно добиваться совершенствования именно этих двух искусств, которые помогут вам подняться до мудрости диалектики с ее острым мечом сомнений и крепким щитом возражении для словесной борьбы с врагами истинной науки.

После этих объяснений магистр Петр обвел взглядом своих учеников:

– Послушаем нашего новичка. Ив, друг мой, подойди ко мне со своей книгой.

Ив подошел.

Открой первую страницу «Размышлений святого Августина». Читай неторопливо и переводи внимательно.

Ив волновался, и голос его дрожал. Однако магистр слушал молча и только один раз перебил чтение, сказав: «Не торопись». А когда Ив прочитал и перевел страницу, магистр отпустил его, сказав:

- Bene ^{60} . - И, обратившись к ученикам, прибавил: - Вот вам пример прилежного изучения чтения и перевода. Подражайте!

Потом он сказал, что становится жарко, что, вероятно, скоро полдень и можно расходиться. Он поднялся и вышел из шатра. Школяры шумно вскочили со своих мест.

Мучительное волнение Ива перешло в радость. Значит, не даром прошли уроки с отцом Гугоном, и удачное начало сегодняшнего чтения и перевода, похвала магистра — хороший признак!

Приятели Алезана обступили Ива и начали поздравлять с первым успехом. Кто-то схватил его за руку и потащил к выходу, где начинались толкотня и давка. Выйдя на луг, школяры подхватили Ива на руки и начали подкидывать вверх, ловить и снова подкидывать с гиканьем, свистом и криками: «Подражайте! Подражайте!» Наконец Ив был поставлен на

⁶⁰ Хорошо (лат.).

траву, а озорные товарищи убежали, оставив его изрядно измятым, с растрепанными волосами и разорванным рукавом. Поодаль лежала его шляпа, тоже совсем измятая. А книга? Напрасно Ив оглядел все вокруг, напрасно медленно шел обратно к шатру, внимательно разглядывая луг, напрасно, войдя в шатер, обшарил пол под скамьями — книги нигде не было.

Ив вспомнил рассказы о том, что в Париже книги очень трудно доставать, что они очень дороги, что перепродавцы книг наживают много денег, вспомнил и предложение приятеля Алезана купить у него книгу. Страшная мысль осенила Ива: книгу украли!

Сам не свой, он опрометью бросился бежать к Малому мосту.

Глава IX СКРИПТОРИЙ

Как ни старался Ив скрыть свое волнение и беспокойство, как ни изображал на своем угрюмом лице подобие улыбки, Сюзанна очень быстро догадалась, что с парнем стряслось что-то недоброе. Что это могло быть такое? На все расспросы Ив отвечал, что ничего с ним не случилось и что ей это только так кажется.

И Сюзанна решилась на уловку:

- Ну что ж, не хочешь признаться, тогда придется мне сказать магистру Петру уж ему-то ты должен будешь сказать.
  - Ты этого не сделаешь!

В голосе Ива послышались и возмущение и мольба.

Сюзанна улыбнулась:

 Конечно, я этого не сделаю, но прошу тебя, расскажи мне, что случилось с тобой, я ведь вижу, какой ты сидишь – сам не свой. Расскажи, вместе легче придумать, как помочь горю.

Добрые глаза Сюзанны и ласковость, с какой она говорила, победили Ива – он рассказал ей о пропаже книги.

— Та–ак, — сказала Сюзанна, нахмурив брови. И, подумав, прибавила: — Ну что ж, попробуем... А пока что не говори никому.

Ив отодвинул в сторону миску с жареным мясом, до салата он тоже не дотронулся Сутки прошли с тех пор, как пропала его книга. Ночью он не мог уснуть, а сегодня на уроке он сидел ни жив ни мертв. Хорошо, что магистр не вызвал его с книгой, как вчера. А завтра? Завтра можно будет сказать, что книгу забыл взять с собой. А послезавтра?..

Из-за стойки вышел магистр Петр, подошел к Иву:

- Вот хорошо, что я тебя застал! Не теряя времени, иди сейчас через Луг Школяров мимо нашего шатра. У большой липы тропинка раздваивается. Пойдешь направо, в гору. Когда взойдешь на холм, увидишь вдали мельницу на реке и тотчас за ней две церковные башни, к ним и иди. Там увидишь стену небольшого монастыря отцов бенедиктинцев ^{61} . Постучи в калитку, спроси отца Иннокентия из скриптория ^{62} и скажешь ему, что пришел от меня. Я не сомневаюсь, что он не откажет в моей просьбе, а просьба моя дать тебе работу, так ему и скажи. Ступай, не медли...
- Не видать мне февраля месяца! раздался возглас хозяина таверны. Вы, мессир магистр, гнушаетесь моим гренадским, а я клянусь хвостом святого веронского осла ^{63} , что

⁶¹ Бенедиктинцы — монахи самого многочисленного католического монашеского ордена, основанного Бенедиктом Нурсийским в 529 году.

⁶² Скрипторий (от латинского слова scriptor – писатель, писец, переписчик) – помещение при католических монастырях, где переписывали священные книги.

⁶³ Легенда гласила, что осел, на котором Иисус Христос въехал в Иерусалим, после смерти Иисуса

оно принесет вашему желудку во сто раз больше пользы, чем колдовские снадобья аптекаря!..

Оставив магистра с крикливым марсельцем, Ив выбежал из таверны.

Луговая тропинка уводила далеко от Орлеанской дороги и вилась в высокой траве, пестревшей цветами, между холмами с виноградниками, садами и рощами. У тропинки то и дело попадались земляные кучки, нарытые кротами. Вдали сизые ветлы обозначали русла рек. Холмы то вспыхивали яркостью зелени, то потухали в синей тени плывущих облаков. В небе мчалась, кружась, стайка диких голубей. На развилке тропинки, у могучей липы, из-под древних, замшелых камней выметнулась проворная красно-бурая ласка и умчалась на свою кровавую охоту за крольчатами и мышами.

Жаркий день был безветренным, притихшим, быть может, перед грозой.

С холма Ив увидел и реку, и мельницу, и монастырские башни, и далеко за ними ту самую столетнюю башню аббатства Святого Германа в Лугах, которую ему с моста показывал магистр. Быстро сойдя вниз, он очутился у железной калитки высокой каменной ограды монастыря со свешивающимися через нее плетьми хмеля, тяжелыми от больших тускло—зеленых шишек и широких листьев.

На стук Ива в калитке чуть приоткрылось решетчатое оконце, и в нем появились нос и прищуренный глаз под седой бровью. Старческий голос спросил:

– Что тебе, сын мой?

На ответ Ива замок калитки звякнул, и она открылась. Старик привратник, подслеповатый монах, сгорбленный, с впалым, беззубым ртом, в черной одежде с капюшоном за спиной, шамкая и дрожащей рукой указывая на монастырскую церкбвь, подробно объяснил Иву, куда ему надо пройти. От ворот к церкви вела дорожка, по обе стороны обсаженная белыми лилиями. Их дурманящий запах насыщал неподвижный, накаленный солнцем воздух.

Церковь, древняя, приземистая, сложенная из бурого камня, была украшена только с фасада полукруглой аркой на невысоких толстых столбах широкого портала с тонкой колонкой посредине дубовых дверей, обшитых железными полосами украшений. На арке толпились фигурки демонов, пожирающих корчащихся в адских мучениях людей, и извивались кольцом страшные драконы, кусающие свои хвосты А в полукружье над дверями – Иисус Христос на троне, с короной на голове, окруженный символами евангелистов: орлом, быком, львом, ангелом. С двух сторон портала – две широкие трехъярусные башни, покрытые конусами черепичных шапок. На верху башен – узкие, как бойницы, окна. Не для молитвы строили тогда такие крепкие и высокие башни, а для дозора и обороны на случай войны, когда монастыри превращались в крепости. Одна половина дверей была открыта, и из сумрака церкви на Ива пахнуло холодом и сладковатым запахом ладана. Кругом было так тихо, что монастырь казался необитаемым. Однако на дорожке, у высаженной широкой полосы вербены с лиловыми цветочками на высоких ветках, стояла бадья с водой и лежали лопаты. Ив знал, что отцы бенедиктинцы или «черные монахи», как их звали в народе из-за черной одежды, в отличие от других монахов, славятся не только перепиской книг, но и возделыванием огородов, полей, разведением фруктовых садов, разными ремеслами. Вот и вербену они постарались развести, потому что она лечебная. Деревенский учитель Ива с уважением говорил о трудолюбии отцов бенедиктинцев. Вокруг церкви и дальше стояли огромные дубы и липы со стволами, обвитыми плющом, заросшие густой порослью шиповника, жасмина и душистой жимолости, обвешанной пучками ярко-красных ягод.

В глубине сада, сквозь зелень, белели стены монастырских построек.

Тотчас за церковью стояло продолговатое здание, тоже древнее, опутанное виноградом. В нем, как сказал привратник, помещаются умывальня и скрипторий, но входить туда во

чудесным образом перешел море и очутился в Италии, в городе Вероне, где и умер. В Вероне ежегодно происходили церковные шествия, веронцы несли чучело, в котором якобы хранились чудотворные останки иерусалимского осла.

время работы переписчиков могут только настоятель монастыря, приор⁶⁴ и армарий⁶⁵, так что Иву надо вызвать брата Иннокентия и у него просить особого разрешения войти. На деревянной двери был прикреплен молоточек, которым Ив и постучал. Открыл дверь молодой монах с приветливым лицом и попросил Ива подождать, а он пойдет скажет брату Иннокентию.

Отец Иннокентий оказался пожилым человеком высокого роста, с худым и строгим лицом аскета 66, с проницательным взглядом светло-серых глаз под густыми черными бровями. Узнав, от кого и зачем пришел Ив, он велел ему следовать за ним, предупредив, что громко говорить запрещено, молчание – закон скриптория. Через низкое сводчатое темноватое помещение с каменным бассейном посредине и широким камином у стены они прошли к окованной железными полосами двери и через нее – в зал с рядом невысоких толстых колонн посредине. Квадратные основания колонн были установлены на высеченные из камня львиные лапы. Потолок дубовый, потемневший от времени. В высокие окна лился мягкий свет, зеленоватый от обступивших здание деревьев. Один за другим на деревянных креслах сидели монахи. Они склонились, переписывая на пергамент начертанные каламом тексты из старинных кодексов - книг из соединенных деревянных дощечек, покрытых воском. Кодексы стояли на наклонных подставках, прикрепленных к креслам. К подставкам были приделаны каламарии – чернильницы. На табуретах стояли банки: одни – с набором перьев, гусиных, лебединых, павлиньих, другие - с речным песком, лежали свитки пергамента и бумаги. Тишина нарушалась легким поскрипыванием перьев. Монахи были настолько поглощены своей работой, что ни один из них не поднял головы и не обернулся, когда брат Иннокентий с Ивом проходили мимо них. Взглянув в один из списков, Ив заметил заглавную букву, прекрасно сплетенную из зеленых, голубых и красных чернил.

Не произнеся ни слова, отец Иннокентий подошел к своему креслу и, выбрав несколько пергаментных свитков, стоявших в высоком круглом коробе, сделал знак Иву следовать за ним. Через низкую дверку в глубине скриптория они вышли в сад. На одной из дорожек сели на каменную скамью, защищенную от солнца густой зеленью каштана.

— Надеюсь, сын мой, — сказал монах, — что ты с должным благоговением приступишь к работе, благословенной господом, и со всей тщательностью исполнишь ее, оправдав доверие магистра Петра и мое. Вот, возьми, тут пять свитков с текстом, пять чистых — для переписывания. Имей в виду, что я приму только хорошо переписанное. Превосходное письмо наряду с хорошим пением прославило наш монастырь. С молитвой приступи к труду своему и не ослабляй старания своего. Для заглавных букв оставляй место. Мы сами их впишем — ты еще в этом малоопытен. Еще посоветую тебе — отведи для работы часы ночные, как это делаем мы. Безмолвие ночи — лучший помощник писца. В тишине и спокойствии мысли возвышенней и разум сосредоточенней. Сейчас я пойду к братьям, а ты посиди здесь, успеешь еще в ваш суетный город Отдохни, и да будет с тобой благословение нашего святого отца, покровителя Бенедикта Нурсийского, примерного труженика в винограднике господа.

Отец Иннокентий встал, поднял руку и, осенив голову тоже вставшего Ива крестным знамением, пошел обратно к скрипторию.

«Где я буду переписывать? На чем? Чем? Когда? В моей каморке ночью? Откуда возьму светильник? Где я возьму чернила? Где перья? А если и найду, позволит ли аптекарь? Сумею ли я переписать так, как хочет монах?»

Все эти тревожные вопросы копошились в голове Ива, и досадно ему было, что не

⁶⁴ Приор – в католических монастырях старший поеле настоятеля монастыря.

⁶⁵ Армарий – монах, ведающий хозяйством монастыря.

⁶⁶ Аскет – человек, который придерживается строгого воздержания от жизненных удовольствий.

задал эти вопросы отцу Иннокентию, смалодушничал. Долго сидел Ив, опустив голову. Над ним в листве дерева зашуршало, и на дорожку упал зеленый, в колючках шарик каштана, упал и раскрылся, выбросив на землю два коричневых плода. Ив поднял голову и увидел, как в глубине сада из-за поворота дорожки появилась толпа мальчиков. Они что-то говорили и смеялись. Впереди шел монах в темной грубошерстной, похожей на мешок власянице ⁶⁷, опоясанной куском такой же ткани, в деревянных сандалиях на босу ногу. Монах шел медленно, запрокинув голову. Подбородок на его лице отсутствовал, верхняя губа с торчащими из-под нее зубами вытягивалась вперед. Монах был похож на лесную мышь. Глаза навыкате были устремлены ввысь. Он что-то говорил, то и дело протягивая руку вверх. Толпившиеся за ним мальчики приседали и закрывали рот рукой, сдерживая смех. Монах не замечал этого. По мере того как он приближался, Иву стали слышны слова:

На трудящегося человека наседает один демон, с бездельниками сражаются тысячи.
 Итак, вооружайтесь против демонов, угождайте господу всячески.

Ив понял, почему мальчишки смеялись: монах заикался.

- Ora-rate, legi-gite, psa-psa-psallite, scri-scribite! ⁶⁸ восклицал он по–латински. Поравнявшись с Ивом, монах остановился. Один из мальчишек подскочил к нему:
- Отец Флорентин! А если я не смогу все это сразу сделать, тогда как?
- Вот слушай, сын мой. Был один монах уличен во многих нарушениях устава монастыря. Но был он писцом, списал большую книгу. Монах умер, и душу его привели к верховному судье. Лукавые демоны начали обличать его всячески, чтобы завладеть его душой, а ангелы принесли книгу, которую списывал этот брат. Стали подсчитывать буквы по букве на грех. И число букв на одну превысило число грехов. Хлопоты демонов не оправдались. Тогда милосердный судья позволил душе монаха вернуться в тело, дав ей время исправить грехи! Вот, сын мой, что бы ты ни делал с рвением благочестия, ми—ми—лосердный судья простит грех твой.

Монах пошел дальше. Ив смешался с толпой и двигался с нею к выходу из монастыря. От одного из мальчиков он узнал, что они ученики этого монаха в монастырской школе, а сейчас идут по домам, кто в Париж, а кто в деревни.

- Отец Флорентин! не отставал от монаха мальчик. А как его узнать, демона?
- O! Трудно, трудно! ответил монах. Бес хитер и искусен в превращениях. То он примет вид собаки, кошки, лошади, то обезьяны, жабы, ворона, то бестелесной тени, а то просто человека, например лекаря.
- Лекаря? Так и есть! Мою бабушку лечит один лекарь, так бабушка всегда говорит: «Это не лекарь, а черт!» Как даст ей какого-нибудь снадобья, так ее и выворачивает наизнанку, а он стоит над ней, бормочет что-то по-латински, а потом говорит: «Давай скорей деньги, некогда мне тут с тобой возиться!» А она ему вслед кричит: «Чтоб тебя черт в пекло унес!» А он ей: «Я черта не боюсь, я ему сам хвост оторву!»
- Ты вот что, сын мой, скажи своей бабушке, пусть она на всякий случай заставит лекаря прочитать «Верую» 69, или пусть окропит его святой водой, или крест ему покажет. Демоны всего этого боятся и мгновенно исчезают. Пусть бабушка попробует. Что-то ее лекарь кажется мне подозрительным, А вы сами-то видели когда-нибудь дьяволов?
  - Дьяволов нет, а дьяволят видел. Я ходил с паломниками в Пуатье⁷⁰ поклониться

⁶⁷ Власяница – одежда из грубой козьей шерсти. Некоторые монахи носили ее, не снимая и ночью, как особый знак своей благочестивой жизни.

⁶⁸ Молитесь, читайте, пойте, пишите! (лат.)

⁶⁹ «Верую» – первое слово молитвы, излагающей основы христианской веры (символа веры).

⁷⁰ Пуатье – город на юго-западе Франции.

гробнице святой королевы Родегонды в подземной капелле аббатства Святого креста. Туда вошла одна знатная дама, пестро наряженная бездельница. Так вот, на длинном подоле ее платья, расшитого золотыми цветами, я увидел целую ораву дьяволят. Ростом они были с крысу и черны, как мавры. Они строили рожи, хлопали в ладоши и прыгали, изгибаясь, как рыба в неводе.

- O-o-o! - весело закричали мальчишки и запрыгали.

Рассказ о бесах скорее развеселил, чем испугал школяров, Они не очень-то верили его достоверности. Они приставали к монаху, прося его рассказать еще о демонах, чтб он делал охотно, плетя одну небылицу за другой. Особенный восторг вызвал у них случай, когда во время богослужения демон прыгнул на спину епископу и надел ему на лицо конскую узду. Тотчас же мальчишки начали изображать брыкающегося епископа и оседлавшего его беса.

Отец Флорентин ушел в одну сторону, а шумная гурьба его учеников – в другую.

Когда Ив вместе с ними протискивался в калитку, он увидел у ворот всадника на тяжело поводившей боками взмыленной лошади и монаха—привратника, скрестившего руки на груди и униженно кланяющегося Всадник кричал:

- Иди сейчас же и скажи своему аббату, или приору, или черт знает, как вы их там называете! Плевать я хотел, что они на молитве! Пойди и скажи, что я послан моим сеньором бароном де Понфором, желающим прибыть завтра в этот монастырь и остаться в нем для молитвы на столько времени, на сколько будет угодно его милости мессиру барону Чтоб все приготовили и ждали. В случае отказа с вашими монахами будет поступлено так, как поступает мой сеньор со своими врагами, то есть мертвые тела ваши бросит собакам! Ступай или я тебя...

Прибавив крепкое словцо, всадник чуть было не сшиб монаха своей лошадью.

Услышав имя барона де Понфора, Ив пристально вгляделся в лицо всадника и узнал в нем того самого экюйе, который провел его в башню к рыцарю Ожье в тот вечер, когда его заперли в подвале. Ив поскорее отвернулся от всадника, опустил поля шляпы, натянул ее на самые уши и быстро зашагал прочь. Вместе с ним шли два мальчика из монастырской школы Один из них рассуждал:

– Рыцари запираются в монастыре для покаянных молитв перед войной. Вот, значит, и этот... как его... барон яатевает войну с кем-нибудь...

Ив хорошо знал, с кем и какую «войну» затевает барон де Понфор, но не это, а иная забота заняла мысли Ива. Завтра барон приедет в монастырь. Сколько дней пробудет он там и как отнести теперь переписанное отцу Иннокентию так, чтобы не попасться на глаза рыцарю Ожье или кому-либо из его людей?

Вскоре мальчики повернули куда-то в сторону, и Ив один стал подниматься на холмы Обернувшись, он увидел облако пыли, летевшее от монастыря вслед скачущей лошади экюйе барона де Понфора.

С вершины холма Ив увидел далеко за Парижем огромную тучу необычного темно-желтого цвета, медленно ползущую вверх к солнцу. И оттого, что она наползала все выше и ближе, далекие леса и поля постепенно потухали и поглощались ее зловещей тенью. Время от времени нутро тучи во всю ширину вспыхивало красноватым отблеском молнии, но грома еще не было слышно. Надо было спешить успеть укрыться от дождя, спасти от него драгоценные свитки. С холма Ив побежал. Остановился он только на одно мгновение у старой липы на развилке дорог и взглянул вдаль.

Туча доползла до солнца и стала его тушить. Сама она и вся даль под нею слились в сплошное беспросветное темное марево. Погасли луга и холмы. Парижа нельзя было узнать: без сверканий и теней, призрачно серый, словно мертвый, стоял он на пустой и тусклой реке, в отблесках умирающего солнца, среди пустых дорог и пустынных холмов в тревожном безмолвии притаившейся земли.

На мосту — никого. Торговцы закрыли свои ларьки. Когда Ив подходил к таверне «Железная лошадь», стали падать крупные капли дождя вперемежку с градинами.

Внезапно налетел ураганный шквал.

Ив вбежал в таверну.

Ветер захлопнул за ним дверь, и за нею обрушилась буря с ливнем и градом, с ударами грома, со вспышками молний, с воем и свистом ветра.

Таверна была пуста. Только за стойкой на полу стояла на коленях Сюзанна и, закрыв уши ладонями, шептала молитву.

Глава X ВОР

Буря и гроза грохотали, выли, шумели весь вечер и всю ночь. Люди с испуганными лицами забегали в таверну, говорили, что дождь с градом больно исхлестал их и промочил до костей. Согревались вином и, словно зимой, усаживались поближе к огню очага, развешивали сушить плащи и шляпы, разговаривали тихо, прислушиваясь настороженно к вою ветра в трубе, вздрагивая каждый раз, когда кто-нибудь, входя, открывал дверь на мост. Пламя в фонаре, подвешенном под потолком, дрожало, пол тоже дрожал. Хозяин не был похож на самого себя: он молча ходил между столами, прислушивался у входной двери, смотрел в щели оконных ставен. Ни клятв, ни шуток, ни выкриков. Все знали, что в такую бурю надо быть начеку: Сена шутить не любит и если придет в ярость, то, высоко вздуясь, может наброситься на деревянные устои моста и снести их, утопив в своих разбушевавшихся волнах дома вместе с людьми. Об этом рассказывали старики.

- И вот поди ты, опять восстановили снесенную часть Малого моста и опять зажили как ни в чем не бывало.
  - А почему бы нам не бросить мост и не перейти на берег?
  - Легко сказать бросить! Веками здесь жили, и вдруг бросить!

Ив хотел отправиться ночевать к аптекарю, но Сюзанна не пустила его:

– Что за вздор такой! С ума ты сошел, что ли, в такую погоду идти! Не обидится твой аптекарь, не беспокойся. А я тебя тут на ночь устрою.

Ив остался. Он рассказал Сюзанне о полученной им работе и спросил, не знает ли она, где он может купить чернила и перья, и поделился с ней опасением, что аптекарь не позволит ему работать у него ночью, а работа срочная, и ночью переписывать удобнее всего.

Сюзанна сказала на это, чтобы Ив пошел на следующий день к аптекарю и поговорил с ним. Если тот не позволит, то она что-нибудь придумает. А перья и чернила она достанет, и светильник тоже...

На скамье в своем темном углу за стойкой Ив пролежал всю ночь, но так и не заснул.

Оставшиеся люди в таверне тоже не спали. Говор, ходьба, стук посуды, завывание ветра, мигание пламени в фонаре — все это мешало уснуть. Так время тянулось мучительно долго до самого утра.

Чуть забрезжил свет, открыли ставни. Дождя не было. Перед таверной, во всю ширину моста, стояла лужа. Прохожие жались к стенам домов. Коровы и лошади, шагая по луже, обдавали их брызгами грязи В луже отражалось серое небо с несущимися в нем облаками, изорванными бурей. По воде пробегала рябь – ветер продолжался. Когда Сюзанна раскрыла входную дверь, железная лошадь раскачивалась и поскрипывала, а в таверну ворвался свежий ток воздуха, пахнущего речной водой.

Трое школяров, из деревенских, прибегали сказать магистру Петру, что буря сорвала и раскидала по лугу шатры и палатки и что шатер магистра Петра подняло, отнесло в сторону и повесило на высокий тополь у дорожки к городским печам. Магистр распорядился, чтобы школяры бежали на луг и всем своим товарищам сказали, что учения сегодня не будет и чтобы они сняли шатер с дерева и поставили на старое место, — он придет проверить их работу. Ива он отпустил к аптекарю, а оттуда пусть тоже бежит на луг в помощь товарищам.

Ветер сильно дул в лицо. Иву приходилось сгибаться и держать шляпу. День был пасмурный и холодный. Народу на мосту было немного. Некоторые лавки оставались закрытыми. Наверно, их хозяева спали после беспокойной ночи.

Ив долго стучал в дверь аптекаря. Наконец наверху приоткрылось окно и показалась белая борода. К немалому удивлению Ива, старик не только не бранился, но даже приветливо сказал: «Ax, это ты?» — и, открыв дверь, стал подниматься по лестнице, приговаривая: «Вот и хорошо». Ив хотел было извиниться, что заставил дожидаться его с вечера, просить разрешения заниматься перепиской по ночам, но аптекарь не дал ему говорить:

— Знаю, знаю! Буря, гроза, понимаю... Теперь слушай: скажешь магистру Петру, что я достал ему, только ему одному, настоящей испанской лакрицы без всяких денег. Понял? Без денег! Но у меня, скажи, есть к нему дельце поинтереснее лакрицы, и мне надо с ним повидаться непременно, да так, чтобы никто не помешал. Может быть, он пожалует сюда, мне не хотелось бы ходить к нему в таверну — в этой «Лошади» всегда полно народу.

Старик поднял крышку сундука, из которого пахнуло сухими лекарственными травами, и достал пакетик. Дрожащей рукой он протянул его Иву:

– Держи. Настоящая испанская, и денег мне за нее не надо. Я делаю это из уважения к мессиру магистру. Так и скажи ему и узнай, может ли он побеспокоиться прийти ко мне и когда. Тогда прибежишь мне сказать. Понял? Ступай скорей!

Ив снова хотел сказать о своем деле, но аптекарь опять перебил его:

– Ступай, ступай! – и, толкая Ива в спину, выпроводил из дому.

Слабый свет солнца пробивался сквозь дымку летящих облаков. Ив прошел к перилам моста посмотреть на реку. Уровень воды заметно поднялся. Мостики для полоскания белья исчезли, и ветлы у мельниц стояли глубоко в воде. Ветер нагонял волну на устои моста. Лодок около них не было. Река была пустая, подернутая холодной стальной рябью. Чайка, то взлетая высоко, то падая к самой воде, охотилась за рыбешкой.

Возле лавки мясника, где толпился народ, Ив увидел того самого монаха, что проклинал жонглера с обезьянкой. На этот раз монах не вопил, а, надев капюшон на голову и опираясь на высокий посох, смиренно протягивал руку и со слезой в голосе умолял помочь ему несколькими су успеть добраться в Компостеллу⁷¹ к празднику апостола Иакова, где он у гроба святого вознесет молитвы ко господу за всех благочестивых сынов матери церкви, пожертвовавших на его паломничество. Для убедительности монах рассказывал, что он во время бури видел, как сонм демонов с песьими головами носился в облаках над Парижем и угрожал всякому не раскаявшемуся и не пекущемуся о делах благочестия.

Некогда было слушать монаха, надо скорей бежать на луг, как приказал магистр, и потом раздобывать чернила и перья, приниматься за работу. И, не заходя в таверну, Ив поспешил на Луг Школяров. Бежать по мосту было легко — не было ни скота, ни крестьянских повозок.

⁷¹ Компостелла – город в Испании. С IX века – место паломничества католиков к гробнице св. Иакова – покровителя Испании. Предание говорит, что св. Иаков в битве при Логроно появился на белом коне и разгромил войско арабского султана Абдерахмана.

Трава на лугу лежала прибитая градом. Тропинки были скользкими. На них сидели лягушки, довольные мокротой. Вдали между холмами стояла голубоватая дымка тумана. У древнего дуба шумной гурьбой толпились школяры, укрепляя шатер. Был тут и Готье и тот самый школяр, что вырывал у Ива из рук его книгу, все были тут, кроме Алезана, уклонившегося от этой, по его мнению, скучной и грязной работы.

Присутствовал и сам магистр Петр. Он важно расхаживал вокруг своих учеников, следя за их работой, указывая то рукой, то ногой, то просто своим утиным носом, куда вбивать колышек, где закреплять веревку, куда дотянуть полу шатра. Он то хмурил лохматые брови, то весело мигал глазками и, вытягивая жилистую шею, покрикивал на работавших.

Ив принялся помогать товарищам. Промокшее полотно было тяжелым и плохо поддавалось натягиванию. Школярам нравилась эта сутолока куда лучше учения, и они с прибаутками и смехом работали дружно.

«Turpe! Turpe!» 72 — кричал магистр, топая ногой и пронзая воздух указательным пальцем по направлению неудачливых работников. «Bene, bene!» — поощрял он усилия усердных. «Egregie!» 73 — утверждал он завершенное укрепление шатровой полы. И, наконец, когда все было установлено, забито, натянуто, закреплено и шатер предстал во всей своей прежней красе и на прежнем месте, магистр Петр, высоко воздев обе руки,

торжественно воскликнул: «Splendide!»⁷⁴

Когда уходили с луга, Ив передал магистру просьбу аптекаря.

— Хорошо, — ответил он. — Скажи ему, пусть ждет меня завтра после полудня...
Прошла неделя. Все дни после обеда и большую часть ночи Ив усердно переписывал

⁷² Скверно! (лат.)

⁷³ Превосходно! (лат.)

⁷⁴ Великолепно! (лат.)

тексты для отца Иннокентия. Аптекарь не разрешил зажигать светильник: «Заснешь, столкнешь, и мы сгорим», и на помощь пришла Сюзанна: она уступила Иву на все время переписки свою темную, без окон, каморку. Раздобыла светильник, сама приготовила чернила из сажи и лучшего оливкового масла, набрала и очинила три дюжины отборных перьев от общипанных для таверны гусей, промыла и высушила тончайший речной песок, чтобы посыпать написанное.

По утрам, утомленный работой, с красными от бессонной ночи глазами, Ив шел на луг, в школу магистра Петра. Там и случилось то, чего он так боялся. Два дня подряд магистр вызывал его и спрашивал, где книга. В первый раз Ив ответил, что забыл ее дома, во второй запутался и сказал как-то несвязно и глупо, что вызвало смех школяров и строгий выговор магистра, смысл которого остался для Ива неясным. Магистр советовал ему подумать о своем недостойном поведении: «primo 75 — оскорбляющем достойнейшего из людей и secundo 76 — обманывающем учителя». Встав, нахмуря брови, закинув голову назад, отчего острый кадык на его шее стал еще больше, магистр протянул руку и, указывая пальцем на Ива, произнес тихо, дрожащим, но строгим голосом:

– Pudet non te tui? 77

Ив, недоумевая, стоял, опустив голову.

О каком «недостойном поведении» говорил магистр и почему он должен стыдиться самого себя? Эти вопросы не давали покоя целый день, и напрасно он ломал себе голову над их разрешением. Из-за этого и работа шла медленно и восемь раз пришлось соскабливать и вновь писать неудавшиеся буквы. И, как назло, собравшиеся вечером в таверне школяры один за другим приставали к ужинавшему там Иву с насмешливыми расспросами, с отвратительными намеками на его «недостойное поведение». Особенно усердствовал Готье.

 Уж не встретил ли тебя магистр с какой-нибудь веселой девчонкой? – кричал он на всю таверну. Потом становился на скамью и, подражая магистру Петру, восклицал: – Pudet non te tui?!

Эти слова хором подхватывали его приятели.

Когда наконец шумная ватага школяров ушла и в таверне стало пустовато, Сюзанна подсела к Иву:

- Что это они к тебе пристали? Я не разобрала, какие это они слова выкрикивали.
   Так, нехотя ответил Ив, пустяки.
- Да, я уж вижу, какие пустяки! засмеялась Сюзанна, хлопая Ива по плечу. По лицу твоему вижу. Из-за пустяков так не надуваются. А ну-ка, признавайся, о какой такой девушке они тебя спрашивали и при чем тут магистр Петр?

Словом, и на этот раз Иву пришлось во всем признаться Сюзанне. Ведь она была единственным в Париже человеком, ставшим ему близким и по–дружески к нему относившимся.

Выслушав его, Сюзанна сказала:

Я не знаю, как там и что вышло у тебя с магистром Петром, а вот что этот школяр
 Готье прощелыга хороший, так это верно. И вот что я тебе скажу: был он тут на днях сильно пьян, и я слышала его разговор с приятелями. Думается мне, что он кое-что знает о том, куда девалась твоя книга.

Ив схватил Сюзанну за руку.

 Постой, – продолжала она, – пока что давай помолчим. Я еще проверю разок. Мне сейчас одна вещь вспомнилась.

⁷⁵ Первое (лат.) 76 Второе (лат.)

⁷⁷ Не стыдишься ли ты самого себя? (лат.)

- Какая? - нетерпеливо воскликнул Ив.

 Постой, погоди немножко. Может быть, завтра все узнаешь... Иду! – перебила сама себя Сюзанна и убежала: кто-то звал ее.

Ив ушел в каморку и всю ночь напролет переписывал. Не выходили из головы слова Сюзанны. Неужели книга найдется?

А почему Готье знает?

Время, обыкновенно пролетавшее за работой так быстро, в эту ночь плелось медленно, как ленивый вол...

Утром на уроке магистр не вызвал Ива и два раза, проходя мимо, не ответил на его поклон, делая вид, что не замечает. После этого Иву неприятно было оставаться в таверне, где он постоянно мог встретиться с магистром, и он решил приналечь на работу и скорей закончить ее. Пообедав тотчас после урока, он заперся в каморке и переписывал в течение всего дня. Работа шла удачно и заставила забыть на время гнетущую обиду непонятного и ничем на оправданного обвинения.

Наступил вечер. Об этом дали знать шарканье ног, отодвигаемые скамьи, голоса и пробившийся из-под двери свет зажженных фонарей. «Поужинать скорей да опять засесть за работу», — подумал Ив и вышел в таверну.

Там было полно народу, и, как всегда, у окна школяр Алезан играл в кости со своими приятелями. Хозяин таверны и Сюзанна были заняты своими обычными делами. Первый расхаживал между столами, то рассказывая невероятные истории, то покрикивая на служанку, то клянясь не увидеть февраля месяца; вторая бегала от стойки к столам и обратно, ухитряясь держать в руках по восьми кувшинов или по шести мисок и успевая на ходу побалагурить с тремя—четырьмя из посетителей и улыбнуться всем.

Не успел Ив выйти, как дверка, ведущая на лестницу, скрипнула, и за спиной у него появился магистр Петр. Брови его то хмурились, то вздергивались вверх, губы были сжаты, а глаза, впившиеся в Ива, щурились. Он вцепился рукой в его плечо, вытолкнул из-за стойки на середину таверны и, обращаясь к школярам, воскликнул:

– Silentium!⁷⁸

После чего, сделав паузу, приступил с торжественностью интонаций и жестов опытного оратора и с поистине цицероновской беспощадностью клеймить порочное поведение Ива, позорящего благородное звание школяра. Он призывал в свидетели своих учеников, а заодно и всех посетителей таверны, изощряясь в самых изысканных клятвах, пользуясь именами никому не известных древнегреческих божеств. Вот как было дело: аптекарь, у которого живет Ив (заметьте это!), предложил ему, магистру, купить книгу. Он, магистр, узнал эту книгу, она принадлежала школяру Иву. Но на вопрос, откуда эта книга, аптекарь сказал, что приобрел ее давно и позабыл у кого. Аптекарь не хотел назвать имени Ива (заметьте это!), чтобы не проверили, сколько он хочет нажить на перепродаже. Сам же Ив на вопрос, где его книга, два раза в присутствии здесь находящихся товарищей его ничего не захотел (заметьте это!) ответить.

Может возникнуть вопрос, в чем же виновен школяр Ив? Primo, в том, что занялся бесчестным промыслом тайной (заметьте это!) продажи книг, secundo — что эта книга не была приобретена им за деньги, а являлась подарком почтеннейшего мужа, творца ее и учителя Ива, и tertio ^{80} , — что постыдным поведением своим школяр Ив набросил тень на школу, то есть на всех товарищей своих и на меня, их руководителя.

⁷⁸ Молчание! (лат.)

⁷⁹ Цицерон Марк Туллий – оратор, философ и государственный деятель Древнего Рима.

⁸⁰ Третье (лат.)

– Horendum spectaculum!⁸¹ – простонал в заключение магистр Петр, схватившись за голову.

При этих его словах приятели Алезана подняли гиканье и свист, выражая негодование поведением Ива. А наиболее рьяный из них, Готье, подскочил к нему и, теребя за рукав, крикнул:

- Позор! Розог ему!
- Розог!! подхватили школяры, окружив Ива.

Магистр Петр поднял руку:

- Замолчите! Пусть сам провинившийся признается в вине своей. Стань на колени, несчастный, и сознайся в постыдном поступке своем!

Школяры замолчали. Глаза всех, кто был в таверне, с любопытством смотрели на Ива. Он продолжал молча стоять, наклонив голову. Волосы свисали по сторонам его побледневшего от волнения лица.

В эту минуту полной тишины раздался стук деревянных башмаков. Из-за стойки вышла Сюзанна Ее сильные руки с засученными выше локтя рукавами мигом растолкали толпившихся школяров, и, подбоченясь, она стала рядом с Ивом. Вид у нее был воинственный: веселость из глаз исчезла, брови строго нахмурились, чепчик сдвинулся на затылок, и вьющаяся прядь волос упала на лоб.

- Не в чем ему сознаваться, сказала она магистру Петру. И никакого проступка за ним нету. А вы, не разобрав толком этого дела, ни за что ни про что обижаете честного парня!..
  - Замолчи! перебил ее хозяин Не в свое дело суешься!
  - Не замолчу! Он честней их всех!.. Сюзанна кивнула на школяров.
  - Защитница какая нашлась! раздался в ответ насмешливый голос.

⁸¹ Ужасное зрелище! (лат.)

റ

- A, это ты, сир Готье? Ну-ка выйди сюда на минутку. - Сюзанна поманила школяра пальцем. - Покажись-ка всем, каков ты есть.

Готье подошел, приплясывая, с презрительной улыбочкой и, пожимая плечами, развязно оглядывал окружающих.

Сюзанна схватила его за руку, подтащила к магистру и сказала:

– Вот кто украл книгу!

Магистр вытаращил глаза. Его взгляд перебегал с Готье на Сюзанну. Пальцы судорожно перебирали края рукавов.

- Ловко! вскрикнул кто-то за его спиной.
- Ай да школяры!.. Воры! подхватили другие.
- Не может этого быть! с возмущением крикнул Алезан.
- Кому-кому, а тебе помолчать бы! ответила ему с усмешкой Сюзанна.
  - Говори, дрожащим от волнения голосом сказал ей магистр.

Сюзанна рассказала, что Ив сообщил ей после урока на Лугу Школяров о пропаже книги, что она, зная темные делишки приятелей Алезана, стала прислушиваться к их разговорам, что на другой день после пропажи книги сильно подвыпивший Готье хвалился перед своими друзьями, что выгодно продал какую-то книгу.

Хозяин таверны несколько раз пытался прервать Сюзанну, понимая, что эта история может привести к невыгодному для его торговли обороту дела. Но Сюзанна не обращала внимания на его грубые окрики и продолжала говорить, указывая на Готье:

— Вот этот молодчик и выболтал, чья книга и кому он ее продал. Я слышала, как вы, мессир магистр, сказали, что идете к аптекарю, а вернулись вы от него с книгой под мышкой. Когда я подметала вашу комнату, посмотрела книгу, вижу — она самая, книга Ива, я ее раньше разглядывала. Вот все и сошлось, как надо. А теперь, мессир, сами решайте, кто тут вор, а кто честный человек.

В таверне поднялся шум и гам. Школяры отстаивали «честь» своего приятеля, остальные ратовали за Ива. Более рьяные из обоих лагерей засучивали рукава, готовясь вступить в драку. Два кувшина были опрокинуты, и вино текло со стола на пол.

Магистр, в волнении часто мигая глазами, силился перекричать шум:

– Остановитесь, несчастные! Воздержитесь от напрасного кровопролития! Уймите их, иначе я позову стражу!..

Последние слова были обращены к хозяину таверны, его громоподобный голос гремел в пользу Готье. Слова магистра о страже возымели некоторое действие. Голос хозяина смолк, и, хотя шум продолжался, казалось, что стало тихо.

– Остановитесь, наконец! – визгливо выкрикнул магистр и изо всех сил забарабанил кулаками по столу.

Многие умолкли.

Я должен признаться, — сказал магистр, — что доводы, приведенные Сюзанной, говорят в пользу школяра Ива. Мало того: я должен признать, что ошибся в своих догадках в силу коварно сложившихся обстоятельств. Теперь, прозрев, я понял, что школяр Ив благородно не хотел выдавать своих товарищей, а аптекарь просто струсил и утаил, у кого купил книгу, боясь мести этой шайки негодников. И, согласно незыблемому закону священного долга и защиты чести своего высокого звания, я обязан признать свою ошибку и, с одной стороны, принести извинения неправильно обвиненному мною ученику своему, с другой — покарать ученика виновного. Во исполнение сего... — Тут магистр сунул руку за пазуху, вытащил оттуда книгу и протянул ее Иву. — Возвращаю тебе твою книгу, совершившую, к счастью, удачное кругообращение. А тебя, Готье, я освобождаю от обязанности своего ученика, звание которого ты опозорил. Вору не место в рядах учеников моей школы! Ступай и не попадайся больше мне на глаза!

Искренность и взволнованная величавость, с какими были сказаны эти слова, подействовали на присутствующих. Они встретили решение магистра бурным одобрением,

вытолкали за дверь, не без помощи Сюзанны, Готье, Алезана с его приятелями и, окружив магистра и Ива, угощали их вином и пили за их здоровье под гром клятв хозяина таверны, клеймящего позором всех воров на свете...

Ив долго не мог прийти в себя после всего, что произошло в этот вечер. Уйдя в каморку, он разложил листы пергамента для переписки, приготовил письменные принадлежности и сидел, держа в руке перо до тех пор, пока в светильнике не выгорело масло и фитиль начал чадить. Глядя на возвращенную книгу, Ив думал о старом деревенском священнике, трогательно уверенном в божественном начале науки, просвещающей души школяров, и в непогрешимой мудрости парижских магистров. Думал об отце, раньше времени сгорбившемся от работы и нищеты Думал о древнем раскидистом дубе на краю оврага, о тихой, заросшей водяными лилиями Эре, словно остановившейся в своем течении, о птичьем щебете на рассвете...

Проснулся Ив, когда поздно утром, встревоженная его отсутствием, Сюзанна вошла в каморку. Лист пергамента, приготовленный вечером для переписки, был совершенно чист. Гусиное перо лежало на полу.

Глава XI СЛЕПНИ

На следующее утро на урок не пришли ни Алезан, ни его приятели. Среди школяров прошел слух, что после вчерашнего происшествия Алезан решил оставить магистра Петра и поискать другого учителя. Никто не удивился столь обычному для школьной жизни случаю. Переходить от одного магистра к другому по тем или иным причинам было принято даже в лучших церковных и частных школах Парижа, Лана и Реймса⁸².

Магистр Петр с особенной торжественностью, по–латински, вызвал Ива с его книгой, заставил читать, переводить и толковать текст. После чего удостоил особой похвалы:

– Maximae laude dignus discipulus! ⁸³ Лицо магистра сияло: он искупил свою несправедливость.

Доволен был и Ив. Когда он возвращался в город, всё ему казалось замечательным: и кудрявые барашки облаков, и веселый звон колокола аббатства, и певучая трескотня кузнечиков в душистой и сочной траве, и величавый полет ястреба.

Выйдя на Орлеанскую дорогу, Ив очутился меж двух рядов людей и повозок, двигавшихся навстречу друг другу. Как всегда, шумела говорливая толпа, и над ней неслась задорная песня о любви и весне, бродячими жонглерами занесенная с жизнерадостного юга.

У ворот мостового замка пришлось остановиться: гут скопилось множество повозок, загородивших дорогу. Посреди них верхом на тощей лошади с понуро опущенной головой сидел старый рыцарь в ветхой кожаной безрукавке, с длинными ржавыми железными шпорами на истрепанных полубашмаках. Ветер трепал седые волосы его непокрытой головы, борода и усы печально свисали с морщинистого, обожженного солнцем лица. Рядом стоял оруженосец рыцаря, тоже старый и худой, в пестрой от заплат одежде, с ногами, обмотанными по—деревенски лыком. Одной рукой он придерживал на плече длинное копье своего господина, другой опирался на щит с зелеными узорами по краям, а посредине нарисованным красным дроздом с извивающимся червяком в клюве.

Глядя на этого мелкопоместного, а то и вовсе безземельного странствующего рыцаря, на его убогость и молчаливую покорность в ожидании пропуска на мост, на его старую клячу с голой репицей облезлого хвоста, на седло и уздечку без всякой отделки, на выцветшие краски щита, Ив вспомнил своего надменного сеньора дю Крюзье и жестокого барона де

⁸² Лан и Реймс – города в северной Франции, славившиеся В XI-XII веках своими школами.

⁸³ Ученик, достойный высшей похвалы! (лат.)

Понфора с их замками и обширными поместьями, с их дорогими плащами и пышными выездами. Эти мысли вернули Ива к недавнему прошлому. Он снова вспомнил замок Понфор и звонаря Фромона, вспомнил и про оружейника, к которому надо зайти. «Вот сейчас и пойду на другой конец моста», – решил он, пробираясь к воротам замка.

Ив помнил: «У входа с Малого моста на остров, рядом с цирюльней», Так оно и оказалось: почти в самом конце моста, в полукруглой нише дома, — широкое окно с решеткой наверху и двумя ставнями, одним поднятым, другим опущенным вместо прилавка. Рядом — дубовая дверь с железными полосами, перед ней два камня — ступени Над дверью на крюке — ржавая кольчуга. Ив заглянул в окно. В темной лавке никого не было. Прислоненные к стенам, стояли копья и щиты разных размеров и форм. На полках — кольчуги и шлемы. В углу грудой лежали мечи. У окна — деревянная скамья. На краю ее — глиняный кувшинчик, в нем хилая веточка вереска и пучок побелевших васильков.

Ив взялся за кольцо двери и потянул. Дверь, заскрипев, открылась. В глубине лавки тоже приоткрылась дверь, и в нее просунулась голова бородатого человека. Потом он вошел в лавку, высокий, Широкоплечий, в кожаном фартуке, с волосами, обвязанными ремешком, с высоко засученными рукавами рубахи на мускулистых руках.

- Добрый день, парень. С чем пришел?
- Я от звонаря Фромона из замка Понфор.
- − О! Уж не Ив ли ты школяр?
- Да!
- Где ж это ты пропадал до сих пор? Фромон был здесь, спрашивал тебя, говорил, что ты давно должен был зайти ко мне...

Ив напрасно искал оправдания своей забывчивости и не мог найти хоть сколько-нибудь правдоподобного объяснения.

Оружейник укоризненно покачал головой:

– Надо держать свое слово крепко и честно. А Фромон о тебе говорил много хорошего. Рассказал, что он тебя из баронской тюрьмы вывел... Ну, да ладно, пойдем-ка отсюда.

И он повел Ива в соседнее с лавкой помещение. Это была мастерская. Посредине стояла небольшая наковальня с прислоненным к ней молотом, станки точильные с круглыми камнями. На полу были разбросаны железные обрезки, полосы, обручи, кольца. На верстаке – молотки, деревянные и железные, большие ножницы, клещи, бурава, напильники. По стенам, на полках – шлемы. Вдоль стен на ролу – копья и мечи.

У другой стены стоял стол и во всю его длину – скамья. На столе – миска с супом и ломти ржаного хлеба. За столом сидели женщина и мальчик –подросток. Когда оружейник с Ивом вошли, они обернулись на мгновение и снова Принялись за еду.

– Садись, – сказал оружейник. – Мадлена, налей ему супа.

Ив сел к столу. Женщина была жена Симона, а мальчик – его ученик, по имени Эрно, племянник Фромона, который и приходил навестить его.

Суп был съеден. Симона вызвали в лавку, а его жена, ласково проведя рукой по голове Ива, спросила, сыт ли он, а затем принялась убирать со стола. Ив разговорился с Эрно.

Тот рассказал, что он, сирота, был отдан своим дядюшкой Фромоном на срок в обучение к Симону. Что, как и все ученики других мастеров, живет тут в семье оружейника Работы много, с утра и до позднего вечера. Если он будет хорошо работать, то через год станет подмастерьем, и тогда ему начнут платить денег столько, сколько определят старшины цеха оружейников. И он будет обязан работать толь—ко на одного своего хозяина—мастера и только в его доме. Эрно повезло: Симон был человеком добрым, ие кричал и не дрался из-за малейшей провинности. А ведь большинство мастеров пьяницы и злые, так бьют своих учеников и подмастерьев, что проламывают им головы. В цехах очень часто разбираются дела о побоях, но от этого не легче пострадавшим: старшины тоже мастера—хозяева и не наказывают за рукоприкладство, которым и сами занимаются. Симон совсем не такой, недаром он друг дядюшки Фромона.

Иву понравился Эрно, его веселые большие глаза, понравилось, как он хорошо говорил про своего мастера и про своего дядюшку, с которым Ива связали случайные узы дружеской признательности.

Когда Эрно стал показывать Иву копья и мечи своей работы и водил по мастерской, он ткнул ногой в крышку люка в полу, сказав, что под ней лестница к дверце, выходящей прямо на реку. Туда подходят лодки заказчиков оружия, в них его грузят и развозят по реке куда надо.

Ив рассказал Симону, где его можно найти, и попросил Эрно, если придет дядюшка Фромон, тотчас же бежать за ним.

– Ты и без Фромона заходи к нам. – сказал оружейник, дружелюбно похлопав Ива по плечу.

Приветливость обитателей оружейной мастерской, все слова, ими сказанные, произвели на Ива необычайно приятное впечатление. И, возвращаясь в таверну, он поймал себя на мысли, что хорошо бы поскорей еще раз пойти повидаться с Эрно и его хозяевами, хорошими людьми, от разговора с которыми и на душе у него стало хорошо и не так одиноко.

Придя в таверну, он отказался от обеда и принялся за переписывание. Но работалось плохо: досаждали тревожные мысли. Что заставило Фромона разыскивать его? А не встретит ли он барона де Понфора или кого-нибудь из замка, когда пойдет относить переписанное в монастырь? А что, если отец Иннокентий узнает, что он бежал из замка Понфор? Надо скорей решить, как поступить в том или ином случае. С кем бы посоветоваться обо всем этом? Вот если бы пришел Фромон!

Ив ушел из таверны в конце дня, не переписав и половины заданного себе урока. Он вышел на мост. Вечер был жаркий и безветренный. Откуда-то близко из-под моста неслись пьяные голоса, горланившие песню. Ив узнал ее исполнителей — Алезана и его приятелей. А песня была та самая, посвященная ими магистру Петру. Нетрудно было догадаться, что школяры сидят в лодке, привязанной к бревну мостового устоя, и что там они изрядно угостились вином.

Охота тебе слушать этих подлецов! – раздался за спиной Ива голос магистра Петра. – Пойдем отсюда.

После истории с кражей книги магистр Петр стал особенно приветлив с Ивом, их ежевечерняя прогулка стала обычной. Обычным стало и ее место: по Лугу Школяров, вдоль берега Сены, мимо городских печей, мимо мельниц, вдоль виноградников к ветлам, тесно

ставшим у самой воды, в прохладную тишину зелени и реки. Там они садились на низко пригнувшуюся к воде толстую ветку старой ветлы, смотрели на стрекоз, скользящих над самой водой, на отражения розовеющих облаков, на всплески играющей рыбы.

В этот вечер на мосту их настигло стадо коров, идущих на водопой, и вместе с ним они медленно двигались к мостовому замку. Коровы шли лениво, то и дело останавливаясь, чтобы смахнуть назойливого слепня. Магистр Петр положил руку на костлявый крестец пегой коровы, не проявившей по этому поводу ни малейшего недовольства. Ив шел рядом с ним.

Они говорили об острове Сите, центре Парижа, куда Ив до сих пор не удосужился пойти, в чем и признался сейчас магистру.

— Не сокрушайся, мой друг, — сказал магистр, — Сите — это место нелепой человеческой суеты, которая вызвана стяжательством богачей, интригами придворной знати и заумной витиеватостью лжефилософов—клириков. Нравы нашего Малого моста со всеми их недостатками кажутся мне совершенством в сравнении с разнузданным беспутством обитателей Сите.

Магистр говорил, барабаня пальцами по спине коровы, совсем так, как барабанил по своему столику во время урока. Он говорил о клириках, среди которых немало совсем молодых магистров—выскочек. О них кто-то остроумно сказал, что они «внезапно превращаются в величайших философов, потратив на свое учение не более времени, чем надо цыпленку, чтобы опериться». Благодаря им Париж, этот «обетованный для столь многих Иерусалим», средоточие школьной жизни и философской мысли страны, превращается «от их болтовни в пеструю ярмарку шутовства».

Глазки магистра сверкали, червячки бровей то вздергивались вверх, то сползали к переносице, и надувались ноздри его утиного носа.

Досталось и властям, особенно королевскому превоту, именем короля ведающему гражданским и уголовным судом, управляющему королевским казначейством, блюстителю порядка.

– Есть еще, – говорил магистр, – превот купеческий. У этого в руках городская казна, досмотр за общественными зданиями, за охраной вольностей торговцев. Он во главе всех купцов. И оба они ведут себя вот так, как эти негодные насекомые, – закончил свою речь магистр, хлопнув ладонью слепня, впившегося в спину коровы.

Вместе со стадом магистр и Ив вышли за ворота замка на Луг Школяров и по нему – на берег реки. Увидев караван торговых судов, тянувшийся к Большому мосту, магистр Петр снова обрушился на «именитых» обитателей Сите.

Стадо вышло на широкую песчаную отмель. Тут слепни роем облепили корову, поспешившую к воде. Магистр Петр в пылу риторических изощрений своей гневной речи не заметил, как вслед за коровой сам очутился по колено в воде, и не слышал, как Ив кричал ему и тянул за намокшую полу одежды.

Глава XII ЧТО ПРОИЗОШЛО В ЗАМКЕ ПОНФОР

Закончив переписывание рукописей, Ив принес их в монастырь. Он решился спросить у вратаря, живет ли еще здесь барон де Понфор. Монах ответил, что барон не так давно покинул монастырь, исполнив, как полагается, обряд покаяния.

- А зачем тебе барон? прошамкал вратарь, возясь с замком калитки.
- Я к отцу Иннокентию. Принес ему свитки, поспешил сказать Ив, будто не слышал вопроса, и быстро пошел по дорожке к скрипторию.

Отец Иннокентий похвалил работу школяра, хотя и ваметил, что некоторые буквы сделаны робко, в их завитках чувствуется дрожание неопытной руки и что чернила не всюду разведены одинаково.

– Дело это, – сказал он, – приличествует более нашим затворникам, предающимся

духовному совершенствованию вдали от суеты мирской, в тишине монастырских келий. Не подумай, однако, сын мой, что я отговариваю гебя от этого богоугодного искусства. Напротив, я вижу, что ты можешь преуспеть в этом деле. И если к нему присовокупишь искусство церковного пения и чтения да к тому же встанешь на стезю спасения души своей, то многого достигнешь в жизни. Дней через десять приходи ко мне опять, я приготовлю тебе что-нибудь для переписывания.

Получив от отца Иннокентия вместе с благословением пригоршню су, Ив остался доволен. Его работа была принята, карманы туго набиты монетами, он не встретился с рыцарем Ожье, тревожная мысль о котором не покидала его все эти дни.

В монастырском саду толпа школяров обступила увитый плющом дуб. Под ним, на скамье, сидел отец Флорентин и рассказывал что-то своим ученикам. Они перебивали его шутливыми возгласами. Ив услыхал, как монах ответил одному из них:

— Вот ты спрашиваешь, зачем я высек тебя ро—розгой. Для того, чтобы вселить в тебя ува—важение ко мне, твоему учителю и на—наставнику, чтобы ты по—повиновался мне беспре—прекословно. А знаешь ли ты, недодостойный ленивец и непо—покорный сорванец, что, когда сам наш го—господь Иисус стал хо—ходить мальчиком в школу и хо—хотел объяснить значение первой буквы алеф ⁸⁴, учитель высек его розгой за пре—преждевременное знание? Об этом до сих пор поют наши тру—труверы…

Выйдя из монастыря на луг, Ив очутился в шумной толпе парижских школяров, возвращавшихся с прогулок и наперебой с жаром и смехом похвалявшихся дракой, учиненной ими с монахами аббатства Святого Германа. Монахи, как обычно, прогоняли школяров с луга, утверждая, что он принадлежит аббатству, а школяры уверяли, что луг принадлежит им, что и видно из его названия. Монахи бросились ловить школяров, а те, схватив комья земли и камни, закидали ими преподобных отцов бенедиктинцев, пустившихся наутек.

- Один из них хотел прыгнуть через куст, да зацепился за него рясой, а под рясой у них ничего не надето, я и запустил в него комом земли, хвалился школяр.
- А я камнем одному в пузо попал. Он скорчился и пополз на четвереньках в канаву да прямо в крапиву носом!
  - O! O! O!.. A! A! A!..

Так хохоча, шли школяры по лугу. Подойдя ближе к реке, часть из них разошлась по берегу, кто побежал к лодкам, кто остался сидеть под ветлами, где тотчас появились кувшины с вином, а с ними и песни.

Густая листва вётел была пронизана золотыми лучами заходящего солнца. Отблеск его горел на башне мостового замка. Высоко над ней мчались из стороны в сторону стрижи. Колокола Парижа призывали к вечерне.

От потускневшего восточного края неба, из-за далеких холмов на леса, на поля, на деревни наползала синяя дымка сумерек.

Иву надо было спешить, чтобы успеть зайти в таверну перекусить и скорей к аптекарю, а то не откроет двери. И он побежал к Малому мосту, прыгая через канавы.

Солнце уже зашло, когда Ив подбежал к двери аптекаря. На стук старик, как обычно, сперва выглянул в окно, затем долго отпирал дверь, кряхтя, поднимался по лестнице, держа в руке зажженный светильник. На площадке он остановился и, тяжело переводя дыхание, сказал:

- Прибегал какой-то мальчишка, спрашивал тебя...
- Черноватый такой? перебил его Ив.
- Не все ли равно? Тебе нечего сюда приваживать разных проходимцев. Еще воришка какой-нибудь!..
  - Никакой не воришка! Это ученик оружейника!

⁸⁴ Алеф – первая буква древнееврейского алфавита.

- Стой! Куда ты? крикнул аптекарь, ухватив за шиворот Ива, метнувшегося было вниз по лестнице.
  - Пустите меня! Мне надо скорей бежать!
  - Ты сумасшедший! Темно. Стража схватит. Мне придется за тебя отвечать превоту!
  - Пустите! Я сам отвечать буду!
  - Вздор мелешь! Отдавай-ка деньги, что ты мне должен за ночлег, иначе не пущу!
  - Нате! Нате!..

Ив вывернул карманы. Медные и железные монеты посыпались на пол. Ив бросился вниз к выходной двери.

– Оставайся на улице: ночью не открою! – крикнул ему вслед старик.

Отпирая дверь, Ив обернулся и увидел аптекаря, ползавшего по площадке. Трясущимися руками он шарил по полу, сгребая деньги. Огонек светильника, стоявшего на полу, дрожал, и вместе с ним дрожала на стене уродливая, похожая на огромного паука тень сира Амброзиуса.

Опрометью побежал Ив по опустевшему мосту до лавки оружейника и изо всех сил забарабанил кулаками в запертую дверь — ведь каждую минуту могли появиться ночные караульщики и увести его в мостовой замок.

Дверь открыл Симон, сказал: «Идем скорей!» – и повел Ива в комнату за лавкой. Там за столом сидели жена оружейника, Эрно и Фромон. На Фромоне не было его обычной монашеской одежды, отчего он казался чужим и необычным. Он быстро поднялся из-за стола и, прищуриваясь, пошел навстречу Иву. Радостно поблескивала в глазах веселая хитринка. Он положил руки на плечи школяра:

– Вот наконец и наш философ!

Усадив Ива рядом с собой и расспросив его о житье, он начал рассказывать о замке Понфор и его обитателях. Рассказ его был скорбный и страшный и не раз прерывался то словами негодования оружейника, то жалостливыми возгласами его жены. Ив слушал не отрываясь.

Фромон рассказывал, что после исчезновения Ива рыцарь Рамбер впал в полнейшее отчаяние. Однако барон долго не посылал за ним, и казалось, что он, захмелев, позабыл о своей затее с вилланом Черного Рыцаря. Выждав некоторое время, рыцарь Рамбер пошел в зал пиршества, где сел в темный угол, подальше от почетного стола. Фромон пошел за ним, решив, если понадобится, удостоверить колдовское существо исчезнувшего школяра.

- Почему колдовское? удивился Ив.
- Я сказал рыцарю Рамберу, что ты вызвал бесов, они тебя и унесли из подвала.
- Молодец! воскликнул оружейник. А на самом-то деле, как тебе удалось вывести парня?
- А на самом деле все было простей простого. Когда его вели в подвал, я как раз очутился на верхнем дворе. Вижу и маршал тут. Ну, думаю, надо малого выручать. Когда дозорщик повел Ива вниз, маршал мне и говорит: «Ключ отнесешь сенешалу», а сам ушел. Дозорщик вернулся. Я задвинул засов и покрепче закрыл замок (у него дужка тугая), но на ключ не запер и отнес ключ сенешалу. А скоро моя хитрость мне и пригодилась. Вот вам и все. Остальное пусть тебе Ив сам расскажет.
- Сработано ловко! Оружейник обнял за плечи Фромона и ласково прижал его к себе.
   Гляди, парень, на этого человека и учись сам быть таким!
  - Да, без него погиб бы ты, голубчик, прибавила его жена.

Оказалось, что барон действительно был пьян, но на настолько, чтобы не вспомнить о школяре. Мало того: он разглядел своего маршала в темном углу и, вспыхнув гневом, закричал: «Что прячешься, старый вонючий пес?» – и, схватив кусок мяса, со всего размаху бросил его в рыцаря Рамбера. Мясо просвистело над головой старика и угодило в стену. «Эй, кто там! – крикнул барон. – Приведите-ка его ко мне!» Четверо слуг тотчас набросились на Клеща и приволокли его, трясущегося ог ужаса. Старик упал на колени. Плача, он бормотал что-то несвязное. «Встань, чертово подхвостье! – крикнул барон и, вскочив, пнул его ногой

-Где виллан из подвала?» Рыцарь Рамбер попытался объяснить барону, что виллана унесли бесы, но тот не слушал его. Фромону не пришлось прийти на помощь старику: барон был настолько зол, что слова не давал сказать, и, вызвав сенешала, приказал ему тотчас выгнать из замка рыцаря Рамбера вместе с его дочерью. Гости, не понимая, чем вызван этот гнев, недоуменно молчали. И, только когда барон, прокричав свое распоряжение, опустился на скамью, его родственница дотронулась до руки его и сказала, что не знает причины его гнева, но, однако, просит смягчить позорное наказание и не брать на себя тяжкого греха оскорбления престарелого рыцаря и благородной девицы, о чем весть разнесется по округе и, дойдя до врагов рыцаря Ожье, послужит им удобным поводом для всяческой грязной клеветы. Как ни был барон пьян и взбешен, уговоры эти возымели действие, и он приказал дать рыцарю Рамберу повозку, а дочери его мула. «Сам выберу!» — крикнул он и, пошатываясь, вышел из зала, опираясь на плечо экюйе.

Фромон рассказывал, что зрелище это было жалкое. Опустив голову, ни на кого не глядя, брел Клещ, держась аа край повозки с наваленными на нее узлами и корзинами. На них сидела и плакала Урсула. Лошадь для повозки барон постарался выбрать постарше и похуже. Когда-то белая, она вся была усеяна коричневыми крапинами, спина провалилась, передние ноги кривые. А уж до чего было жаль его дочки! На старом, понуром муле, медленно шагавшем впереди повозки, сидела она, опустив на лицо вуаль. Как ни ненавидели Клеща слуги и работники, а тут со всего вамка сбежались посмотреть, и никто не проронил ни слова. Все тихо стояли у главных ворот, и Фромон видел, как некоторые женщины вытирали рукавом глаза, глядя на Эрменегильду и на горбунью кормилицу. Молча и проводили их. А Фромону надо было звонить к заутрене. Так они и покинули замок под звон колокола, будто погребальное шествие...

Фромон замолчал. Молчали и слушатели. Глубоко вздохнула жена оружейника.

- Да–а, сказал Симон.
- Куда же они пошли? спросил Ив.
- Урсула говорила мне, ответил Фромон, что в поместье рыцаря Рамбера, а вот куда, я и позабыл. Да куда-то, помнится, на юг, к Орлеану, что ли... А на следующий День барон признавался брату Кандиду, что поступил так «милостиво» с маршалом, чтобы не усугублять грехов своих перед поединком. А коня ему все-таки не дал!..
  - Вот мошенник! сказал Симон. А с кем поединок-то?
  - С рыцарем Рено дю Крюзье.

И Фромон рассказал, что дю Крюзье, оскорбленный вызовом де Понфора, нажаловался королю да еще насплетничал о том, что барон поддерживает Бушара де Монморанси в его распре с аббатством Святого Дионисия. А Людовик Толстый ненавидит Монморанси. Себя же считает защитником церкви и всякого порядка. В аббатстве похоронены все франкские короли, значит, и за их честь он обязан вступиться. Вот он и разрешил поединок вопреки правилам, что после июля месяца все турниры и поединки запрещаются. На то он и король! А будут драться скоро, неподалеку от Дурдана, на следующий день после праздника вознесения пресвятой девы Марии.

Фромон прибавил, что он отпросился у брага Кандида пойти посмотреть на поединок. Деревня, откуда Ив, недалеко от тех мест. Зная, что скоро парижские школы распустят учеников на вакации, он и хочет предложить Иву пойти вместе с ним поглядеть на поединок, а кстати, и навестить Своего отца. До Дурдана ходу один день, а там народ скажет, где место поединка.

— Я знаю, где будет поединок! — воскликнул Ив. — Сейчас, сейчас! Вспомню!.. «На перекрестке дорог из Парижа в Шартр и из Дурдана в Этамп, у развалин храма»!..

По тому волнению, с каким Ив произнес это, по блеску глаз, ожививших его лицо, всем стало совершенно ясно, что он и отпросится у магистра, и пойдет вместе с Фромоном.

- А что сталось с жонглером Госеленом? спросил он.
- O! Этот прижился крепко: его барон взял к себе в менестрели. Живет-поживает лучше всех, утешает барона своими песнями-сказками, забавляет прыжками сквозь обручи.

До праздника вознесения пресвятой девы Марии оставалось три дня. Фромон сказал, что пускаться в путь следует как можно скорей, чтобы не быть застигнутыми в дороге бароном и его многочисленной свитой, которые должны выехать из замка за два дня до поединка. Фромон попросил Симона отпустить с ним и племянника, Эрно.

Все это быстро сладили. Иву возвращаться к аптекарю было поздно, и его оставили ночевать у Симона.

На следующий день магистр Петр охотно отпустил Ива и даже снабдил небольшим количеством денег на дорогу с прибавлением поклонов и лучших пожеланий отцу Гугону и обещания сохранить за Ивом право на ночлег у аптекаря. Сю занна позаботилась собрать мешок, туго набить его хлебом, свиным салом и даже ухитрилась сунуть туда кувшин с «гренадским», А на прощание крепко поцеловала Ива прямо в губы и почему-то заплакала. Хозяин таверны поклялся не увидеть февраля месяца, если не устроит знатный пир, когда Ив благополучно вернется в «Железную лошадь», Словом, решительно все уладилось как нельзя лучше, и Фромон, Ив и Эрно, каждый с мешком за плечами, пошли по Орлеанской дороге прохладным августовским утром. Дым от печей хлебопеков стлался над рекой, сливаясь с туманом. Перекликались петухи. Все трое были в отличном настроении, шутили, смеялись, и, когда Фромон затянул песню, Ив и Эрно подхватили ее.

Эрно оказался озорником. Он то и дело подшучивал над своим дядюшкой, уверяя, что тот всё подергивает плечом потому, что мешок, собранный Сюзанной, жжет ему спину: ведь в нем кувшин с вином.

Фромон и не думал обижаться и опровергать замечания своего племянника и даже сказал, что действительно подумывает устроить скоро привал для подкрепления сил и испробовать содержимое кувшина – как бы оно не скисло.

Ив радовался всему – розовому туману над рекой, безоблачному небу, веселому полету ласточек, запаху трав и белоногой мышке, юркнувшей в стерню придорожного поля. А больше всего радовался тому, что идет в родную деревню, увидит отца и что идет с такими хорошими, близкими ему людьми.

Дорога то приближалась к реке, то уходила от нее, петляла между холмами, вилась полями, заходила в деревушки, пряталась от зноя в лес и, выйдя оттуда, снова устремлялась к реке поближе к прохладной тени стоявших у воды густых вётел. Придорожная трава была умыта обильной росой. Дорога не пылила под ногами. Свежий воздух был прозрачен, и далеко было видно во все стороны. Пустынно было в этот ранний час и на реке и на дороге. Не скоро стали появляться встречные повозки, навьюченные ослы, стада коров, овец, свиней; крестьяне, монахи, купцы, паломники — обычный людской поток этих мест.

С полей доносились песни работавших. До полудня было еще далеко, но солнце уже сильно припекало. Дорога просохла. Скот и повозки поднимали пыль Когда дорога привела Ива и его спутников на вершину холма, они увидели вдали за собой высокие зеленые холмы правобережья Сены у Парижа и отблески солнца на флюгерах его башен. Впереди, в буйной зелени долины, у подножия холма блестела Бьевра — приток Сены с устьем, густо заросшим тростником. За рекой далеко тянулась цепь холмов, куда уходила дорога.

Фромон показал на реку.

– Лучшего места не найдешь! – воскликнул он. – Вперед, парни! – и, потешно семеня худыми ногами, помчался вниз.

Сбежав с холма к реке, они выбрали затененное тростником место, расположились на зеленом ковре, откуда были видны склоны холма, небо и сизо—зеленая стена тростниковых стеблей. От них тянуло прохладой и пряным запахом аира. Фромон со всей подобающей случаю торжественностью освободил от воска горлышко кувшина и воскликнул:

– Испробуем, дети мои, этот благословенный господом напиток, и да возвеселится сердце наше!

Выпив вина, Фромон согласился, что оно такое же «гренадское», как он святой отец папа. Однако еще несколько раз прикладывался к кувшину и запел песню про какую-то веселую монашку. Затем растянулся на траве и уснул. А Ив и Эрно пошли купаться.

Полноводная, с сильным течением Бьевра намыла песчаные отмели. Недалеко от устья, на каменных устоях, сооруженных в древности римлянами, был уложен деревянный настил. По этому мосту после отдыха и отправились дальше Ив и его спутники.

На этот раз переход был продолжительным и тяжелым из-за крутых подъемов и сильной жары. К полудню дорога увела от Сены на юг. Скрыться от зноя помогла дубовая роща. Огромные деревья раскинули зеленые шатры. Полумрак, прохлада, тишина, густые папоротники, пушистый ковер мха — все располагало к отдыху.

- O! Не сберегли «гренадского»! – скорбно простонал Фромон и, бросившись на землю, тотчас же уснул.

Уснул и Эрно.

Ив лежал на спине, закинув руки под голову. Он и сам испытывал непреодолимое желание уснуть. После первого привала они шли, ни разу не присаживаясь. Даже вйна придорожных таверн не соблазнили Фромона. Он торопил, не позволяя останавливаться в деревнях. Боялся, наверно, как бы не догнали люди барона де Понфора. «А вот сейчас уснуть не побоялся, — думал Ив. — Мне спать нельзя, а то проспим до завтра, избави бог!» И, несмотря на эти благоразумные размышления, он уснул. Во сне он увидел себя и Госелена. Вот идут они по лесу. Вот и поляна с сожженным молнией деревом. И кто-то трубит в рог, все ближе и ближе. «Вставай скорей! Вставай!!» — кричит Госелен. Но, приглядываясь к его лицу, Ив видит, что это вовсе не Госелен, а Фромон. Он кричит и теребит Ива за рукав. Ив просыпается окончательно. Возле него сидят Фромон и Эрно с мешками за плечами.

– Ишь разоспался! – сердито говорит Фромон. – Идем скорей. Хорошо, охотники какие-то промчались и в рог трубили. Скоро вечер. Видишь?

Ив вскочил. Отблески солнца в ветвях дубов порозовели. Надо торопиться, чтобы засветло добраться до поворота на Шартр. Оттуда уже близко и до места.

Выйдя из рощи, Ив почувствовал любимый с детства предвечерний, какой-то особенно острый запах полей и пыльной дороги. Солнце стояло еще высоко, но стало расплывчатым, червонно—золотым. Вдали, под холмом, на глади неширокой реки неподвижно стояли две рыбачьи лодки. Эго была та самая Орж, приток Сены, на берегу которой в одной из придорожных таверн Ив встретил жонглера Госелена, идя в Париж. Деревень было несколько. Одна возле другой, они спускались к самой реке, раздвигая прибрежные тополи и тростниковые заросли. Вода, тихая и темная, заросшая к берегам кувшинками, отражала сложенные из дикого камня приземистые лачуги с нахлобученными шапками замшелых соломенных крыш. Иву вспомнилось, как не хотелось ему тогда уходить от этой реки, напоминавшей родную Эру. Деревушки были так похожи однч на другую, что Ив не мог узнать ту, в которой он тогда был. Некоторое время они шли по берегу реки, потом свернули от нее к повороту на Шартр.

Шли до самых сумерек, тихого вечера, спустившегося на опустелую дорогу, умолкнувшие поля. Слышно было только стрекотание цикад. Наконец вдали, на еще светлом небе, выросли холмы и на них — резкие очертания башен церкви и древнего замка.

– Вот он, Дурдан, – сказал Фромон и, указав на деревушку недалеко от дороги, прибавил: – Пойдем туда, попросимся на ночлег.

Глава XIII ПОЕДИНОК

Переночевали в сараичике на охапках свежего сена, принесенного хозяином двора.

– Если бы мне сказали, что в раю спят на таком же мягком и душистом сене и под такой добротной крышей, то клянусь святым Дионисием, лучшего рая мне и не надо, – говорил Фромон, укладываясь на ночлег после сала с хлебом, запитых крестьянским винцом, оказавшимся в погребе.

Фромон был предусмотрителен и на следующее утро строго—настрого запретил Иву выходить из деревни и обязал Эрно не пускать школяра ни на дорогу, ни в поле до тех пор,

пока сам он все не разузнает и не высмотрит. «Приду, расскажу, тогда и пойдете». И с этими словами он ушел.

Иву очень хотелось поскорее разыскать перекресток дорог и развалины храма, где будет поединок, но ослушаться Фромона и подвести Эрно нечестно. Надо терпеть.

Фромон долго не возвращался.

Ив и Эрно успели натаскать из речки воды в колоду, из которой хозяин поил корову и осла, подмести двор, налить воды курам и покормить их крошками хлеба, вытрясенными из мешка Сюзанны. Успели полюбоваться, как стрижи, мчась, ловят мошек у самой воды и как сосед-крестьянин, стоя по пояс в реке, ставит в воду корзину-ловушку из тростника с жерлом воронкой – рыба войдет, а выйти не сможет.

Наконец вернулся Фромон под сильным хмельком, сказал, что встретил земляка, с которым «разговорился» в таверне. Прищурясь, он сказал Иву:

— Пока что, мой дружок, тебе посидеть бы здесь. Был я у того перекрестка. Народу там еще мало, всё больше слуги рыцарские. Завтра праздник большой и канун поединка. Вот тут-то людей понайдет, понаедет пропасть, тогда и пойдешь — в толпе что в лесу. А сегодня уж потерпи, вернее будет. — И, подмигнув Иву, похлопал его по плечу.

Эрно ушел один.

Потом рассказывал, что видел, как на большом лугу сколачивают помост, обносят его высоким глухим забором, а внутри ставят колья для перил загородки, отделяющей помост от места для поединка.

Ив спал плохо эту ночь. Виделось что-то страшное, а что, толком не разберешь. Просыпался то и дело, лежал с открытыми глазами. Видел светлую полосу лунного света над дверью. В сарайчике было душно.

Фромон ворочался, бормоча что-то. Потом свет над дверью потух, и по крыше застучало сперва редко, потом чаще — пошел дождь. Под этот однообразный, скучный стук Ив уснул.

Разбудил петух, который добросовестно перекликался со своими деревенскими собратьями. Солнечный луч светил прямо в глаза через щель над дверью. Ив растолкал Эрно и знаками, чтобы не разбудить Фромона, дал понять, что пора вставать и пойти выкупаться. Побежали на реку. Ив плавал хорошо, а Эрно неуклюже барахтался, шлепая по воде руками и ногами, громко отдувался и отплевывался. Студеная вода заставила поскорее выбраться на берег, высушиться на солнце.

– Мне дядя Фромон дал денег, – сказал Эрно, – пойдем к хозяину, попросим молока.

Кружка парного молока и кусок ячменного хлеба показались великолепными.

Колокольный перезвон дурданских церквей, шумный говор на улице деревни напоминали о праздничном дне.

– Веди скорей к перекрестку! – сказал Ив.

Он и сам бы нашел дорогу: все крестьяне, вышедшие из деревни, направлялись вереницей по одной тропинке на небольшой холм. Оттуда был виден перекресток дорог, а немного подальше — развалины языческого храма: нагромождение бурых камней, веками разваленных и вдавленных в землю, переплетенных плющом и жимолостью, окруженных густой порослью орешника — свидетельство рухнувшего могущества древних завоевателей.

Обе большие дороги, узкие проселки и извилистые тропинки пестрели толпами людей, двигавшимися туда, где вокруг приготовленной к поединку утоптанной квадратной площадки разместился целый поселок из палаток. За ними, на лугу, стояли повозки с кладью, паслись лошади, мулы, ослы, дымились костры, толпились и сновали взад и вперед люди. Подходившие из города и деревень постепенно заполняли всю широкую полосу луга между площадкой и развалинами римского храма.

Ив и Эрно смешались с толпой крестьян и с нею медленно двигались вперед. Два деревенских парня, затянувшие было веселую песню, умолкли, завидя толпу знатных горожан, бородатых, чинно расхаживающих вдоль ряда наскоро сколоченных прилавков и надменно посматривающих на жаренное на вертеле мясо, пироги с луком, соленую рыбу, на

бочки с медом и корзины с печеными яблоками.

- Пойдем купим? предложил Эрно.
- Подожди, успеем, ответил Ив.

Ему не хотелось подходить туда, где толпа была значительно реже. Надо было хорошенько осмотреться: глупо из-за печеного яблока попасться на глаза кому-либо из замка Понфор.

— Смотри, вон там! — поспешил он отвлечь внимание Эрно от соблазнительных яств и потащил его за руку к кучке зевак.

Они глазели на человека в одежде из мелких пестрых лоскутьев с блестками поддельных камней и в уродливой маске. Коверкая слова и заикаясь, он размахивает руками, важно объявляя зрителям, что обладает способностью предсказывать будущее, пускать кровь кошкам и ставить банки быкам, изготовлять крепкие уздечки для коров и прочнейшие шлемы для зайцев. Что он играет на всех музыкальных инструментах, включая метлу, сочиняет фаблио, сирвенты и пастурели и знает наизусть сто историй про королей и именитых рыцарей. Не говоря уж о том, что он не превзойден ни одним из жонглеров севера и юга в искусстве пляски на канате. Все это говорилось скороговоркой со смешной путаницей слов, где выражения, пародирующие высокопарную речь ученых, переплетались с непристойными простонародными словечками. Среди зрителей раздавались взрывы смеха и возгласы одобрения. Всё кончилось тем, что веселый жонглер объявил, что он с величайшим удовольствием доказал бы на деле почтеннейшим зрителям, на что он способен, но, увидев только что «вон там симпатичное лицо мессира королевского превота города Дурдана», он считает уместным воздержаться от показа своих талантов, тем самым не злоупотребляя дольше терпением почтеннейших зрителей. С этими словами он сорвал с лица маску и, перевернув ее носом вниз, протянул зрителям и стал обходить их круг. В маску щедро посыпались монетки.

— Пойдем посмотрим помост и как всё там убрано, — предложил Ив. — А потом вернемся за пирогами и яблоками, — добавил он, заметив недовольство на лице Эрно.

Самого помоста не было видно за забором, окружавшим всю площадку, а близко к въездным воротам не пускали, там устанавливали два высоких шеста. Обходя забор кругом, Ив заметил в доске широкий глазок от сучка и прижался к нему лицом.

- Как раз против помоста! Надо только заметить место и прийти завтра пораньше. Тебя-то люди барона пропустят с дядей Фромоном, а мне нельзя, я отсюда буду смотреть.
  - И я с тобой!

Как ни уверял Ив, что Фромон обидится и что отсюда мало что будет видно, Эрно упрямо стоял на своем.

У съестных прилавков оказалась целая толпа.

- Тем лучше! воскликнул Эрно.
- И, работая головой и локтями, мало обращая внимания на ругань и пинки толстобрюхих горожан, он пробился к прилавкам и через минуту вернулся, держа в руках два куска жареного мяса и два пирога, а в шляпе десяток печеных яблок.
  - Пируем! крикнул он Иву.

Отойди подальше, они устроились под развесистой липой и с удовольствием принялись за уничтожение изделий дурданских кулинаров.

- «Эх, нет гренадского!», как воскликнул бы дядюшка Фромон, - сказал Эрно, смачно жуя мясо.

Они не были одиноки в своем занятии: вокруг, под всеми ближними и дальними деревьями, сидели люди, ели, пили вино, пели песни, перекликались, громко смеялись.

Вот там, под густым вязом, сидело семейство горожан с детьми. Взрослые степенно попивали вино и закусывали, а дети кувыркались по траве, гонялись друг за другом, играли в чехарду. В другой стороне, у кряжистого дуба, расположились игроки в кости. Слышался стук костей о доску, брань, переходившая в потасовку. Игроки дрались, катались по траве.

Глядя на двух толстых краснощеких монахов, полулежавших в тени густого орешника

и благодушно потягивавших винцо, Ив вспомнил латинскую фразу из библии: «Vinum et musica lactificant cor»⁸⁵.

Было уже за полдень, когда Ив и Эрно, окончив свою трапезу, вздремнули под благодатной тенью липы.

Проснулись они от шума голосов и рукоплесканий. Толпа приветствовала взобравшегося на бочку еще одного жонглера. Этот был с виолой за спиной и венком из полевых цветов на голове. Он медленно разводил руками, наклонял голову то в одну, то в другую сторону и выводил трели, подражая соловью. Не меньшее одобрение вызвало и его ловкое перебрасывание трех яблок и трех ножей. Он ловил яблоки на острие ножей. Крестьяне, горожане, женщины, старики, дети, даже черные монахи выражали единодушный восторг ловкостью жонглера. Ив и Эрно присоединились к ним.

Жонглер спрыгивал с бочки и обходил толпу, собирая деньги, и, снова вспрыгнув йа бочку, повторял свое лицедейство.

Все так увлеклись занимательным зрелищем, что не заметили, как из-за холма выползла сизая туча, погнала пыль по дорогам. Столб пыли взвихрился на приготовленной к поединку площадке. Когда наконец туча застила солнце и дохнула так, что сорвала с голов шляпы, которые понеслись по воздуху, как стая спугнутых ворон, а за ними следом полетела чья-то палатка, кто-то крикнул: «Спасайся кто может!»

Толпа бросилась в разные стороны. Вопли испуганных женщин, крики детей, тревожное ржание лошадей слились о первым раскатом грома.

Пробегая мимо ворот площадки, Ив заметил, что на верху высоких шестов прибито изображение желтого леопарда, поднявшего лапу на голубом фоне, — герб барона де Понфора, и черная медвежья лапа на серебряном фоне — герб дю Крюзье.

Фромон вернулся поздно, принеся целый ворох слухов и сплетен. Когда началась гроза, он укрылся в одной из палаток баронского обоза, где оказался брат Кандид, который должен завтра перед поединком принять исповедь барона и причастить его. Капеллан рассказал, что, когда налетела туча, рыцарь Ожье помрачнел, сочтя это дурным предзнаменованием, и приказал отслужить вечерню у себя в палатке. Один из слуг говорил, что барон подслушал разговор черных монахов. Они говорили, что внезапная перемена погоды плохой признак. Недаром, мол, церковь восстает против поединков и турниров. Ходит слух о скором запрещении их святым престолом⁸⁶. А какая-то старуха кричала и клялась всеми святыми, что видела двух бесов, крутившихся над палаткой барона. Правда, когда ее схватили, она оказалась пьяной и созналась, что ее подпоил кто-то из людей Черного Рыцаря. Барон приказал высечь ее на виду у всех перед палаткой дю Крюзье. Рыцарь Ожье был мрачнее налетевшей тучи и велел никого не пускать к себе в палатку.

Ни ночью, ни на следующее утро дождя не было, ветра тоже, но день был хмурый. Восточная сторона неба затянулась серой мглой, и солнце вставало кроваво-красное, без лучей, как бывает зимой в сильный мороз. В унылой тишине все кругом казалось мертвым. Птицы молчали. Петухи, вяло прокукарекав раза три, приутихли. Выйдя на улицу, крестьяне глядели в сторону рассвета, качали недоуменно головой, старухи крестились, дети испуганно смотрели на них, разинув рты.

Ив и Эрно боялись проспать и всю ночь не сомкнули глаз, но, притворяясь, что спят, обманывали друг друга. Едва пробрался в сарайчик слабый свет утра, как они вскочили, выбежали со двора и, увидев идущих за деревню крестьян, бросились со всех ног за ними.

Вокруг места поединка уже толпился народ, особенно тесно — у ворот. Через них пройдут почетные гости из рыцарских семей и знатных горожан, чтобы стать за низкую загородку, отделяющую площадку от помоста с ложей для дам и судей — старейших из

⁸⁵ Вино и музыка веселят сердце (лат).

⁸⁶ Святым престолом – то есть папой римским.

рыцарей, пройдут их приближенные и люди, приглашенные городским превотом для поддержания порядка и оказания в случае надобности услуг борющимся на поединке рыцарям. И, наконец, въедут сами де Понфор и дю Крюзье.

Толпа шумела и жалась к воротам, оттесняемая пиками городской стражи.

К счастью, место у глазка в заборе никем еще не было занято, и Ив с Эрно стали глядеть в него по очереди.

Рядом деревенские и городские мальчики отыскивали в ааборе глазки, лезли друг к другу на плечи, стараясь заглянуть через забор. В обе стороны вдоль забора толкался народ.

В глазок было видно, как не спеша, чинно двигалась за загородкой вереница горожан-богатеев с женами и детьми, разодетых в праздничные камзолы и длиннополые кафта ны. Как на длинные скамьи помоста рассаживалась знать. Рыцари в плащах, обшитых золотым позументом, отвешивали церемонные поклоны дамам, широким жестом руки приглашая их занять места в ложе. Дамы в богато расшитых платьях отвечали еле заметным кивком головы и бесстрастной улыбкой. Одну из дам, в платье, расшитом серебром, с лентой вокруг золотистых волос, провел за руку в ложу рыцарь, толстый старик с темным лицом и всклокоченной бородой. Ив не знал, что это была дама сердца рыцаря Ожье де ла Тура, вдохновительница поединка Агнесса д'Орбильи, и его родственник – Старый Орел рыцари Жоффруа.

Плотный слой облаков заслонил солнце. В мглистой серости пасмурного дня уныло прозвучал рог одного из герольдов — глашатаев, — возвестивший о начале поединка. Герольдов было двое, в расшитых серебром блио, круглых шапочках с перышком. Они прошли на середину боевой площадки, стали против помоста, лицом к почетной ложе, и отвесили низкий поклон.

Говор толпы разом умолк.

– Внимайте, прекрасные дамы и благородные рыцари, и вы, именитые горожане! – выкрикнул герольд.

Ив узнал голос Госелена. Он выкрикивал совсем так, как тогда в лесу, рассказывая о парижской ярмарке. Белокурые волосы, выбивающиеся из-под шапочки, прдтвердили догадку: это Госелен! Он восхвалял родовитость рыцаря Ожье де ла Тура и подвиги, совершенные его родственниками в битвах с сарацинами под Никеей, Антиохией, Эдессой 87. Восхвалял героическую смерть отца рыцаря Ожье в битве за освобождение гроба господня при взятии Иерусалима войском рыцарей—крестоносцев Готфрида Бульонского. Упомянул о его родственных связях с доблестными сеньорами Иль-де-Франса графами де Корбейль и сирами Монлери и Монморанси. Превознес мужество, честь, верность и щедрость своего сеньора, его набожность, милосердие, все «благородные чувства, недоступные простолюдинам», и закончил словами о стройности и красоте рыцаря Ожье, его бесстрашии и ловкости в турнирах.

– Приготовьтесь, прекрасные дамы и благородные рыцари и именитые горожане, к созерцанию великолепного состязания в силе и красоте!

«Да, – подумал Ив, – куда как милосерд был со мною барон, благородные, нечего сказать, чувства проявил. Верно сказал Госелен: такие чувства простым людям недоступны».

Другой герольд в тех же выражениях прославил знатность, добродетели и смелость своего сеньора, рыцаря Рено дю Крюзье, и теми же словами призвал зрителей к созерцанию состязания.

После этого герольды поклонились и быстро юркнули под перила загородки и стали за ней, у помоста.

«Если бы слышал это мой несчастный отец!» — подумал Ив, с негодованием вспоминая рассказы о жестокости дю Крюзье и печальную участь отца.

Тишина насторожилась.

⁸⁷ Никея, Антиохия, Эдесса – города древней Турции.

В ложе поднялся старик рыцарь и, повернувшись в сторону ворот, подал знак рукой. За ним в ту же сторону повернулись все зрители.

Тотчас раздался звук рога, послышался удар о забор створок ворот. Затем – тяжелый конский топот.

Ив увидел промелькнувшего огромного вороного коня В на нем рыцаря в черной тунике без рукавов поверх кольчуги, с тяжелым, тоже черным, копьем в руке, с развевающейся женской вуалью.

«Черный Рыцарь, наш сеньор», – узнал Ив всадника.

Конь поднял такую пыль, что несколько мгновений ничего не было видно. Раздалось ржание лошади, которой из двух, трудно было сказать.

– Дурная примета, – проворчал рядом старый крестьянин, – большая кровь прольется, – и, покачав головой, вздохнул.

Эрно не терпелось увидеть участников поединка, он Оттолкнул Ива от забора и прижался лицом к глазку.

Все, что произошло потом, было плохо видно Иву. Перед отверстием глазка метались то в одну, то в другую сторону темные и яркие пятна. Они то проносились с ураганной быстротой, то исчезали в густом облаке пыли. Можно было только угадать, что это кони и всадники. Слышались топот копыт, удары копий в щиты, треск, звон мечей, возгласы зрителей, то радостные, то негодующие, то Поощрительные, то угрожающие. Все говорило о кровавой схватке бьющихся врагов.

Боевая площадка была длиной шагов в двести, шириной – в пятьдесят. Въехав в ворота, участники поединка остановились против помоста и наклонили к земле длинные, тяжелые ясеневые копья с железными наконечниками в знак почтительного уважения к почетным судьям и дамам своего сердца. Затем рыцари разъехались в концы площадки, а оруженосцы с запасными копьями и мечами остались у загородки.

На щите у дю Крюзье была нарисована на серебряном фоне черная медвежья лапа, и завитки черной росписи вились по краям щита. Вороной арагонский жеребец бил копытом по земле, тряс головой, гремел удилами. Длинный черный чепрак под седлом был расшит серебром.

Де ла Тур выбрал для поединка своего любимца — красивого коня арабской породы, редкой золотисто—гнедой масти. Стройный, с длинной шеей, с точеной головой, конь этот не раз уже отличался на ристалищах быстротой и силой. Голубой щит барона де Понфора украшал желтый леопард, угрожающе поднявший переднюю лапу. К верхнему краю щита был прикреплен шитый серебром рукав платья, напоминающий о зароке, данном рыцарем Ожье Агнессе д'Орбильи. Высокие луки седла были позолочены. Золотом был расшит голубой чепрак.

Оба рыцаря были в полном боевом снаряжении. Поверх туго набитого длинного набрюшника была надета железная кольчуга, спускавшаяся ниже колен. На голове — узкий капюшон, оставляющий открытыми глаза, нос и рот. Поверх капюшона — островерхие шлемы с пластинкой для защиты носа. Длинные золоченые шпоры. На рыцаре Ожье поверх кольчуги была надета светло—голубая туника, расшитая золотыми розами.

Снова наступила тишина, такая, словно все вокруг затаило дыхание. Снова поднялся в ложе старик рыцарь и подал знак рукой, и снова простонал рог.

Упирая копье в плечо, пригнув голову и прикрыв ее щитом, прикрепленным ремнями к левой руке, противники пришпорили коней и понеслись навстречу друг другу. Каждый, нацеливаясь, приподнимал копье.

Как обычно в поединках, так и на этот раз, первое столкновение было очень сильным. Лошади столкнулись и в вихре пыли вздыбились, а всадники еле удержались в седлах. Дю Крюзье целился в шею де ла Тура. Рыцарь Ожье старался первым ударом покончить с врагом и целился в лицо. Дю Крюзье накрыл голову щитом, и копье рыцаря Ожье скользнуло по нему. Но, нагнувшись, дю Крюзье не удержал копья, и оно уткнулось в землю и переломилось. Треск копья и торжествующий возглас рыцаря Ожье вызвали ответные крики

зрителей. Дю Крюзье повернул коня и ускакал на свое прежнее место. К нему подбежал его оруженосец и передал запасное копье.

Рыцарь Ожье был доволен криками толпы, уверенный, что они выражали восторг его смелостью. Но так ли это? Во всяком случае благоприятный исход первого столкновения – хорошая примета. Вглядевшись в сидящих в ложе дам и отыскав глазами Агнессу д'Орбильи, он увидел, что она улыбается, гордо подняв голову.

«О нежная, о всеблагая дева Мария, соблаговолите раскрыть завесу облаков и силой молитвы вашей послать лучи солнечные озарить мою победу над уже посрамленным врагом моим!»

Так в душе своей взывал к богоматери рыцарь Ожье и чувствовал, что бодрость, покинувшая его перед поединком, вернулась и тревожные предзнаменования вчерашнего дня не пугают более. Рысью проехал он вдоль загородки на свое место у ворот, улыбаясь толпе.

Все началось сначала. Зашумевшая толпа умолкла. Старик рыцарь подал знак.

Только рог не ответил ему.

Снова противники помчались друг к другу, и вихри пыли неслись им вслед.

Окрыленный предчувствием победы, зная, что тяжелый конь дю Крюзье неувертлив, рыцарь Ожье повел бой на изматывание сил врага. Он искусно применил прием быстрых, неожиданных обратных поворотов, которые арабский конь исполнял легко. При первом столкновении он поднял коня на дыбы и, увернувшись от удара копья дю Крюзье, круго повернул назад, промчался полукругом и снова бросил коня навстречу противнику, нацелив копье ему в шею под шлем. Дю Крюзье старался ударом копья выбить де ла Тура из седла. Но расчеты обоих оказались неточными. Кони промчались, не задев друг друга, и далеко унесли всадников под гиканье и негодующие выкрики толпы.

Солнечный луч пробил толщу облаков и пролился золотом на место поединка, на луг. Заискрились расшитые вуали дам, плащи рыцарей, блио герольдов, заалели длинные платья и головные уборы горожанок, запестрели камзолы горожан. На плечах оруженосцев засверкали позолоченные рукояти мечей. Голубая туника рыцаря Ожье заблестела золотыми розами, поблескивали золотые шпоры, Й совсем золотым стал чудесный арабский конь.

Сияло и лицо рыцаря Ожье. Он думал: его молитва вознеслась к престолу матери божьей, благословляющей его на благородный подвиг. Скорей вперед! Во имя справедливости! Во имя дамы сердца! Во имя рыцарской чести!

С этими мыслями рыцарь Ожье помчался стрелой на противника. Тот успел изготовиться к принятию удара и неторопливо ехал навстречу. Конь дю Крюзье рванулся от несущегося на него коня, но сильная рука рыцаря Рено осадила его, и он стал на дыбы. Рыцарь Ожье сгоряча на успел отвести копье в сторону, и оно, попав под ноги арагонского коня, разлетелось в щепы.

Толпа заколыхалась. Поднялись сжатые в кулаки руки, понеслись выкрики, свист и в сторону участников поединка, и в сторону судей. В ложе вскочили со своих мест старые рыцари. Они кричали, спорили, размахивая руками перед лицом друг у друга. Им надо было решить, продолжать ли поединок. Если прекратить его, то никто из сражавшихся не может быть объявлен победителем: оба рыцаря сломали копья и никто из них не оказался побежденным. Некоторые из судей требовали признать поединок не состоявшимся и на этом основании прекратить его. Но таких оказалось мало, и большинство судей, в том числе и дамы сердца состязующихся, потребовали продолжения поединка. Спор продолжался несколько минут.

Наконец зазвучал рог, герольды вышли на площадку и объявили, что благороднее рыцари судьи приняли во внимание, что оба состязующихся сломали копья, и что настоящего поединка не состоялось, а посему, чтобы нд оскорблять чести благородных Рено дю Крюзье и Ожьа де ла Тура, судьи решили продолжать поединок, для чего вручить этим рыцарям их мечи.

Толпа встретила эти слова одобрительными возгласами. Участники поединка

поклонились судьям и разъехались. В оба конца площадки побежали оруженосцы, чтобы передать рыцарям мечи. Затрубил рог, и по знаку старого рыцаря всадники ринулись в бой.

Рыцарь дю Крюзье, ухватив меч двумя руками, высоко занео его над головой.

Жестокой была схватка заклятых врагов. Рубились мечами насмерть. Взмыленные кони то взвивались на дыбы, то, вертясь, рвали зубами шеи друг другу, разбрасывали кровавую

пену, били копытами. В клубах пыли сверкали стальные лезвия и золоченые рукояти мечей, роем рассыпались искры, когда ударялся глеч о меч. Дамасский клинок рыцаря Ожье свистел в воздухе, норовя отсечь голову противника. Дю Крюзье долго отбивал удары. Толпа ревела, поощряя сражающихся. Вскакивали на скамьи, махали руками. С каждым мгновением нарастала буря страстей. Многие залезли на брусья загородки, дрались между собой и со стражей за места ближе к площадке.

Внезапно дю Крюзье бросил поводья, поднялся на стременах и, ухватив меч двумя руками, высоко занес его над своей головой. Рыцарь Ожье успел закрыть голову щитом. Но удар, нанесенный ему, был так силен, что меч рассек щит и кольчугу рыцаря Ожье.

По толпе пронесся стон. Герольды выбежали на площадку и, протягивая руки к ложе, стали громкими выкриками умолять дам прекратить кровавый поединок, не допустить смертельного исхода:

 О прекрасные дамы, в ваших руках жизнь славнейших и храбрейших рыцарей на путях чести!!!

Но напрасно взывали герольды. Рыцарь Ожье приник к шее коня. Плечо рыцаря было рассечено глубоко. Меч выпал из руки. Другая рука ухватила гриву коня, но тотчас разжалась, соскользнула и беспомощно повисла. Рыцарь Ожье сполз с седла, и тело его тяжко упало на землю. Конь отбежал в сторону, поводил боками и, раздувая ноздри и вытянув шею к земле, смотрел на лежащего в пыли своего хозяина. Седло и голубой чепрак, были залиты кровью. Оруженосец и еще трое людей подбежали к рыцарю Ожье, бережно приподняли, положили на запасный щит и осторожно понесли к воротам. Конюх поймал коня и повел следом за ними.

В это время дю Крюзье, горяча коня, гарцевал перед помостом, откуда спускалась по лестнице дама его сердца в сопровождении почетных судей и пажей. Рыцарь Рено сошел с коня, снял шлем и, передав его вместе с мечом и поводьями оруженосцу, пошел навстречу даме. Подойдя к ней, он стал на одно колено и склонил голову. Прядь темных волос упала на лоб. Дама взяла из рук пажа венок из роз и увенчала победителя. Под звуки труб, приветственные возгласы толпы, окруженный друзьями и родственниками, рыцарь Рено отправился на пир, устроенный в его честь в замке одного из старейших рыцарей королевского домена, где и совершится торжественное занесение имени победителя в особый почетный список. Менестрель сложит песню о подвиге Черного Рыцаря Рено дю Крюзье, и слава о нем будет жить в ней вечные времена...

Когда Ив услышал рядом с собой возглас: «Барон до Понфор убит!» – он схватил Эрно за руку:

- Идем!
- Зачем? Подожди!

Эрно не отрывал лица от глазка.

– Не хочешь? Оставайся!

И Ив убежал. Он очутился у ворот в ту минуту, когда повозка, запряженная волами и окруженная молчаливой толпой любопытных, медленно двинулась в путь. По обе стороны, на конях, ехали рыцари с обнаженными мечами. За ними еще несколько всадников, рыцари, оруженосцы, слуги. В повозке лежало что-то завернутое в черный плащ.

Ив поняп

Толпа молча пошла за повозкой, а Ив остался и смотрел вслед уходившим.

Было слышно равномерное поскрипывание колес и видна пыль, поднятая над дорогой.

Когда повозка и толпа исчезли за холмом, Ив подумал: «Теперь я никому не нужен в замке Понфор». Все это последнее время он тяготился мыслью об опасности быть узнанным кем-либо из замка, что неминуемо погубило бы его, мучился этой мыслью и сейчас, освободившись от нее, радовался. А вместе с тем он удивлялся самому себе: ему было жаль барона де Понфора. Почему? Какое ему дело до этого злого, жестокого властелина, погибшего так бесславно из-за собственной глупой прихоти? И еще мысль: «Скорей домой! Скорей увидеть отца, увидеть учителя-священника! Скорей в деревню и забыть там про

замок, про барона!» Он не стал разыскивать Фромона, ему не хотелось встречаться с ним, надо порвать всякую связь с замком Понфор. Не дождался он и Эрно. Зашел в деревню, чтобы взять мешок, — там его драгоценная книга и остатки хлеба и сала. Уходя, попросил хозяина сказать Эрно, что придет к нему, как только вернется в Париж.

Глянув на солнце, Ив понял, что уже далеко за полдень и надо торопиться: отсюда до Крюзье почти столько же, как до Парижа. Чтобы попасть на дорогу в Шартр, надо было снова пройти тем перекрестком, у которого произошел злополучный поединок. Ив бегом пробежал это место, не глядя по сторонам. Потом шел не останавливаясь до самого вечера.

Начало темнеть, а дорога все еще шумела возвращавшимися с праздника повозками, людским гомоном и песнями. Поравнявшись с крестьянином, ехавшим на осле, обвешанном пустыми корзинами, Ив разговорился, и оказалось, что, продав свой товар, крестьянин едет домой в Мерлетту.

– А ты, парень, из Крюзье? Так садись, поедем вместе. Места хватит!

«Он, наверно, знает Сюзанну, – подумал Ив. – Может быть, и отца знает? Вот хорошо...»

Пасмурная погода сопровождала Ива до самого дома. Крестьянин, на осле которого примостился Ив, болтал без умолку. Сюзанну он знал еще девочкой. Отца Ива не знал и в Крюзье не бывал. А сеньора дю Крюзье как не знать — на всю округу такого не сыщешь: жесток и лют. Со своими сервами как со скотиной обходится. Говорят, на цепь сажает и прутьями засекает до смерти. Бегут от него многие. Да куда убежишь? А поймает, тут его право с беглым делать что захочет. Чужих крестьян тоже не щадит. Охотничьими лошадьми да псами все посевы повытоптал. Надругаться над женщиной, зашибить ребенка — это ему плевое дело. А жаловаться кому? Некому. Друг самого короля!

Тотчас за Шартром крестьянин свернул в Мерлетту, а Ив пошел дальше по берегу Эры, где она, обвив петлей Шартр, тянулась на запад. Радость возвращения домой омрачалась неотвязной мыслью о завернутом в саван мертвеце, о кровавой бессмыслице поединка рыцарей.

Когда Ив подходил к своему дому, над рекой стлался туман, затягивая плотной завесой высокий холм с замком и церковь на пригорке у деревни. Моросил дождик. Все вокруг было нерадостное, молчаливое. Ни людского говора, ни лая собаки, ни дыма из очага. От садов и огородов тянуло сыростью и пахло вялым листом. Проходя деревней, Ив не встретил ни души. Только мокрая курица испугалась его и с глупым кудахтаньем метнулась с дороги под изгородь. Улица была длинная. Дома стояли взразброд, поодаль друг от друга, все деревянные, с потемневшими от времени и дождей неуклюжими высокими соломенными крышами. Один только дом рыжего Жирара, хозяина сукновальной водяной мельницы, был каменный, крытый черепицей.

Улица кончается и переходит в широкую лужайку. Вон, на краю оврага, убогая лачуга соседки, слепой Жакелины, а вон старый дуб и за ним отцовский дом. Скорей!

Ив добежал до дому и остановился пораженный: дверь была заколочена наискось доской.

Ив обошел вокруг дома и силился разглядеть что-нибудь в отверстие закрытой изнутри оконной ставни. В доме была темнота, и тянуло дымным запахом стылого очага. В ту же минуту послышалось жалобное мяуканье – кто-то запер их старого кота. Ив позвал:

– Ратон!

Кот мяукнул еще жалостней. Ив толкнул ставню – закрыта крепко. Тогда он побежал обратно к двери и, схватив руками доску, хотел оторвать ее. Доска не подалась.

Ив обернулся, ища глазами, чем бы поддеть доску, и увидел Жакелину. Протянув вперед руки, осторожно ступая и закинув голову, словно вглядываясь в небо, она шла к Иву.

– Кто там?

– Это я, тетушка Жакелина.

- Ив, дорогой мой, милый, подойди, дай я тебя поцелую!.. Да, да, это ты, мой дорогой!.. Дрожащими руками слепая ощупывала голову, лицо и плечи Ива и плакала.
  - Слава богу, что ты пришел! Идем, идем, я расскажу тебе, мой бедный мальчик...

И, уведя Ива к себе в лачугу, Жакелина рассказала, что у рыжего Жирара пропал на мельнице кусок сукна, что Жирар обвинил в краже отца Ива, работавшего на мельнице, нажаловался на него сиру дю Крюзье и просил суда и наказания Эвариста, которого и забрали стражники сеньора, а дом заколотили.

– Гле же отец?

В одном из подземелий замка. Скоро будет суд Ты бы сбегал к отцу Гугону. Знает ли он, что сделали с Эваристом? Отец Гугон уважает твоего отца за честность и трудолюбие.
 Отец Гугон бывает в замке. Замолвил бы словечко за Эвариста. Беги, мой мальчик, беги!
 Ив выбежал из дома Жакелины и бросился разыскивать священника.

Глава XIV СУД БОЖИЙ

Когда, выслушав рассказ слепой Жакелины, Ив прибежал в церковь, где в комнате у притвора жил его учитель, отец Гугон уже знал о краже на сукновальной мельнице и ходил в замок к жене сеньора и упросил ее походатайствовать перед мужем об освобождении Эвариста, честнейшего человека, по всей вероятности павшего жертвой злостного оговора.

Дю Крюзье вызвал к себе священника и грубо отказал ему в просьбе, сославшись на свое право сюзерена, освященное церковью:

– Постыдились бы, преподобный отец, не знать сказанное самим святым Петром: «Рабы, со всяким страхом повинуйтесь господам вашим не только добрым, но и злым».

Отец Гугон заметил на это, что слово «раб» может быть применено только к сервам, а не к свободному виллану, каков Эварист. Тогда дю Крюзье ударил кулаком по столу и крикнул:

– Именем святого апостола Петра, я не посрамлю своей рыцарской чести, освободив подлого вора, чтобы он избежал нашего правосудия, установленного законом! Идите, преподобный отец, не вводите меня в искушение гнева!

Но сейчас дело повернулось иначе. К отцу Гугону прибегали вилланы, перепуганные появлением на мельнице рыжего Жирара сросшихся хвостами крыс. Их огромный черный клубок, штук в тридцать, выкатился на улицу. Вилланы бросились их избивать чем попало, но крысы с громким писком укатились обратно на мельницу. Деревенские и без того считали Жирара колдуном, а появление такого крысиного чудища подтверждало, что Жирар знается с дьяволом. Вся деревня всполошилась Требуют наложить церковное покаяние на колдуна. Зная, как суеверен дю Крюзье, отец Гугон снова пошел к жене сеньора и просил рассказать мужу про случай с крысами и что тому свидетели многие вилланы. А также про давнишние подозрения о связи рыжего Жирара с дьяволом. Отец Гугон убеждал свою духовную дочь упросить мужа заменить обычный сеньоральный суд судом божьим, чего просят все честные вилланы, и предпочтительно испытанием крестом, как наиболее благочестивым способом вызвать изъявление воли божьей 88. Рассказ о крысах произвел немалое впечатление на суеверного сеньора. Он согласился прибегнуть к суду божьему, а Жирара, умолявшего о сеньоральном суде, то есть без участия его как истца, дю Крюзье выгнал из замка, обозвав бесовским отродьем.

- А теперь, сказал священник Иву, когда ты вернулся, я думаю, будет благоразумно отправиться мне еще раз к самому сиру дю Крюзье просить его о замене больного Эвариста тобою. Ведь надо сделать все, чтобы спасти твоего бедного отца. Как ты думаешь, мой мальчик?
- О! Сделайте это! Я все стерплю за отца! Вы увидите, я выдержу испытание, чего бы мне это ни стоило!.. А если сир дю Крюзье не согласится на замену, тогда что делать?..
- Господь милостив. Я уже обдумал кое-что. Будь спокоен, Ив. Оставайся у меня. Сейчас незачем срывать доску с вашей двери, иначе Жирар тотчас постарается донести об этом сеньору и испортит нам все задуманное.

Ив остался жить у отца Гугона в его комнате, единственное окно которой, овитое снаружи плющом, пропускало мало света, и в эти пасмурные дни приходилось зажигать масляный светильник. Грубо сколоченный стол, на нем банки с чернилами и гусиными перьями, книги и свитки пергамента на полу и на полках. На стене, над низкой дощатой кроватью, — железное распятие. У другой стены — жаровня, над ней в стене — пробитое наружу отверстие для выхода угольного угара. У двери — скамья с глиняной посудой.

Тянулись дни с туманными утрами, с моросящими дождями. Виднее стали приметы осени: вилланы кончали работы на полях, желтели листья деревьев, стадо деревенских свиней ходило в лес за желудями. Все чаще приходили к церкви крестьяне, несли свои горести и деревенские рассказы. Рассаживались на длинной скамье вдоль стены церкви. Отец Гугон выходил к ним и терпеливо выслушивал, давал советы. Как обычно в осеннее время, вилланы жаловались на тяготы податей с урожая. Дю Крюзье брал себе по два снопа из двенадцати, в сенокос – с каждой косы, а еще подушные и брачные 89, возраставшие из года

⁸⁸ Суд божий, или ордалии, – испытания водой, огнем и проч., применявшиеся в средневековых судебных процессах в европейских странах.

 $^{^{89}}$ Брачная подать – подать, вносимая крестьянином своему сюзерену за разрешение вступить в брак.

в год по прихоти сеньора. Боязливо оглядываясь, шептали о сервах, укрывшихся в лесах, об облавах на них с охотниками и собаками, о пойманных и повешенных и о предателях, которые указывали лесные тайники беглых. Часто упоминался рыжий Жирар, не раз выдававший своих деревенских.

Глядя на отца Гугона, с виду обычного виллана с длинноватыми волосами, с лицом, обросшим черной с проседью бородой и усами, повисшими до подбородка, с крепкими жилистыми руками, в одежде из грубого крестьянского сукна и ногами, обутыми в воловью кожу, обмотанную лыком до колен, Ив невольно сравнивал его с парижскими прелатами и канониками в дорогих сутанах и плащах. Отец Гугон не только внешностью не походил на тех священников, но отличался и своими рассуждениями о нравственной сущности религии, и называл их слепцами или ханжами. «Призывая имя господа, они забывают о человеке, – говорил отец Гугон, – и к величайшей славе божьей стращают его небылицами о бесах, возводя в непреложную истину осужденное церковью суеверие», Именуя философию «служанкой богословия», они искажают великие истины, сами в большинстве случаев не веря в то, о чем говорят своим духовным детям. О магистре Петре отец Гугон отзывался с уважением: «За всеми его чудачествами кроются обширные знания и доброе сердце. По возвращении в Париж вникай в его слова и прилежно учись. Может быть, и ты когда-нибудь станешь магистром».

Ив рассказал учителю обо всех своих злоключениях, и отец Гугон, понимая, что творится с его учеником, старался занять его чтением книг, звал с собой на прогулку в лес. Ив не противился, брал в руки книгу и делал вид, что читает, шел в лес и делал вид, что слушает длинные истории об основании франкского королевства и первых королях, о борьбе отцов церкви за истинную веру, о церковных соборах ^{90} и о диспутах ученых магистров, но ничего не развлекало Ива, все заслоняла мысль об отце.

После настойчивых увещаний священника дю Крюзье согласился на замену Эвариста Ивом. Отец Гугон убедил его, что суд божий, установленный святым отцом папой, выше суда сеньорального — в нем судьей сам бог и исход его зависит исключительно от воли божьей. А людям, исполняющим ее, бог уготовит место в своем прекрасном раю. Скоро наступит день святого Эвариста. К этому дню и надо приурочить суд, чтобы святой — покровитель обвиняемого свидетельствовал за него перед лицом божьим. А если к тому же заменить тяжело больного ответчика его сыном, тем самым справедливо уравновесятся стороны и совесть рыцаря Рено будет чиста перед господом, который и вознаградит его за Такое отменное благочестие. Отец Гугон не забыл сказать и о том, что Ив был брошен бароном де Понфором в подземелье как заложник только потому, что он виллан дю Крюзье, а Ив сумел, рискуя жизнью, убежать из замка Понфор, тем самым посрамив сира Ожье в глазах всего благородного рыцарства Эти последние слова возымели особое действие на злорадного и честолюбивого дю Крюзье. Но, однако, несмотря на настоятельную просьбу священника выпустить больного Эвариста из подземелья до суда дю Крюзье отказался наотрез.

Время идет медленно, и тусклые ноябрьские дни ползут один за другим без солнца, унылые. Ночью Ив лежит с открытыми глазами и думает, думает. В завываниях ветра слышатся ему то голос отца, зовущего на помощь, то тоскливое мяуканье кота Ратона, запертого в холодном доме. То снова возникают зловещие образы и жуткие минуты пережитого, и тревога за исход предстоящего испытания. И накипает в сердце ненависть к рыцарской знати, злой, жестокой.

Измученный бессонницей, Ив засыпает только на рассвете.

Накануне дня святого Эвариста на пригорке между замком и деревней был установлен

⁹⁰ Церковные соборы – собрания духовенства.

высокий деревянный крест. Под пригорком сколочен помост, на нем поставлена скамья ⁹¹. В этот день Ив никуда не ходил – не хотелось слушать бессмысленные расспросы любопытных и слезливые причитания старух. Отец Гугон поручил Иву развести огонь в жаровне и как следует мешать угли, не давая им чадить.

– А когда истопишь, прилег бы Я слышал, ты ночью все ворочался, не спал. Пойду служить мессу, а потом навещу своих больных. Приду после полудня.

Первое наставление Ив исполнил добросовестно: угли в жаровне были размешаны и не начадили. А вот второе — уснуть — Иву не удалось. Заставить себя не думать о завтрашнем дне, о встрече с отцом, с Черным Рыцарем, Ив не был в состоянии. Отец Гугон, возвращаясь, увидел издали, что Ив сидит на скамье у церкви, опустив голову на руки. Ив не слыхал, как священник подошел к нему, и, только когда тот положил ему руку на голову, вздрогнул и выпрямился. Отец Гугон провел рукой по волосам своего ученика и, не сказав ничего, прошел в притвор.

День кончился в тревожном молчании, и отец Гугон и Ив понимали, что говорить не о чем и незачем – слова ничему не помогут...

Утром рано два дозорщика из замка пришли за Ивом. Отец Гугон снял со стены распятие, благословил им Ива и, приложив холодное железо к его губам, шепнул:

- Мужайся, мой мальчик, помни о несчастном отце.

Туман поднимался над рекой и полз на деревню и на дорогу к замку. Дозорщики привели Ива к пригорку с крестом. За ними следом пришел и отец Гугон Чуть свет сошлись сюда все деревенские Прибежали дети, приплелись старики. Близко подойти боялись, смотрели издали, как замковые слуги обивают алой материей скамью на помосте, застилают ею ступеньки и ставят шест с гербовым щитом сюзерена с черной медвежьей лапой. Слушали, как сенешал бранился, покрикивая на слуг. Между собою говорили тихо. Дети перешептывались – не дай бог, услышит злой «дядька аист». Так прозвали они длинноносого и длинноногого сенешала.

Обведя взглядом толпу, Ив увидел слепую Жакелину в ее жалком рубище Ива подвели ближе к помосту.

В толпе раздался глухой ропот. Расталкивая локтями людей, появился рыжий Жирар. Нагло взглянув на Ива, он прошел к помосту, где разговаривал сенешал с отцом Гугоном. Жирар снял шляпу, «смиренно» согнулся в низком поклоне и, протянув руки к священнику, попросил благословения, Сенешал оттолкнул его и крикнул:

− Ступай туда и стань рядом с ним! – и указал ру* кой на Ива.

Из толпы раздались одобрительные выкрики:

- Клянусь святым Эгидием, Жирара давно пора на виселицу!
- Колдун!
- Молчать! Разгоню по домам! прикрикнул на них сенешал.

В это время из тумана возникли два всадника. Сенешал кинулся им навстречу, на ходу бросив толпе:

- Снять шапки!

Толпа мгновенно затихла.

Дю Крюзье был одет, как всегда на народе, во все черное. Вороной конь его шел медленно, тяжело ступая, то низко опускал гривастую голову, то вскидывал ее, бренча железками набора уздечки. Черный Рыцарь сошел с коня у помоста, бросив поводья подхватившему их экюйе. Сенешал еле поспевал за рыцарем, который взбежал по ступенькам, мельком взглянул на судившихся, сел на скамью и, отдав приказ сенешалу начать суд, плотнее завернулся в свой длинный черный плащ. Круглая, черного сукна шапка была надвинута на лоб.

⁹¹ В отличие от суда сеньорального, закрытого, происходившего в еамке сеньора, суд божий происходил на площадях городов, в деревее вне стен замков.

Сенешал приказал дозорщикам подвести Жирара и Ива к помосту и поставить лицом к их господину. Подошел туда и отец Гугон с распятием в руках.

- На колени! - приказал сенешал судившимся.

Он развернул свиток и прочел, кто и почему, по решению сеньора, благочестивого рыцаря сира Рено дю Крюзье, предается суду божьему, что воля господа, давшего законы, да будет для истца и ответчика и для судей их священна и неоспорима и что по милостивому решению сира дю Крюзье призванные на суд будут подвергнуты наиболее легкой ордалии – испытанием крестом.

– Поторопитесь, святой отец, – сказал сенешал священнику.

Отец Гугон поднял руки над головами Ива и Жирара. В левой он держал крест, правой троекратно благословил их, произнося молитву. Сенешал приказал истцу и ответчику встать, развел их в стороны и, поставив возле каждого по дозорщику, заставил поднять руки и скрестить их над головой.

– Первый из вас, кто опустит руку или обе руки или упадет, указан будет перстом бога грозящего как виновный и подлежащий строгому наказанию.

Сенешал отошел к ступенькам помоста.

В тягостном безмолвии замерло все вокруг. В белесом тумане призраками стояли два высоких тополя. Низко клубились серые облака, тянуло от них зябкой сыростью.

Отец Гугон стал так, чтобы Иву хорошо было видно его.

Неподвижно сидел дю Крюзье. Неожиданно тишину пронизал голос слепой Жакелины:

- За Ивом – ангел, за Жираром – бес! Вижу! Вижу!...

По толпе снова пронесся ропот. Дю Крюзье выпрямился. Сенешал бросился к вилланам, тряся кулаками над головой, и заставил женщин увести Жакелину. Больше никто не проронил ни слова.

Отец Гугон многозначительно взглянул на Ива, хотел дать понять ему, какое впечатление должны произвести слова Жакелины на суеверного рыцаря Рено, хотел укрепить душевные силы Ива, всячески внушить ему уверенность в благополучном исходе испытания.

Глядя на коренастого, еще не старого Жирара, Ив побоялся, что не пересилит его. Гнетущая тоска бессонных ночей давила усталостью. Выкрик Жакелины и перехваченный взгляд отца Гугона побороли охватившее было его отчаяние, заставили Напрячь все силы Еще помогло одно. Ив взглянул на дю Крюзье, черного, сгорбленного, с горбатым носом, с упавшим, как хвост, концом черного плаща, посмотрел на материю, алой кровью стекающую по ступенькам помоста. Память подсказывала: где-то уже видел он это...

Когда?..

И вспомнил. Ему не было еще десяти лет. Отец брал его с собой в лес у Мерлетты, где работал у богатого угольщика. В тихую погоду дым просачивался сквозь хвою и землю, закрывавшие угольные ямы, и наполнял лес сизой дымкой. Однажды, выйдя на Поляну, Ив остановился в испуге. На конской падали, обглоданной зверьем, сидел большой черный ворон и отрывал клювом куски мяса. По вздутому боку дохлой лошади с ребра на ребро стекала кровь. Ив прижался к отцу. Отец громко свистнул. Ворон с куском мяса в клюве улетел.

«Вот и все! – засмеялся отец. – Не надо птицы бояться. – Потом тихо добавил: – Наш Черный Ворон страшнее».

Тогда Ив не понял этого. Сейчас он понимает, о ком говорил отец. «Отец, несчастный отец!!!» И снова, как после поединка дю Крюзье с бароном де Понфором, охватило Ива неукротимое чувство ненависти к этому действительно черному ворону, ко всему черному воронью.

«Что это? Закружилась голова и будто качнуло в сторону. Вздор! Крепче, крепче надо держаться Я должен пересилить Жирара во имя жизни отца. Вон и отец Гугон смотрит снова, лицо у него спокойное, значит, все хорошо. А руки немеют, немеют... Опять голова... В глазах желтые кружки мешают смотреть. Какой-то страшный крик, будто кричит Жирар...» Действительно, это был голос, не голос, а вопль отчаяния, с которым рыжий Жирар, всплеснув руками, рухнул на спину.

Одновременно по толпе прокатился гул, послышались выкрики:

– Слава господу правосудному!.. На виселицу крысиного хозяина!.. В реку колдуна с камнем на шее!

Дю Крюзье сбежал с помоста и, ткнув ногой лежащего без сознания Жирара, крикнул перепуганному сенешалу:

– В подземелье! Унять толпу! – и ускакал в туман со своим экюйе.

Сенешал счел благоразумным тотчас же удалиться в сопровождении дозорщиков. Толпа окружила Ива. Он стоял, поддерживаемый отцом Гугоном, был очень, очень бледен. Казалось, все пережитые волнения, вся усталость всем грузом своим навалились на него, победив наконец его душевную стойкость.

Отец Гугон повел опиравшегося на его руку Ива. Толпа медленно и молча двигалась за ними. Когда они взошли на паперть церкви, отец Гугон обратился к вилланам:

– Дети мои, идите с миром. Дадим Иву восстановить силы свои отдыхом, заслуженным его благородным поступком, достойным доброго христианина Пойдем, сын мой...

Глава XV ДАМА Д'ОРБИЛЬИ

Агнесса д'Орбильи с утра в скверном настроении. Она то ходит взад и вперед по залу женских рукоделий на третьем ярусе главной башни своего замка, расшвыривая во все стороны прялки и ножные скамеечки, то выбегает на дорожку между зубцами стены: не

пылит ли дорога, не скачут ли рыцари? Их долго нет, и она начинает злиться. Зовет служанку, бьет ее по щекам, ловит залетевшую в комнату бабочку, отрывает ей крылышки, а затем злобно растаптывает ногой.

Два месяца прошло с тех пор, как тело убитого на поединке рыцаря Ожье де ла Тура, завернутое в саван и положенное в гроб с четырьмя золотыми крестами на крышке, при свете многочисленных смолистых факелов, под заунывные звуки погребальных песнопений торжественно установили в глубоком подземелье церкви замка Понфор, родовом склепе семьи де ла Туров. И ровно месяц, как Агнесса д'Орбильи всеми правдами и неправдами изыскивает возможности отомстить Черному Рыцарю, убившему преданного ей «вассала». Изо дня в день рассылает гонцов к родственникам и друзьям де, ла Тура, вызывая их к себе, и, созвав, требует от них найти повод отомстить дю Крюзье. «Смерть за смерть!» – повторяет она боевой клич рыцарей.

Спору нет, Агнесса д'Орбильи красива. Ее золотые волосы, тонкая талия и белая кожа прекрасны. В этом убедился друг покойного де ла Тура рыцарь Рауль, когда Агнесса д'Орбильи при нем и других рыцарях и дамах сняла тунику и в одной рубашке вошла в пруд для купания. Обсуждая план мести за смерть де ла Тура, Агнесса д'Орбильи не раз ухитрялась шепнуть рыцарю Раулю, что ее благосклонность вознаградит его за помощь в этом деле. И Рауль Великолепный со своими дамуазо стал постоянным гостем замка д'Орбильи.

Агнесса д'Орбильи красива, но глаза ее вовсе не ясные, как поют менестрели, восхваляя женскую красоту. Наоборот, они то гневно сверкают, то злобно прищуриваются.

Это нравится рыцарю Жоффруа. Старый Орел первым прилетел на зов Агнессы д'Орбильи. Теперь он то и дело наполняет ее двор охотниками, лошадьми, собаками, соколами и воем рога, а гулкие сводчатые залы — громким хохотом и выкриком грубых оскорблений, предназначенных дю Крюзье с его родственниками и даже самому королю. Рыцарю Жоффруа нравится, как Агнесса д'Орбильи бесцеремонно отбирает у крестьян ягнят для пополнения своей овчарни, как обманом обращает свободных вилланов в несвободных, устраивая их взаимные браки. А как ловко вылавливает она в своих лесах крестьян—порубщиков побогаче и обирает дочиста! В свою очередь, Агнесса д'Орбильи дорожит этим стариком, нужным ей для исполнения коварных планов, усердно угощает вином, позволяет целовать себя в лоб и, зная его вечное безденежье, снабжает деньгами, чем окончательно привязала к себе. Осушая один за другим бокалы дорогих испанских вин, Старый Орел клялся мощами всех святых истоптать посевы дю Крюзье, затравить псами его вилланов, сжечь деревни, а его самого заставить в одной рубашке двадцать лье нести на голове седло, клялся проткнуть Черного Рыцаря копьем и «пусть извивается на нем, пока не подохнет».

Агнесса д'Орбильи не оставляла своим вниманием и рыцаря Оливье, двоюродного брата убитого, милостиво разрешив ему в любое время ловить птиц в ее рощах и лесах и, если понадобится, располагать ее замком для отдыха вместе с его людьми. Но рыцарь Оливье ни разу не воспользовался этой любезностью. Никто не удивился: все знали о смехотворной скромности рыцаря—птицелова.

Угождая каждому, Агнесса д'Орбильи требовала взамен немного: найти повод отомстить дю Крюзье и при надобности склонить к этому как можно большее число рыцарей – родственников и друзей покойного рыцаря Ожье.

И вот сегодня владелица замка увидела, наконец, далеко на дороге, между лесистыми холмами, облачко пыли. Облачко приближалось и росло. Вот оно скрылось за дубовой рощей, вот снова показалось над дорогой, и видно, что мчится оно следом за двумя скачущими во весь опор лошадьми. Два всадника пригнулись к шеям коней, мелькают за рядом придорожных тополей, и, как назло, не узнать, кто это скачет. Агнесса д'Орбильи нетерпеливо топает ногой и вглядывается, вглядывается...

Промелькнув за деревьями, всадники примчались к реке у подножия холма, на котором стоит замок, приостановили лошадей, чтобы переехать бродом. Агнесса д'Орбильи узнала

тучную фигуру рыцаря Жоффруа. Неглубокая и узкая река только на минуту задержала всадников, и вот наконец они скачут в гору к замку, оставляя за собой клубы пыли. Осадив коня на полном ходу у самого края замкового рва, рыцарь Жоффруа схватил рог и стал яростно трубить, требуя спуска моста. Когда привратник выглянул в окно башни, рыцарь протянул руки вверх, грозя кулаками, и выкрикивал, судя по всему, отчаянные ругательства. Агнесса д'Орбильи подумала, что волнение овладело этим всегда спокойным толстяком неспроста, и поспешила в замок.

Она угадала. Рыцарь Жоффруа вошел, тяжело дыша. Сразу заговорить не мог. Отдуваясь, сел. Агнесса д'Орбильи подошла, заботливо положила руку ему на плечо и участливо смотрела на одутловатое лицо, мокрое от пота, на скомканную бороду. Отдышавшись, рыцарь Жоффруа вытер лоб рукой. Хозяйка замка распорядилась принести вина.

С причмокиванием отхлебывая испанское, рыцарь Жоффруа поспешил радостно сообщить, что им наконец найден повод к объявлению войны дю Крюзье. Всем известны основные правила турниров и поединков. Одно из них не допускает ранения коня. Помнит ли благородная дама, что во время поединка кони де ла Тура и дю Крюзье грызли друг другу шею? Помнит. А изволила ли она заметить, чей конь укусил первым? Нет? Конь дю Крюзье! Тут рыцарь Жоффруа отхлебнул вина, со стуком поставил кубок на стол, поднес волосатый палец к лицу дамы и погрозил им. Кто знает, не был ли конь заранее приучен кусаться? Но не в этом главное. Рыцарь снова отхлебнул вина, насупил лохматые брови и продолжал таинственным шепотом:

- Судья. По-чет-ный судья, который вынес решение, не соизволил обратить на это никакого внимания. Народ кричал, требовал справедливости. Вы ведь слышали, что кричал народ, а он не слышал. А знает ли, благородная дама, что этот человек в близком родстве с дю Крюзье? Вся толпа видела, а он не видел, он, по-чет-ный судья! На видел потому, что он род-ствен-ник дю Крюзье. А, каково?!
  - Но рана была нанесена не оружием, заметила Агнесса д'Орбильи.
- Вы не прислушались к моим словам. В правилах сказано: «Не допускается ранение коня». И все. А чем, не указано. Значит, чем бы то ни было. И справедливо! Не правда ли?
- Как будто так. Но теперь я скажу: и не в этом главное. Главное в том, что, хорош ли повод или нехорош, мы можем начать войну, только испросив дозволения короля, а он друг дю Крюзье.

Рыцарь Жоффруа громко расхохотался:

— Xa—xa-xa! Король! Да Людовик Толстый всегда воюет за спиной у кого-нибудь, лишь бы поживиться и увеличить свой домен за счет побежденного. Война между баронами ему только выгодна. А на дю Крюзье ему наплевать, как и на всех остальных. О! Король умеет урвать себе лакомый кусок!..

Рыцарь Жоффруа говорил еще и еще, пыхтел, отдувался, пил вино. Его белесые глаза налились кровью, как всегда, когда он говорил о короле, которого ненавидел. Злые глаза Агнессы д'Орбильи горели. Она впилась ими в говорившего и доверчиво дотронулась до его руки. Значит, он уверен, что король не помеха их планам и можно отомстить дю Крюзье? Ее щеки пылали, Наконец-то! Что ей рыцарь Ожье де ла Тур? Его не вернуть. А вот Черный Рыцарь и его дама сердца торжествуют победу, принимают почести! Вот гады, которых надо во что бы то ни стало разорить, унизить, уничтожить! О, она придумает для них пытки, какие еще не видывали подземелья замка д'Орбильи.

Долго в этот день оставался рыцарь Жоффруа в замке, обсуждая дальнейшие меры, необходимые для приготовления к войне: какие и сколько отрядов должны быть собраны; сколько потребуется на это средств; кто будет их собирать и хранить (он может эго взять на себя). Скоро осень, за ней зима — ненастье, холод, грязь. Ну что ж, вот за это время и подготовить все. Излишняя торопливость тоже может преждевременно выдать замысел. А начинать весной, но не раньше апреля: ранней весной завязнут в грязи и люди и обозы. Но надо соблюдать тайну. Пожалуй, собираться так часто здесь, в замке, не следует. Времени не

терять и тотчас приниматься за сколачивание отрядов и сбор оружия.

- Об оружии я позабочусь,
   сказал рыцарь Жоффруа.
   У меня есть в Париже один оружейник, верный человек. И отлично смастерит, и доставит так, что сам дьявол не заметит.
   Я с ним не раз имел дело. Честнейший парень!
- И тайна. Строжайшая тайна. За нарушение ее смерть! заключила Агнесса д'Орбильи разговор, длившийся до самого вечера.

В этот день рыцарю Жоффруа (что рыцарю — даже его оруженосцу) были предложены лучшие кушанья и лучшие вина. На прощание ему был подарен кошель, туго набитый золотыми денье.

Агнесса д'Орбильи была довольна: по–видимому, все задуманное начинает налаживаться. Но она не столь легкомысленна, чтобы предаться беспечной радости. Надо еще многое обдумать, рассчитать, уберечь себя от возможных оплошностей. И тут же подумала: «Рыцари, король — это еще не все. А клирики? А «Божий мир»? 92 Вот они с Жоффруа и упустили это из виду! Разве это не непростительная оплошность, которую надо немедленно исправить? И гонец Агнессы д'Орбильи поскакал в город во дворец епископа.

А пока что владелица замка окружила себя гадальщицами, слывшими по деревням колдуньями; одна разгадывала сны, другая гадала по крику петуха и совы, по полету вороны. Часто беседовала наедине со своим капелланом И духовником ^{93} , отцом Гильбертом, расспрашивала про епископа, про его жизнь и привычки. Верная дочь церкви, она привержена ее служителям...

Летят на юг стаи перелетных птиц. Все чаще слышно завывание ветра в каминах. Холодом тянет из окон. Выйдешь на стену, охватит пронизывающей сыростью. Холмы, леса – все окрест утонуло в непроницаемом белесам тумане. Моросит дождь. Наступили темные, осенние дни.

Каждый день в парадном зале топят камин, зажигают факелы. Агнесса д'Орбильи со своими приближенными сидит у камина. Слушает рассказы паломников, побывавших и в великом паломничестве – в Иерусалиме у гроба господня, в Риме, в Компостелле, и в малом – у гробниц святых своей страны.

Приезжали (теперь только изредка) рыцари со своими женами. Однажды явился рыцарь Рауль и заявил, что привез с собою чудесного певца и забавника, бывшего менестреля рыцаря Ожье де ла Тура — жонглера Госелена, который, он уверен, развлечет благородную даму и ее гостей. Агнесса д'Орбильи милостиво разрешила ввести жонглера в зал.

Если бы школяр Ив увидел Госелена, он изумился бы. За короткое время службы у барона де Понфора жонглер приобрел медлительную поступь и торжественную осанку, от прежней вертлявости не осталось и следа. Фигура его располнела, лицо из продолговатого стало круглым и взгляд ранее бегающих глаз стал надменно спокойным. Все произошло так, как происходит с людьми, обиженными судьбой, голодными, холодными и внезапно попавшими в тепло и на хорошее содержание, с людьми, весь смысл жизни которых сводится к мягкой постели, к жирному куску и легкой работе. Добротное блио с вышитым на груди желтым леопардом на голубом фоне, круглая шапочка с фазаньим пером, полубашмаки из мягкой кожи довершали общее впечатление благополучия. Куда девалась угодливая почтительность его поклонов! Их заменила самодовольная снисходительность. А сам поклон походил скорее на простой кивок. Как же иначе? Госелен теперь не жалкий бродячий жонглер, а менестрель барона де Понфора. Пусть барон мертв — его менестрель жив, у него своя лошадь, свой слуга, пожалованные сеньором, и даже левретка Клошэт,

 $^{^{92}}$ «Божий мир». Так называлось установленное в X веке католической церковью запрещение междоусобных войн под страхом отлучения от церкви. Это было вызвано ущербом, наносимым торговле и земледелию монастырей и епископств.

 $^{93\,}$ Духовник – духовное лицо, принимающее исповедь одного и того же верующего.

всеми брошенная и подобранная им из жалости. Попадись теперь трувер, прогнавший его, он показал бы ему!

Из всех рыцарей, бывавших в замке Понфор, Госелену приглянулся нарядный рыцарь Рауль. Выспросив нужные ему сведения у одного из дамуазо, он узнал, что рыцарь любит искусных жонглеров, их стихи и забавы. Когда барой де Понфор был убит, Госелен явился к рыцарю Раулю и попросил покровительства. Это совпало с поездкой рыцаря к Агнессе д'Орбильи и привело Госелена к ней в качестве учтивого преподношения от рыцаря Рауля. Наконец, когда Госелен в своей песне—сказке превознес красоту и добродетели владелицы замка, «прекрасной дамы», «земного воплощения божества», и в заключение призвал рыцарей всей страны к преданному служению ей, затем стал на одно колено, из-под плаща извлек левретку и поставил ее к ногам хозяйки замка, Агнесса д'Орбильи пришла в совершеннейший восторг. Рыцарь Рауль воспользовался минутой и предложил ей оставить у себя в качестве менестреля столь одаренного сочинителя песен. Ведь он как бы перейдет к ней от самого рыцаря Ожье де ла Тура вместе с собакой.

«А может быть, и в самом деле это хорошая примета? – подумала Агнесса д'Орбильи. – Вчера гадалка посулила скорую удачу». И Госелен остался у нее в замке...

Осенние ветреные и неприютные дни сменились в середине декабря посветлевшими, тихими. Ночью и утром морозило. Замерзла река. Выпал снег. Медленными, большими хлопьями трое суток подряд усердно устилал белым покровом поля, леса, дороги, деревенские крыши, кровли замка, реку. На третий день облака растаяли, и под лучами солнца снег ослепительно заблестел многоцветными искрами. Посинели тени от холмов и лесов.

В один из таких жизнерадостных дней в морозном воздухе резко прозвучал рог у предмостного укрепления. Привратник выглянул из башни и оторопел: у рва стоял отряд всадников с копьями в руках и луками за спиной, свора огромных бородатых волкодавов, и на длинной пике развевалось полотнище с золотым крестом. Привратник крикнул дозорщику, тот опрометью побежал к сенешалу, пусть встречает мессира епископа. И, перекрестившись, сам побежал распорядиться опустить мост.

Старшая служанка вбежала в зал рукоделий, где, как всегда, ее госпожа проводила утренние часы, глядя, как огонь языками пламени съедает толстые бревна, наполняя камин то снопами искр, то дымом. Поодаль полукругом сидели служанки, прлли.

Агнесса д'Орбильи повернула голову:

- Что случилось, Жанна?
- Госпожа!.. Прибыл мессир епископ!
- Епископ?! с деланным удивлением воскликнула Агнесса д'Орбильи и, вскочив, побежала к двери.

За ней устремились старшая служанка и все остальные, побросав прялки. Они вбежали в парадный зал и увидели, как на противоположном конце его, согнувшись в низком поклоне, пятится сенешал. За ним идет человек огромного роста, широкоплечий, в кафтане, отороченном волчьим мехом, в дорожном плаще с капюшоном, у пояса — охотничий нож и короткий меч. На голове — шапка, тоже Волчья. На ногах — сапоги дорогой испанской кожи с серебряными шпорами. За ним, одного с ним роста, негр в длиннополом кафтане, с тюрбаном на голове.

Агнесса д'Орбильи не удивилась: она знала, что среди слуг епископа есть негр—невольник из взятых в плен в крестовом походе и подаренный епископу. В те времена такие подарки не были в диковину. И владелица замка, выпрямившись, торжественной походкой двинулась навстречу почетному гостю. Сенешал отошел в сторону, и епископ, ускорив шаг, пошел навстречу даме. На груди его блеснул серебряный наперсный крест⁹⁴. В нескольких шагах от нее он остановился и снял шапку. Агнесса д'Орбильи подошла к нему, наклонила голову и, протянув руки, сложенные для принятия благословения, хотела опуститься на колени, но епископ не позволил ей это, взяв за локоть. Он небрежно провел рукой крестообразно над ее головой и положил руку в ее руки. Она дотронулась губами до аметиста в его золотом перстне. Епископ тотчас прервал церемонное молчание:

Клянусь брюхом моей кастильской кобылы, благородная госпожа, не по своей вине я запоздал исполнить вашу просьбу приехать сюда. Виной тому эта презренная сволочь. Я имею в виду «добрых» горожан моего города. Они наслушались россказней о коммуне в Нойоне⁹⁶. Вздумали отобрать у меня мой собственный город и управлять им. Собрали денег и повезли королю. Но я не был дураком: перехватал зачинщиков, словил посланцев, деньги взял себе, а всех пойманных бросил в подземелья. Там... сами знаете! – И епископ расхохотался так, что загудели своды.

Агнесса д'Орбильи воспользовалась случаем:

- Я слышала, что король покровительствует коммунам?
- O! Не напоминайте мне об этом толстопузом и на оскверняйте ваших уст ненавистным для меня словом «коммуна»! Давайте лучше поговорим о том, что заставило вас написать мне.

⁹⁴ Наперсный крест – золотой или серебряный крест, который носят на груди священнослужители.

⁹⁵ Аметист – минерал фиолетового цвета. Перстень с аметистом носят епископы католической церкви на указательном пальце правой руки.

⁹⁶ Нойон – город на севере Франции, где в 1108 году была осуществлена коммуна, то есть сообщество горожан, взявших в свои руки управление городом.

Агнесса д'Орбильи пригласила гостя за стол, а сама шепнула что-то сенешалу. Тот мигом выбежал из зала. Служанки, стоявшие на коленях со сложенными на груди руками, дивились негру, разинув рты Более пожилые сразу поняли, что это не кто иной, как соблазнитель рода человеческого, то есть диавол, любящий принимать образ черноликого мавра. Они многозначительно перемигнулись, зашептали молитвы и незаметно крестились. Молодые, пересмеиваясь, перешептывались, что, если этого молодца вымыть хорошенько горячей водой, с него сойдет вся чернота и он будет даже совсем хороший.

Я думаю, – сказал епископ, – что их лучше удалить. – Он кивнул в сторону служанок.
 – Что касается этой черномазой скотины, моего Жана, то я попрошу вас, отправьте его с ними к моим людям, и пусть его там посадят к огню и покормят. Прикажите дать ему два десятка сырых яиц и два кувшина молока.

Служанки увели негра. На столе появились принесенные слугами золотые чаши, кувшины с кипрским вином, с ароматным кларетом и с водой. Серебряные миски с жареным мясом в соусе из перца и гвоздики, пироги с начинкой из голубиного мяса и вафли с имбирем и медом. Когда вино было налито в чаши, Агнесса д'Орбильи шепнула сенешалу:

— Оставьте нас одних. Мы обойдемся без слуг. Я позову тогда...

Извинившись за скромность угощения (мессир епископ приехал, не предупредив), она повела свою речь издалека. Пошел третий год, как она овдовела и всецело предалась молитвам и благочестивым размышлениям, а также благотворительности, заботе о сиротах и вдовах, как делал это и ее покойный супруг. Мессиру епископу, вероятно, известно, Что теперь она вдвойне опечалена, потеряв преданного друга рыцаря Ожье де ла Тура, обманным образом — да, да, обманным! — убитого на поединке рыцарем Рено дю Крюзье. Хотелось бы справедливости ради наказать убийцу. Но как трудно бороться ей, беззащитной вдове, за свою честь, да еще против друга и любимца короля! Ее, конечно, не оставили бы родственники и друзья убитого, если бы она попросила их. Но она все же одинока, ей не с кем посоветоваться, и она решила испросить совета и благословения мессира епископа. О! Она преданная дочь святой матери церкви и готова передать мессиру епископу любое денежное пожертвование на его богоугодные дела...

Говоря, Агнесса д'Орбильи не забывала подливать вина в опустошаемую епископом чашу. Он выпивал ее одним залпом, не разбавляя водой.

Если бы не наперсный крест и не аметист на указательном пальце правой руки, нельзя было бы признать в этом человеке служителя церкви. Очень темное от загара бритое лицо с резкими и крупными чертами казалось высеченным из камня. Горбатый нос, прижатый к тонким губам, квадратный подбородок, выдающиеся скулы, густые сросшиеся брови, мешки под холодными серыми глазами. До плеч прямые пряди волос, черных с проседью Очень широкие кисти рук, обросшие волосами. Под синим шелком рукавов и груди угадывалась огромная сила.

Епископ ел молча. Раздирал руками куски мяса и громко жевал. Макал хлеб в соус. Вытирал губы рукавом и то и дело пил вино. Всецело поглощенный едой, слушал Агнессу д'Орбильи с выражением человека, разгадавшего с первых слов собеседника весь его нехитрый замысел. Изредка кивал головой, давая понять, что соглашается, и одобрительно промычал, когда дело коснулось денежного пожертвования. Покончив с мясом и пирогами, он вытер руки о край плаща и принялся за душистый кларет и вафли. Затем хлопнул ладонями по столу, оперся на них и поднялся.

- Вы уже уезжаете?! воскликнула Агнесса д'Орбильи, всплеснув руками. А я хотела предложить вам послушать моего нового менестреля.
  - Я не любитель такого рода развлечений. У меня свои.

– Охота?

– Вы угадали. Не возвращаться же мне домой без волка или кабана! Зовите людей, пусть приведут моего Жана. Тут остался кларет, угостите его... Да, чуть было не забыл! Если пожелаете сделать пожертвование на нужды церкви, пришлите деньги в город моему казначею, отцу Винсенту.

- А что же с вашим советом о моих...
- O! Да-да-да-да. Конечно. Если обман доказан, я не могу противиться справедливому наказанию.
  - А как же быть с «Божьим перемирием»?
- Найдем предлог... Не впервые, буркнул епископ, а когда Агнесса д'Орбильи упала на колени и протянула руки, прося благословения, епископ осенил ее крестным знамением, одновременно сказав: Пути господа неисповедимы, и милости его нет границ! И с циничным смешком прибавил: Вот так-то, моя прекрасная дама... Зовите слуг. Надо, черт возьми, пользоваться хорошей погодой!...

Епископ уехал. В парадном зале было холодно, и Агнесса д'Орбильи приказала подать ей еду в зал рукоделий – при епископе она ни до чего не дотронулась. Устроившись у пылающего камина, она предалась размышлениям. Сначала о высоком госте. Кто он? Слуга господень? О нет! Разбойник с большой дороги. Купеческие караваны объезжают его город за тридцать лье. Говорят, что его негр Жан – палач в подземельях дворца. Вздор! Какой там негр! Он сам пытает. А в свободное от этих милых занятий время – пиры, охота, собаки, лошади. Не прочь и посражаться с кем-либо из баронов. Он еле умеет читать, а писать – только свое имя. Не умеет служить простой мессы. Какой он епископ! Если набор людей для войны с дю Крюзье пойдет удачно, то знамя епископа только украсит войско! «Там король, а у нас епископ. Вот забавно!»

Камин, еда, чаша кларета и радужные мысли об успешном ходе своих дел согрели Агнессу д'Орбильи. Она приказала служанке сбегать за менестрелем. И, когда явился Госелен, заставила его повторить ту самую песню—сказку, которую он пел, приехав в замок с рыцарем Раулем...

Зима затянулась, и только в середине марта появились признаки весны. Выйдя на стену, Агнесса д'Орбильи увидела аиста, разгуливающего по затопленному берегу реки, и услышала радостную песнь жаворонка где-то высоко—высоко в безоблачной синеве. Всюду — и там, на лугу у дальнего холма, и там, где дорога идет вдоль опушки леса, и там, у самой деревни, — всюду вода отражает синеву неба. И ров у замка полон до краев этой синевой. Наконец весна!

Чуть успели просохнуть дороги, как снова во все стороны поскакали гонцы Агнессы д'Орбильи. И снова первым прилетел Старый Орел Жоффруа.

Он пыхтел, отдувался, пил вино, хлопал себя по животу, клялся, рассказывая об успехах набора людей и сбора оружия. Вместе со своим оружейником он соорудил потайные склады в разных местах, такие, «что сам дьявол их не найдет». Всё налаживается наилучшим образом.

— Теперь дело за этим «добряком» королем. Положим, мы поговорим с ним, когда война начнется, он будет тогда посговорчивей. Восемнадцать отрядов на конях, да столько же отрядов лучников, да, как вы говорите, люди епископа заставят Людовика призадуматься! Xa—xa!

И Старый Орел залился громким смехом.

Вы позабыли еще одно, очень важное и до сих пор не решенное дело, – сказала
 Агнесса д'Орбильи. – Кто из рыцарей станет во главе войска? Я хотела, чтобы это были вы, сир Жоффруа. – И она протянула ему руку для поцелуя.

Старик вскочил и, пыхтя, нагнулся к ее руке.

- Вы оказываете мне незаслуженную честь. Среди наших друзей есть рыцари родовитее меня.
- Передайте всем рыцарям это мое желание. Пусть они соберутся и решат. Скажите им, что я уверена в их благосклонном отношении ко мне, одинокой вдове, и напомните им, что покойный их родственник и друг, благородный Ожье де ла Тур, носил на своем щите мой знак...

Пришел долгожданный апрель. В саду замка цвели миндаль и вишня. Все приготовления были успешно закончены. Рыцари согласились признать Старого Орла

начальником войска. Честь открытия военных действий была пре«доставлена Агнессе д'Орбильи.

Она собрала всех гадалок. Несколько дней они гадали по звездам, по крику петуха, по полету вороны, разгадывали сны. Из дальней деревни была привезена грамотная женщина, умевшая читать гадательную книгу. Наконец, получив десятки благоприятных предсказаний, Агнесса д'Орбильи решила обратиться к своему духовнику. Она не открыла ему тайны задуманного, а только просила благословения предпринять в этом месяце «очень важное дело», от успеха которого зависит ее дальнейшая судьба. Священник решил, что дело идет о вторичном замужестве его духовной дочери, припомнил латинский язык и сказал, что слово «апрель» происходит от латинского «арегіге», что значит «отверзать», а вместе с тем и «достигать». Следовательно, предпринятое в апреле намерение должно увенчаться несомненным успехом. Ободренная гаданиями и благословением духовника, Агнесса д'Орбильи отдала распоряжение рыцарю Жоффруа начать войну.

Так по прихоти взбалмошной, хитрой и злой женщины началась кровавая бойня, принесшая неисчислимые беды, разрушения, страдания и смерть ни в чем не повинным простым людям целой округи.

Глава XVI ПРИШЕЛ ЧАС

Ив не увидел своего отца. Дю Крюзье на следующий день после суда уехал на охоту, на отдав распоряжения об освобождении узника. Отец Гугон узнал, что Жирара бросили в то же подземелье, и мучения и без того истощенного Эвариста усугубились присутствием человека, оклеветавшего его и повергшего в несчастье. Священник умолял жену рыцаря Рено собственной властью освободить Эвариста. Но она отказалась, сказав, что не может преступить клятву в покорности воле мужа. Дю Крюзье вернулся через неделю. Дозорщики, по его приказу спустившиеся в подземелье, чтобы привести Эвариста, нашли его там мертвым. Дозорщик, светивший фонарем, увидел на шее трупа кровоподтек — след удушения. Жирар сидел в дальнем углу, закрыв лицо руками, и на вопрос, кто задушил Эвариста, ничего не ответил и рук от лица не отнял.

Сообщив Иву о смерти Эвариста, священник скрыл эти ужасные подробности. Ив принял горестное известие, давно им ожидаемое из-за тяжелой болезни отца, как неизбежное, но ускоренное ничем не оправданной жестокостью сюзерена.

Через три дня, напутствуемый благословением и наставлениями отца Гугона усерднее изучать науки и продолжать усовершенствоваться в письме — и то и другое откроет ему дорогу в жизнь, — обняв доброго учителя, постояв на деревенском кладбище у холмика свежей земли с низеньким, грубо сколоченным деревянным крестом, Ив пошел обратно в Париж. Позади осталась родная деревня. Так нерадостно встретила она Ива и так грустно проводила. Остались отец Гугон и слепая Жакелина да еще ветхая лачуга с заколоченной дверью и совсем позабытым в ней котом Рагоном.

Поздняя осень. Париж окутан синей дымкой. Издали о холма не отличить, где река, а где дорога. Не видно ни монастырских мельниц, ни городских печей. Замок Малого моста возник вдруг и словно повис в воздухе. Еще долго до вечера, а уже где-то светится огонек Ив ловил себя на том, что радуется при мысли скоро увидеть знакомых людей, понимал, что эти люди стали ему близкими и большинство из них хорошие и благодаря им Париж стал для него вторым домом.

У ворот мостового замка толпился народ. Поперек дороги стояла тележка с корзинами, укрытыми сухими листьями, запряженная ослом. Бойкая крестьянка, владелица тележки, сыпала словами, доказывая что-то, то упирая кулаки в бока, то тыча ими в нос королевскому сборщику. Тот в ответ выкрикивал ругательства, ухватив осла за уздечку. Рядом стояла повозка с дровами. Дровосек кричал, чтобы скорей пропускали в город, а его собака, стоя на Поленнице, истошно лаяла, топорща шерсть. Кругом них с выкриками и свистом шныряли

мальчишки.

Сквозь эту шумную сутолоку Ив с трудом добрался до ворот.

На мосту – почти никого, туман и дым из труб, холодно. Люди, завернувшись в плащи, нахлобучив капюшоны, спешили к своим очагам. «Железная лошадь» была полна народу. Шумели игроки в кости. Пьяный голос тянул песню. Хохот, брань вперемежку. Хозяин, увидев Ива, бросился к нему навстречу, перекрывая шум своим громоподобным голосом:

- А-а! Вот он, наш школяр Ив! Сюзанна! Сюзанна! Смотри, кто вернулся! Что я говорил!..
  - Ничего вы не говорили! крикнула, подбегая, Сюзанна.
- Замолчи! Не омрачай его радости вернуться наконец в лоно «Железной лошади»! Клянусь, не дождаться февраля месяца, если я не отпущу ему сегодня даром кувшин гренадского!

С этими словами он охватил ручищей шею Ива, прижал его к себе и чмокнул в голову.

Сюзанна стащила с Ива дорожный мешок и с раскрасневшимся лицом, с блестевшими радостью глазами взяла его за руку:

– Идем скорей к магистру Петру, пока он не улегся спать.

Когда подошли к лестнице, Сюзанна тихо сказала:

– У него и переночуешь. Он позволит, я знаю...

На лестнице было темно, но в щели под дверью был Виден свет. Прежде чем постучать, Ив приложил ухо к двери и услышал тихие шаги. На стук ответил тонкий голос магистра Петра:

Кто там?.

Стукнула отодвинутая задвижка, и дверь осторожно приоткрылась, пропустив свет светильника.

- O! — воскликнул магистр. — Ave, prior discipulus meus! Входи, входи... Я собирался лечь спать. Садись вот сюда и расскажи, как путешествовал. Что старик Гугон? Хочешь курицы? Ешь, ешь, наверно, проголодался.

Ив не отказался.

Магистр Петр внимательно выслушал рассказ Ива о поединке барона де Понфора с дю Крюзье, о суде божьем, о смерти отца и о наставлениях священника.

— Да, бессмысленны и мерзостны эти поединки и турниры нашей знати. Свет истинной науки не скоро еще отточит тупой разум этих господ. Не помогут и проповеди клириков, зачастую принимающих участие в их походах и войнах. Мало того — благословляющих господ на эти дела. Мерзок и жесток и дю Крюзье, как большинство их.

Магистр отнесся сочувственно к тяжелым переживаниям Ива, старался утешить его.

– А старик Гугон верен себе: человеколюбив, как подобает слуге бога, и разумен, как добрый ученый. Он прав: искусное чтение и превосходное писание определяют достойного человека. Я не сомневаюсь, что ты преуспеешь и в науках и в письме, станешь действительно scribtor egregius 98. Смотри, если бы не искусство переписывания, ты умножил бы собою толпу несчастных бродячих школяров, просящих милостыню у наших церквей и таверн. Или, хуже того, связался бы с такими, как Алезан и его прихлебатели, которые научили бы тебя иной «науке» – обманывать, играя в кости, воровать и пьянствовать. Благодаря Гугону ты научился грамоте латинской, и счету, и молитвам. Теперь постигнешь грамматику, риторику и диалектику, а там и астрономию с геометрией, музыку и потрудишься к великой славе семи свободных искусств!..

Магистр Петр еще долго говорил, поучая Ива и шагая по комнате босиком Иву стоило немалых усилий не зевнуть громко. Веки слипались, вот—вот заснет сидя. Магистр заметил

⁹⁷ Здравствуй, мой лучший ученик! (лат.)

⁹⁸ Превосходный писец (лат.).

– Пожалуй, нам пора спать... Да, вот еще что: я уговорился с аптекарем Амброзиусом, что он пустит тебя снова ночевать к себе, иначе я не стану покупать у него травы и настои. Иди к нему завтра. А теперь ложись.

Магистр произнес это, сидя на кровати и стягивая штанину.

– Я тушу светильник. Эти подлецы торговцы гарным маслом дерут втридорога.

И уже в полной темноте продолжал:

— Скажешь аптекарю, чтобы прислал мне меду. Прекрасное средство для питья и для втирания в больные места тела. Это свойство меда было известно древним. Греки уверяли, что пчеловодству научил людей Аристей, сын бога Аполлона...

Что говорил дальше магистр Петр, Ив не слыхал – он крепко спал.

Все чаще и чаще шли дожди, все реже проглядывало солнце. Прохожие, скот, лошади месили на мосту глубокую грязь, комья ее от колес повозок летели в стены домов Потом осенняя стужа, слякоть и сильный ветер сменились заморозками и январским снегом. Стало веселей от солнечных дней, белых полей, синего неба и прозрачности воздуха. Сена и Бьевра радостно заискрились.

Школа магистра Петра поместилась на зимнее время в верхней комнате таверны «Белый вол», на другом конце моста Уроки нередко прерывались шумом драк и непристойными выкриками пьяных мужчин и женщин в таверне. Магистр в отчаянии закрывал уши ладонями и бегал взад и вперед по комнате, сознавая свою полную беспомощность.

Ив был прилежен в учении и в переписывании для магистра Петра и для монаха отца Иннокентия. И аптекарю не на что было жаловаться — Ив приходил ночевать вовремя и платил аккуратно. А если оставался ночевать у оружейника Симона, то предупреждал об этом сира Амброзиуса.

В семье оружейника Ив нашел прежнее радушие. Эрно обрадовался Иву, хотя и упрекал сначала за исчезновение после поединка рыцарей. Симон и его жена приняли близко К сердцу злоключения Ива. Они сказали, чтобы он каждый день приходил и обедал с ними.

– У нас на всех хватит, – сказал оружейник, – у меня, слава господу, сейчас работы вдосталь. А про твоего пройдоху марсельца с его ржавой лошадью я и слышать не хочу!

У Симона действительно было много работы, это Ив видел. Все помещение лавки и мастерской было завалено грудами мечей, копий, шлемов, кольчуг, алебард, луков. С утра до вечера, а иногда и до поздней ночи слышалось сипение мехов, удары молотов, визг обтачиваемого железа. Кроме Эрно, оружейник принанял двух подмастерьев. Ива поразило, что никого постороннего в дверь с моста не пускали и, когда стучавший говорил, что хочет видеть хозяина, отвечали, не открывая двери, что оружейного мастера нет дома. А вместе с тем то и дело, чаще всего в сумерки, раз* давались четыре – всегда четыре – негромких стука в крышку люка, того самого, что вел прямо к воде. Люк от* крывали, и оттуда выходили какие-то люди, с виду простыв вилланы или рыбаки. Молча проходили они за Симоном в мастерскую или лавку, говорили там еле слышно. Обратно несли, по-видимому, оружие, тщательно завернутое в полот» но и перевязанное лыком. Раз пять-шесть ходили они туда и обратно, носили эти тюки и так же, не сказав ни слова, исчезали. Несмотря на темноту, никто не светил им фонарем, и люк за ними тихо опускали и запирали. Ив несколько раз видел таких людей, они не всегда были одними и теми же. Странно было и то, что ни Симон, ни Эрно, ни Мадлена (подмастерья уходили засветло) ни словом не обмолвились об этих людях. Ив понимал одно: не хотят говорить, значит, так надо и нечего приставать с расспросами.

В конце концов, не все ли равно Иву, что это за люди и кому понадобится столько оружия? А что Симон хорошо зарабатывает, тем лучше для него, честного, хорошего человека, для его доброй Мадлены и для Эрно, которому оружейник стал платить жалованье раньше полагающегося годичного срока.

К концу февраля посещения «таинственных» людей прекратились, дверь на мост открывали всем, и заказчики стали приходить в лавку, как раньше. В мастерской стало тише,

подмастерья были отпущены.

Симон и Мадлена уговорили Ива отказаться от ночлега у аптекаря, а ночевать у них в лавке, где он с наступлением вечера, когда лавку запирают и закрывают ставни, может сколько хочет заниматься переписыванием.

- Хоть всю ночь пиши, - сказал Симон, - и светильник тебе дам, только масло теперь покупай сам.

Ив сказал было, что будет мешать, но Симон перебил его:

 Кому мешать? Моим безголовым рыцарям, что висят по стенам? Или мышам под полом? Не выдумывай глупостей.

Ив был доволен. Вот и исполнилось предсказанное отцом Гугоном: искусство письма «открывает дорогу в жизнь». Только не сворачивать с нее, и от хороших людей не отставать, и самому быть таким, как они. Подальше от харчевен, от богатых школяров и их дружков.

В тусклое от снежного вихря мартовское утро, когда зима упрямо старалась пересилить уже пришедшую весну, в дверь лавки кто-то дробно застучал. Симон работал в мастерской.

 Пойди открой, – сказал он Иву, который собирался идти в школу и свертывал свитки, переписанные для магистра Петра.

Снег с такой стремительностью кружился и несся, что Ив не мог рассмотреть, кто стоял у двери на мосту, весь с ног до лица, спрятанного под капюшоном, облепленный мокрым снегом.

К Иву подошел Симон:

– О! Да это Фромон! Тебя и не узнать. Входи скорей, согрейся!

Увидав Ива, Фромон сощурил глаза:

- И как тебе не стыдно было удрать тогда от нас?
- От Фромона сильно пахло вином. Пошатываясь, он долго топал ногами о порог. Наконец перешагнул:
- Плохо ты меня знаешь, мой дорогой Симон. Ну, каким же надо быть дураком, чтобы в такую бесовскую пургу, попав на Малый мост со стороны Орлеанской дороги, не зайти тотчас в «Железную лошадь» и не выпить кружку гренадского!
- Понимаю, ты уже грелся. Но, однако, от «Железной лошади» до нас расстояние порядочное, и, пройдя его в такую «бесовскую пургу», надо быть дураком, чтобы отказаться выпить оксеррского ⁹⁹ в лавке Симона–оружейника!
  - Сдаюсь.
  - Что? Признаешь себя дураком?
  - Нет, наоборот, я не отказываюсь выпить оксеррского.
- Вот это другое дело. Ив, ты знаешь, где ключи от кладовки, достань нам кувшинчик вина. Мадлена ушла на рынок сегодня пятница, а твоего племянника я послал на бойню раздобыть бычачьих жил для луков.

Ив принес вино и ушел в школу. Там было очень холодно – комната не отапливалась. Ученики, жившие далеко, не пришли из-за пурги. Магистр Петр, позанимавшись час, решил отпустить всех домой.

Ив вернулся и был удивлен: Эрно, открывший ему дверь, тотчас приложил палец ко рту и шепнул: «Тише!» И потом — тишина, совсем необычная. Ни звука в мастерской, ни шагов Мадлены, ни ее возни с посудой. Так тихо, что слышно потрескивание поленьев в очаге. Эрно отвел Ива подальше от двери в мастерскую и стал шептать на ухо:

— Дядя Фромон пришел. Симон ему вина дал, он уже выпивши был, ну и охмелел совсем. Его спать уложили... Но беда в том, что дядя наплел что-то такое, отчего Симон рассердился. Тетушка Мадлена его спрашивала, а он только отмахнулся и ушел в мастерскую... Дядя всегда так: напьется и наболтает чего не надо. Вот, право, какой...

Симон сидел в мастерской на скамейке спиной к двери, опустив голову на руки. Когда

⁹⁹ Оксеррское – одно из бургундских вин.

проходили, не обернулся.

В этот день обедали позднее обыкновенного, и, к удивлению Мадлены, Симон приказал принести кувшин вина и пять кружек:

– Хочу, чтобы все пили.

Выспавшийся Фромон одобрительно отнесся к этому распоряжению, вероятно в расчете на третий кувшин. Задымились миски с луковым супом и жареная свинина с соусом из красного перца. От вина Фромон опять обрел обычную разговорчивость и начал рассказывать свои любимые веселые и злые истории про черных монахов, про графов и баронов. Симон перебил рассказчика:

— Знаешь что, Фромон? Полдня я думал о твоем утреннем рассказе и решил: ты расскажешь его второй раз, сейчас. Ив помнит замок Понфор, видел поединок рыцаря Ожье де ла Тура с Черным Рыцарем, многое испытал от обоих. Пусть же послушает продолжение всей этой истории. Помнишь, я сказал тебе: «Пускай Ив лучше не знает об этом». Вздор! Он должен знать...

Вот о чем рассказал Фромон в тот мглистый мартовский вечер:

— Наши черные монахи разносят по большим дорогам из таверны в таверну слухи и сплетни, собранные ими со всего королевского домена и соседних графств. А с их легкой руки паломники несут эти слухи во все стороны до морских берегов и за моря. С одним из таких монахов я и встретился с месяц назад в таверне на Орлеанской дороге. Сперва он молчал и все вертелся и приглядывался, кто сидит за столами. А когда мы с ним выпили по три кружки, он подсел ко мне поближе и развязал свой язык. Говорил негромко, продолжая оглядываться. Я понял, что он все кого-то остерегается, а говорил он вот о чем. Рыцари, родственники нашего барона, убитого на поединке, затевают войну с его соперником сиром Рено дю Крюзье, и война должна вот—вот начаться Отрядов собрано уже тьма—тьмущая И клялся телом святого Бенедикта, что слышал от одного орлеанского купца о посылке людей к королю с просьбой охранить купеческие караваны по дорогам в Париж и дальше на север, во владениях воюющих сеньоров, от нападений и разграбления отрядами рыцарей.

Фромон отхлебнул из кружки вина и вытер губы рукавом.

- Слушаю и думаю: вранье плетешь, отец преподобный. Какая такая война, если в замке Понфор об этом не слыхать? Правда, заброшен и опустел наш замок, приближенные барона уехали, слуги и работники поразбрелись по деревням и в город, мой капеллан брат Кандид перебрался в монастырь к святым отцам бенедиктинцам. Лошадей и псарей с собаками перевел к себе рыцарь Жоффруа де Морни, а хорьков я сам выпустил из клетки Теперь разгуливают по всему замку, растолстели, как свиньи, нажрались крыс... А все-таки, думаю, должны бы мы услышать, если война...
  - Невесело тебе одному в замке, сказал Симон.
- Я не один привратник остался, два дозорщика да старик повар. Будем ждать, как решат наследники барона, кому замок достанется.

Фромон снова отхлебнул вина.

- Так вот, послушай-ка, Ив, что дальше вышло, совсем недавно. На дороге из Корбейля в Париж я встретил твоего дружка — жонглера Госелена. Он теперь у нашей «дамы сердца» госпожи Агнессы д'Орбильи. Растолстел, на хороших хлебах разъелся, румяный, должно быть, угождает хозяйке. А ведь он, скажу тебе, дрянь препорядочная. Ну так вот, узнал меня и давай лебезить: и самый-то я хороший из всех в замке Понфор, и ах как жаль ему убитого барона, и как он сочувствует бедной дочке маршала, а тебя ужасно жалеет, и куда ты только девался, придумать не может, если бы нашел, тотчас бы устроил тебя в замок д'Орбильи.

Слушал я его, слушал да и говорю: «Вот что, дружок, строил бы ты свои сирвенты да фаблио 100 сам, а Ива оставь в покое. Ведь ты втравил его однажды в историю, чуть было не погубил совсем — добрые люди нашлись. А я знаю всё, как ты наплел тогда рыцарю Рамберу

¹⁰⁰ Фаблио – сатирический рассказ в стихах.

про Ива...» Тут он сразу съежился и давай меня вином угощать. А я думаю: давай-ка его спрошу, правда ли, что те рыцари войну затевают. А он, не знаю, от моих ли слов или от вина, возьми да всю ихнюю тайну и открой. А тайна, мой дорогой Ив, страшная. В замок д'Орбильи частенько жалует рыцарь Жоффруа де Морни, родственник покойного барона, и ведет тайные беседы с хозяйкой замка. Госелен и подслушал две-три такие беседы Оказалось, мой монах в таверне говорил сущую правду: собраны отряды конных рыцарей и лучников огромное число, и всё это должно вот-вот нагрянуть на домен сира дю Крюзье, осадить его замок и истоптать его поля, сжечь деревни...

Ив не мог удержаться от возгласа:

- Деревни сжечь?
- Да, поля истоптать, а деревни сжечь. Они всегда так: Какое им дело до беззащитных вилланов! Рыцарь Жоффруа, он у них начальник над войсками, похвалялся, что заготовил потайные склады запасного оружия под самым носом у дю Крюзье в каком-то мерлеттском лесу...
  - Мерлеттском?

Ив оперся руками о скамью и потянулся к Фромону. Симон заметил это движение и толкнул Мадлену локтем, кивнув на Ива.

- Да, есть в тех местах где-то, Госелен говорил, да я толком не разобрал, какие-то угольные ямы внизу за какими-то орешниками... Вот, мой дорогой Ив, и вся история.
- Нет, не вся еще! Симон ударил ладонью по столу. Для меня все ясней и ясней становятся хитрости и подлости наших сеньоров рыцарей. Ты знаешь, Ив, про оружие, которое я делал и продавал и как продавал. Так вот, весь заказ на него и все расчеты велись со мною через монаха. Почему через монаха, спросишь? Чтобы еще больше скрыть правду. Монах уверял меня, что оружие готовится благочестивыми рыцарями для крестового похода в Пале—стину, значит, моя работа угодна спасителю, за чей гроб они... проливают свою кровь в борьбе с сарацинами. Он говорил, что оружие на лодках отправляют вверх по Сене, за город Труа в Шампани. А теперь я думаю, что монах врал все а оружие это пойдет на их проклятую войну...
  - Постой, постой! перебил его Фромон. Как звали монаха?
  - Гильберт.
  - Гильберт? О–о! А ну-ка, скажи, каков он из себя?
  - Еще молодой, невысокий...
  - Рыжий?
  - Да.
  - Нет ли у него родимого пятна на левой щеке?
  - Не помню, на какой, только есть.
- Он самый! воскликнул Фромон Гильберт, духовник Агнессы д'Орбильи, приятель нашего Кандида. Он, он, правильно. Всё свои!

Симон глубоко вздохнул:

— Знал бы я раньше, ни за что не взялся бы мастерить оружие на погибель наших людей, в угоду этим...

Симон поставил локоть на стол и, положив голову на руку, задумался. Все молчали. Фромон допивал вино. Мадлена встала и, подойдя к мужу, положила руку ему на плечо. Эрно испуганно глядел то на одного, то на другого. Ив думал: «Почему Симон сказал: «Не надо, чтобы Ив знал», а потом: «Он должен знать»? И почему я должен знать про войну?»

Фромон наклонил голову набок и прищурил глаз и, как тогда на нижнем дворе замка Понфор у клетки с хорьками, крикнул:

– У–у-у! Кровопийцы!

И оглянулся, будто испугавшись кого-то. Потом с трудом поднялся, видимо опять охмелев:

– Пойду... лягу...

И ушел, держась за стену и тихо напевая:

«Ведь надеты не с той стороны На величестве вашем штаны». — «Это верно, — король отвечает, — Их на место надеть подобает...»

... Прошло недели две. Наступил радостный апрель, предвестник долгих теплых дней. Умчались туманы. Полноводная Сена отражала яркую зелень холмов и лесов, нежную голубизну неба с легкими белыми облаками. Поля на ее берегах огласились песнями жаворонков, в садах щелкали соловьи. Дороги быстро подсыхали. У ворот замка Малого моста, со стороны берега, раздавались говор, громкие споры, брань, песни, скрип повозок, мычание коров, ржание лошадей, шум обычной сутолоки. Рано утром на берегу розовым дымом курились городские пекарни, на водяных мельницах бойко стучали молотки наладчиков колес. На реке во всех направлениях с песнями и товарами плыли лодки, и церковные колокола веселым перезвоном звали своих богомольных прихожан. Малый мост был похож на праздничную ярмарочную площадь пестротой одежд, громкими выкриками уличных торговцев, песнями и шутками жонглеров. Горожане смешались с крестьянами, с монахами, с паломниками, клириками и философами. Не обходилось и без драк напившихся в тавернах, и мостовой страже приходилось разнимать и даже уводить в тюрьму замка разбушевавшихся. О мальчишках и говорить нечего — они шныряли в толпе, горланили песни. Вот что наделал апрель!

Весь этот шум, все веселье проходило мимо Ива. Он не замечал их, они не были нужны ему. С того вечера у оружейника, когда Фромон рассказал о войне, Ив был сам не свой. Что же ему делать? Оставаться в Париже, учиться и переписывать книги? А что там, в родной деревне, где могила отца, где учитель Гугон, где несчастная Жакелина, где все деревенские? Он ведь тоже ихний. Может быть, он должен быть там и помочь им? Как помочь, чем? А может быть, надо остаться, учиться и забыть про деревню?.. Нет! Он не может, не может забыть!

Вот так, и днем и ночью, всё думал, думал. Он чаще стал заходить в таверну «Железная лошадь», чаще видеться с Сюзанной. Чаще стал спрашивать ее, не был ли кто из Крюзье или Мерлетты, но не говорил ей о войне, не хотел пугать — а может быть, это всё придумал взбалмошный Госелен? Как было бы хорошо, если бы это действительно наврал жонглер...

Но пришел час, решивший судьбу Ива. Это было воскресное утро. Ив вошел в «Железную лошадь». Таверна была переполнена, стоял шум и гомон пьяных голосов. Увидав Ива, Сюзанна бросилась к нему навстречу. По ее необычно бледному лицу, испуганным глазам и дрожащему голосу Ив понял, что стряслась беда Какая, с кем? Сюзанна схватила его за руку и потащила в глубь таверны, за стойку. Там на скамейке сидел какой-то человек.

– Вот он, – торопясь, прерывающимся шепотом говорила Сюзанна, – он говорит, у нас – он из Мерлетты, – у нас война, из Мерлетты все ушли в лес...

Дальше Сюзанна говорить не могла. Концом фартука она закрыла лицо и, заплакав, убежала.

Этого человека (его звали Проспер) прислала мать Сюзанны, его родственница, сказать, что вилланы Мерлетты все ушли в лес, узнав о приближении рыцарских отрядов для войны с сеньором дю Крюзье. Ушли и вилланы Крюзье, предупрежденные их священником, который ушел вместе с ними. Сейчас Мерлетта и Крюзье с замком окружены кольцом войска Большая Орлеанская дорога перерезана рыцарями. Купцы, объезжавшие мерлеттский лес стороной, видели, что Мерлетта и Крюзье горят. Люди говорили в тавернах, что сеньор дю Крюзье узнал заранее о войне и успел потайным ходом ввести в замок человек пятьсот-шестьсот и вооружить их, да и в замке было сто человек. Продовольствия там хватит месяцев на восемь-десять. Когда нагрянул первый отряд, никого уже в деревнях не было. Вилланы запаслись чем могли. Ушли глубоко в леса, в мерлеттский и орлеанский. Продовольствие добывают, а вот оружия нет никакого. Ни от зверей, ни от рыцарей. Из

других деревень тоже пришли. Человек набралось порядочно, тысяча, пожалуй, будет. Понаделали рогаток дубовых, взяли с собой кто топоры, кто вилы, у некоторых луки. Но мало этого, да где взять оружие?

- А не раздобудем всем погибать, пощады от рыцарей не жди!
- Этих слов было достаточно, чтобы Ив решился:
- Я знаю, где добыть оружие!
- -Ты?
- Да, я знаю. Пойдем к Сюзанне.

Втроем в тесной и темной каморке Сюзанны они до полудня решали, что им делать Ив сказал, что знает дорогу к тем угольным ямам, где спрятано оружие, и что надо как Можно скорее пойти туда и убедиться, там ли еще запасы оружия. Сюзанна не колебалась.

– Я должна разыскать свою мать и быть с ней. Я иду с вами!

Сюзанне поручили запастись съестным дня на четыре и мешками. Ив дал ей часть денег, накопленных переписыванием. Решили уйти в тот же день.

– Вот еще что, – сказал Ив, – ты, Сюнанна, ничего не говори своему болтуну хозяину. Я скажу одному только Симону. Соберемся снова здесь, а выйдем отдельно с моста на дорогу и некоторое время будем идти порознь, не теряя друг друга из виду. А в дороге, в деревнях, в тавернах – будто не знаем друг друга, и никому, никому ни слова. Понимаете, ни слова ни о Мерлетте, ни о Крюзье, Вообще деревень никаких не называть Вы будете говорить, что идете из Парижа в Орлеан искать работы, а я иду туда же искать другого магистра.

Так они и сделали.

Глава XVII ГРОЗА

Лучи низкого заходящего солнца, пронизывая лес, разрисовали деревья узорами светотени, и стволы стали кружевными, прозрачными. По мере того как солнце уходило все ниже, кружево стволов блекло. Отблески вечерней зари потухали одив за другим, лес погрузился в синие сумерки и сразу стал неприютным. Потянул сырой ветерок, и листья деревьев начали загадочно нашептывать, словно предостерегая о чем-то таинственном, неведомом.

- Развести костер? сказала Сюзанна. Зверей отпугнет, а людей? Бог их знает, какие люди увидят огонь, учуют запах дыма.
- Потерпим. Ночь светлая, отвечал Проспер, Я знаю эти места. Если с рассветом двинемся, скоро выйдем на дорогу в обход мерлеттского леса, а там, после полудня, придем к лесу, где наши.

Вторые сутки, как Ив, Проспер и Сюзанна ушли из Парижа. Всё было знакомо Иву – в третий раз шел он Орлеанской дорогой. Даже встречные крестьянские повозки и тележки, вьючные ослы, вереницы паломников, монахи, рыбаки на берегу рек, казалось, были те же самые. Только он, Ив, был другим. Тревожно было на душе. Что ждет впереди, сможет ли он исполнить задуманное? Он укажет место угольных ям, а дальше? Уйдет обратно в Париж или останется со своими деревенскими и вместе с ними будет скрываться в лесах? Сколько – год, два? В пути на остановках Ив прислушивался к тому, что говорят люди, приглядывался к выражению лиц и ничего не услышал, ничего не увидел такого, что говорило бы о войне. Возле одной из придорожных таверн, помня слова Фромона, он слушал россказни черного монаха. Монах болтал о каком-то рыцаре в графстве Гин, который устраивал для народа по праздникам на дворе своего замка кулачные бои и травлю медведя собаками. Странно, что он говорил о далеком графстве и молчал о том, что творится тут, совсем близко. Может быть, боялся кого-нибудь, а может быть, считал, что война между рыцарями дело обычное и беспокоиться об этом должны только люди, близкие к этим рыцарям, – их сервы и вилланы или вассалы и монахи монастырей, находящихся в их доменах? Только одно утешало Ива в тревожных помыслах: встреча с отцом Гугоном. Все будет зависеть от его советов. Ив верил

в дружеские чувства своего старого наставника, в его житейскую мудрость. Только бы скорее разыскать его!..

Когда чуть забрезжило утро и они, не дойдя нескольких лье до Шартра, свернули с Орлеанской дороги на заросшую травой проселочную дорогу, уходящую на восток, все трое долго шли молча, словно это безлюдье и эта трава, казавшаяся ковром после утоптанной и укатанной большой дороги, и тишина, нарушаемая еле слышным щебетом проснувшихся птиц, погрузили их в мир сосредоточенного, невеселого раздумья о войне, о близких, о том, что ожидает каждого из них. А утро было безоблачное, розовое, жизнерадостное, напоенное душистыми запахами трав, дорога блестела росой. У леса в овражке плескался ручей. Вышедший к нему на водопой олень, завидев подходивших, метнулся обратно в лес и спугнул двух диких голубей, которые потом долго кружили над дорогой.

Солнце было высоко, когда дорога привела их на холм, в дубовую рощицу. Старые развесистые деревья стояли поодаль одно от другого в высокой траве, пестревшей цветами. На верху холма, в тени широковетвистого дуба, бил из земли родник.

- О, как хорошо! крикнула Сюзанна, сняла со спины мешок и, став на колени, зачерпнула ладонями воду, умыла лицо. – Какая холодная! Здесь и отдохнем, поедим. Снимайте мешки!
  - Подожди. Пойдем, Ив, вон туда.

Проспер взял Ива за руку и повел.

– Вот, смотри.

Они стояли над западным склоном холма. Под ними расстилались поля, леса, дорога, по которой они пришли сюда.

- Видишь самую дальнюю полосу леса? Это мерлеттский лес. Видишь, как мы его далеко обогнули? Теперь смотри в ту сторону, куда мы пойдем. Во—он там, за тем холмом, церковная башня; за ней, в самой—самой дали, лесная полоса это начало орлеанского леса, там наши. Вот теперь и прикинь, сколько времени понадобится, чтобы добраться оттуда до мерлеттского леса и в случае, если раздобудем оружие, сколько придется навьючить лошадей. Не забудь, что все это надо сделать ночью. Ты говорил мне, что овраг, где ямы, выходит из леса как раз сюда, на восток. А вот лошади пройдут ли в нем навьюченными?
  - Пройдут он широкий.
  - А как же ты ночью в лесу опознаешь место? Не зажигать же факел!
- Если пойдем отсюда, то смотреть будем по правому склону оврага. Густой орешник растет только на краю, над самыми ямами, больше нигде его нет. Найдем.
- Ну ладно Идем отдохнем, поедим ив путь. Там, в лесу, с нашими все решим как следует.

Ив всматривался в темневшую на горизонте полосу орлеанского леса:

- Далеко еще.
- К вечеру будем.

С той минуты, как Ив увидел с холма орлеанский лес, конечную цель своего пути, всего в каких-нибудь восьми лье, он стал торопить спутников. Чем скорее они придут туда, тем вероятнее, что через день можно будет в ночь идти в мерлеттский лес для добывания оружия. Нельзя терять ни минуты, каждый потерянный день окажется роковой проволочкой, тем неизбежным днем, когда спрятанное оружие потребуется войску рыцарей — сторонников барона де Понфора.

Никогда еще дорога не казалась Иву такой невероятно длинной, день таким мучительно долгим. И, словно нарочно, и безоблачное небо, и жаркое солнце, и пустынная, скалистая, безводная долина с жалкими, полузасохшими метелками какого-то кустарника, обдирающего одежду, старались помешать путникам двигаться скорее, изнуряя их силы. Два раза Проспер предлагал остановиться для отдыха, и оба раза Ив и Сюзанна единодушно отказывались.

Только к самому вечеру из-за дальних лесов выползла сизая туча и, поблескивая и ворча, двинулась навстречу идущим. А когда уже ясно обозначилась впереди стена

огромных вековых буков и грабов орлеанскою леса, окруженных кустами вереска в розовом цветении, и ползущие по стволам блестящие листья плюща, поднялся ветер и хлынул дождь.

– Сюда, скорей! – крикнула Сюзанна и бегом бросилась в лес.

Ив и Проспер побежали за ней. Дождь хлопал по широким и плотным опавшим буковым листьям, устилавшим землю. Раскаты грома мешались со свистом ветра в верхушках деревьев. В этом шуме, спрятавшись под кустами, никто из троих и не знал, что в нескольких шагах, тоже спасаясь от дождя, стояли четыре лошади с четырьмя спешившимися всадниками в плащах, с лицами, наполовину закрытыми капюшонами. Судя по одежде, один из них был рыцарь, остальные — его слуги. Они слышали крик Сюзанны и насторожились, вглядываясь в сторону прибежавших.

- Женщина на городскую торговку похожа, тихо сказал один, и два парня из деревенских. От дождя прячутся.
  - Все трое с мешками, шепнул другой, нездешние.
  - Уж не из беглых ли сервов? прогнусавил старческим голосом рыцарь.

Длинная и мокрая седая борода свисала из-под капюшона на широкую заплату ветхого, выцветшего плаща. Рядом худая старая лошадь, понуро опустив голову, тыкалась мордой в сухие листья в поисках травы.

- Не похоже, сир, чтобы беглые...
- А вот мы сейчас их пощупаем. Привести ко мне, живо!

И через минуту, ничего не подозревавшие Ив, Проспер я Сюзанна были схвачены и стояли в ряд перед рыцарем.

– Что за люди? Откуда? Куда идете?

Услышав голос старика, увидав его бороду, Ив обмер: он узнал Клеща.

За всех ответил Проспер. Он говорил так, как условились, уходя из Парижа. Тем временем Ив, придя в себя, натянул шляпу пониже на лицо и шепнул Сюзанне:

– Это рыцарь Рамбер, маршал де Понфор. Если он узнает меня, я погиб.

Дождь кончился. Γ роза уходила. Γ рома не было, только яркие синие вспышки молнии освещали все вокруг. Ив снова начал натягивать шляпу. Заметив это, рыцарь крикнул ему:

– Ты что там все лицо прячешь?! А ну-ка, подойди ближе!

Слуга, подтолкнув Ива в спину, сказал:

– Сними шляпу!

Ив сделал вид, что не слышит.

Рыцарь Рамбер скинул с головы капюшон и, подойдя к Иву, сорвал с него шляпу и швырнул в сторону.

– Глухим прикидываешься!

Прошепелявил и умолк. Ближе потянулся лицом к лицу Ива. Жевал беззубым ртом, часто сопя. Воспаленные веки быстро моргали и жмурились. Бегающий взгляд острыми колючками впивался в лицо Ива. Изумление было настолько велико, что старик не сразу обрел дар речи. Громко сопя, торопясь, он схватил дрожащей рукой слугу и, притянув к Иву, показал, чтобы тот схватил виллана и связал ему руки за спиной. Потом кинулся к лошади, вскарабкался на нее и, сидя в седле, визгливо крикнул слуге:

– Ты и Роже отведите этого паскудника в Клюсси! Отвечаете за него головой. Упустите – повешу, как собак! Скажешь Антуану, чтоб запер его в старой башне и караульщика к дверям поставил. Я еду дальше, вернусь домой послезавтра утром... А эти пусть убираются ко всем чертям!

Дав шпоры коню, рыцарь Рамбер, сопровождаемый слугой, затрусил из леса. Сюзанна и Проспер бросились к Иву. Стали просить рыцарских слуг не связывать ему руки за спиной, говорили, что он и так пойдет, куда его поведут. Но те, помня угрозу хозяина, не вняли просьбе. Довольно долго возились они с — веревкой. В это время Сюзанна достала еду и заставила Ива есть. Мало—помалу она разговорилась со слугами, узнала, что Клюсси — это поместье их хозяина, в четырех лье отсюда. Почему рыцарь так строго обошелся с этим парнем, они не понимают, а вообще-то он презлющий и ждать от него милостей трудно. Кончилось тем, что Сюзанна угостила слуг едой и упросила быть снисходительней к несчастному Иву и в случае чего помочь ему, а она их разыщет в отблагодарит.

 Да мы видим – парень хороший. Да ведь что ж мы можем поделать – сами подневольные.

Сюзанна шепнула Иву, что, разыскав в лесу своих, она с кем-нибудь отправится в Клюсси, разузнает там все и, если надо будет, попросит помощи в лесу у деревенских из Крюзье. Ив же успел сказать ей об Урсуле и об отце Гугоне. О нем просил особенно:

Прошу тебя! Он мне как родной отец!

На прощанье Сюзанна и Проспер обняли Ива, обещали сделать все, чтобы вырвать его из лап старого рыцаря.

Иву вспомнилась ночь, когда его вели псари в замок Понфор. Так же было темно, так же пофыркивали лошади, так же молчали незнакомые люди, так же проплывали по сторонам

неясные очертания незнакомых лесов, деревенских темных домов, мостов. Так же томило чувство чего-то неминуемо страшного, страшнее на этот раз тем, что Ив попал в руки Клеща, злого, отвратительного человека, который велел схватить его, конечно мстя за побег из подземелья замка Понфор. Знает ли рыцарь Рамбер, что Ива освободила Эрменегильда? Захочет ли, посмеет ли она и на этот раз помочь Иву? Какие безжалостные меры примет жестокий старик, какую придумает пытку? Скоро ли Сюзанна с Проспером отыщут отца Гугона и вилланов Крюзье? Смогут ли освободить его?

Как эта темная ночь, темно было на душе у Ива. Тоска щемила сердце. Почему так безжалостна к нему судьба? В чем он виноват, чем заслужил такие испытания? Если бог всемилостив, почему же он допускает все это? О нет! Теперь Ив знает, что делать, если вырвется на свободу! Знает, кому отомстить и за смерть отца, и за сожженное Крюзье, и за подземелье понфорского замка, и за сегодняшнюю ночь! Знает, знает и отомстит!..

Рыцарь Рамбер был чрезвычайно доволен тем, как повернулось дело. Неожиданная встреча с убежавшим из замка Понфор вилланом и его арест именно им, Рамбером, могли поправить дела опального маршала.

Ход его мыслей был примерно такой. С самого начала войны между родственниками де Понфора и дю Крюзье было ясно, что перевес на стороне первых. У них было больше войска, с ними епископ. А помощь короля дю Крюзье надолго ли? До первой победы сторонников де Понфора и Людовик переметнется на их сторону для дележа добычи. До сих пор родственники де Понфора не желают знать прогнанного им бывшего маршала. А что, если теперь доказать им, что он не виновен в бегстве виллана, который колдовским способом спас себя из заключения? И доказать это будет не так уж трудно. Рыцарю Рамберу не привыкать пытками заставлять людей признаваться в чем угодно. Покойный барон ценил и не раз награждал за это своего маршала. И вот тогда, вырвав у виллана признание в колдовстве, он оправдается в глазах родственников барона и будет приближен кем-либо из них и вновь переедет, может быть, в тот же замок Понфор к одному из наследников покойного.

Рыцарь Рамбер настолько был уверен в счастливом повороте своих дел, что ехал сейчас в самом прекрасном настроении и даже – небывалая вещь! – шутил со своим слугой.

Глава XVIII СТАРАЯ БАШНЯ

Ив понял, что это Клюсси, только потому, ЧТО один из слуг сказал ему: «Стой», а другой сказал первому: «Гляди», и ушел, по–видимому, разыскивать того самого Антуана, который должен запереть Ива.

Вокруг было темно и тихо: ни огонька, ни звука. Ив поднял голову. Звезд не было. Значит, небо покрыто облаками. Но, присмотревшись, он увидел совсем близко перед собой очертания невысокой башни и рядом – большого дерева.

Вернулся слуга и привел человека, по голосу — старика, который, поворчав, повозился с замком, потом отпер и глубоко вздохнул. Одна из створок с жалобным скрипом открылась.

Можно ввести парня, – тихо сказал старик.

Слуга толкнул Ива в спину, вошел с ним в башню, развязал ему руки и быстро вышел. Створка снова пропела свою скорбную песню. Иву было слышно, как по ту сторону двери старик поворчал на непослушный замок, а потом сказал:

- Ты, Роже, останешься. Смотри, а то, не дай бог, головой отвечать придется.

Оглядевшись, Ив обнаружил в двери широкую щель. Утром в нее будет хорошо видно. А в противоположной стене башни не очень высоко прорублена бойница.

Дорожный мешок Ива остался при нем — забыли ото брать. Надо скорей, пока не спохватились, достать оттуда еду, поесть и взять свою книгу, припрятать.

Ломоть ржаного хлеба и кусок жареного мяса – хороший ужин. Поев, Ив ощупал

внутренность мешка. Там еще два порядочных ломтя хлеба и кусок мяса. Под ними завернутая в бумагу книга. Жаль, нет воды.

Подойдя к стене с бойницей, Ив мысленно провел прямую линию от бойницы до пола. Пол земляной. Надо бы закопать здесь мешок, но чем копать, да и темно. Надо ждать света. А сейчас мешок – под голову и постараться уснуть.

Ив засыпал с мыслью о том, что башня оказалась не такой уж страшной, но все-таки он заперт в ней, и судьба его в руках жестокого рыцаря. Не все ли равно» какова сама башня? Нет, все должно быть иначе, и тому порукой обещания, данные ему Проспером и Сюзанной, тому порукой близость земляков—вилланов. Ведь здесь, несомненно, Эрменегильда и Урсула. Он знал, что он не одинок в своей беде, это и позволило Иву скоро уснуть.

Первое, что увидел Ив, когда открыл глаза, был дневной свет, проникавший через бойницу и осветивший деревянную балку под потолком и густую паутину, отливавшую всеми цветами радуги. Первое, что услышал, – птичий писк. Через мгновение в бойницу впорхнула какая-то птичка, после чего писк прекратился: птичка кормила своих птенцов. Где-то совсем—совсем близко четыре раза прокричал петух. За дверью слышались шаги ходившего взад и вперед караульщика, голос вчерашнего старика. Ив вскочил, быстро сунул свой мешок в темный угол и подошел ближе к двери. Кто-то, загородив собой щель, отпирал замок. Наконец створка скрипнула и открылась. В двери стоял беловолосый сутулый человек. «Антуан», – подумал Ив.

– Держи это, – сказал старик, протягивая Иву глиняный кувшин с водой и кусок хлеба и, отдав, поторопился закрыть дверь. Запер замок, что-то проворчал и, вздохнув, ушел.

Когда Ив ставил кувшин на пол, он заметил у стены лопату и деревянные двузубые вилы. Немедля он выкопал в дальнем углу ямку и спрятал туда мешок, забросав землей. Съев хлеб и запив водой, Ив решил поглядеть в дверную щель.

Перед башней оказалась широкая зеленая лужайка, залитая солнечным светом. В дальнем конце ее поблескивала поверхность пруда, окруженного зарослью камыша. Немного поодаль — небольшой фруктовый сад, обнесенный изгородью. За садом видна стена и деревянная крыша дома. Крыша другого пряталась за рядом пирамидальных тополей. Ближе к башне — раскидистый старый дуб. Под его тенью — деревянная скамья.

Первым живым существом, появившимся на лужайке, был худой шелудивый пес, по всей видимости терзаемый клещами. Он то и дело тряс головой, присаживался и, жалобно скуля, беспощадно чесал лапой то одно, то другое ухо. Повторив это несколько раз, он скрылся в кустах. Затем к пруду подошла старая—престарая лошадь, когда-то белая, с провалившейся спиной и кривыми передними ногами, и вошла в камыши. Когда она пятилась оттуда назад, с ее морды капала вода. Отойдя на несколько шагов, она с трудом легла, тяжело вздохнула и, пощипав травы, жевала, щурясь от солнца. Ив догадался, что это была та самая лошадь, которую выбрал барон де Понфор на прощание для рыцаря Рамбера. Такой ее описывал Фромон.

К деревянной колоде у камыша подошел петух, вскочил на край и начал выклевывать что-то из нее, подзывая кур. Те мгновенно примчались, кудахтая и махая крыльями, и начали наперебой тоже клевать. Не обошлось и без драки.

Ни одной человеческой души, ни одного голоса. А судя по солнцу, было не так рано. Ив отошел от двери, нашел какой-то деревянный обрубок, сел на него и задумался. Разыскали ли Проспер и Сюзанна своих? Нашла ли Сюзанна отца Гугона? Если да, то когда кто-нибудь из них сможет прийти сюда? До орлеанского леса отсюда... Да, «до» леса, а сколько «по» лесу? Ив этого не знал Во всяком случае, еще рано ждать: суток не прошло. Хорошо бы, они пришли раньше, чем заявится Клещ, и встретили бы его, поговорив перед этим с Эрменегильдой и Урсулой. Как все это повернется?..

Раздумывая так, Ив, опершись головой на руки, задремал.

Разбудил его женский крик:

– А ну вставай, дохлятина! Чертова кляча!

Ив увидел в щель, как простоволосая старуха в грязном рваном платье изо всей силы

била ногой в бок старую лошадь. Наконец лошадь поднялась и, низко опустив голову и еле передвигая ноги, побрела в сторону построек.

«Какое скучное место! – подумал Ив – И люди старые, и животные».

Что это?! Ив уперся руками в дверь, прижал лицо к щели. Из-за тополей вышла Урсула. Да, да, это была она – старенькая, горбатая, в белой головной повязке.

Она вела под уздцы мула. На нем боком на седле с высокой спинкой, обитой малиновым сукном, с подлокотниками и подножкой, сидела, как в кресле, Эрменегильда в длинной белой шелковой тунике, расшитой золотой нитью по краям круглого выреза у шеи и по подолу. Что с ней? Ив был удивлен. Как она изменилась! Щеки впали, румянец исчез. Худенькая белая рука щитком закрывала глаза от солнца. Темные распущенные волосы еще больше подчеркивали бледность и худобу ее лица.

Урсула остановила мула у скамьи под дубом и торопливо стала помогать Эрменегильде слезть с седла Опираясь на плечо Урсулы, Эрменегильда медленно дошла до скамьи и села. Урсула села рядом.

Эрменегильда сидела с закрытыми глазами. Потом положила голову на плечо кормилицы и задремала. Урсула гладила ее волосы рукой и тихо напевала что-то.

Иву стало жаль грустную, видно, очень одинокую девушку. Ему захотелось стучать в дверь, кричать, бежать к ней. И тут же он с горечью понял, что это бессмысленно. Что может сделать он, простой виллан, в своем положении? Чем помочь ей и чем утешить? Он долго стоял, прижавшись лицом к щели. Видел, как шел один из вчерашних слуг с высокой корзиной за спиной и, проходя мимо дуба, снял шляпу и низко поклонился своей госпоже. Видел, как Эрменегильда подняла голову, как Урсула взяла ее под руку и повела к тополям. Мул щипал траву. Урсула крикнула ему, и он покорно пошел вслед за ними...

Тень от дуба стала длиннее, а листья его порозовели, как порозовели и барашки облаков. Большое курчавое облако на западе вспыхнуло золотистым пламенем. Ив был настолько поглощен мыслями об Эрменегильде, что не заметил, как день потух, как сменились караульщики, и пришел в себя, только когда старик, ворча, затеребил замок на двери. Тогда он отошел. Потом взял у старика воду и хлеб, но есть не стал, а сел на деревянный обрубок и снова стал думать все о том же — о грустной и жалкой судьбе одинокой девушки. В ту минуту, когда старик еще ворчал, запирая замок, Ив услышал голос Урсулы. Она что-то тихо говорила Антуану. Ив поднялся, осторожно подошел к двери, приложил ухо к щели.

- Кто проболтался, понять не могу, говорила Урсула. А сейчас послала тебя разыскать и спросить, кто заперт в башне.
- Роже, наверно. Вот болтун окаянный! Вечно лезет, куда не спрашивают! А я разве могу сказать? Сир Рамбер узнает, со свету меня сживет.
  - А она, сердобольная, всех жалеет. Жаль мне ее, вот как жаль!

Голос Урсулы дрогнул.

 Сохрани ее, пресвятая Мария! Поди скажи, что меня не нашла, да и всё. Час теперь поздний, а завтра утром сир Рамбер приедет, сам и распорядится. Так и скажи: меня, мол, нет.

Так тихо разговаривали они у башни, потом голоса их стали удаляться и смолкли.

Близко от двери промелькнули летучие мыши, четко видные на фоне потухающего неба с яркой вечерней звездой. Над прудом поднялся туман, спрятал камыш, садик, тополи. Дуб со скамьей потонули в сумраке.

Ночь...

Ив долго не мог уснуть. Не покидала мысль об Эрменегильде. Он не может не думать о ней, не видеть ее. Что это — любовь? Глупая мысль! Кто простит ему, простому виллану, любовь к знатной девице? Никто, ни свои, деревенские, ни знатные... Домогаться свидания с ней — опозорить ее, спасшую ему жизнь. Ни за что! Как после этого смотреть в глаза людям? Нет и нет! В короткие минуты полусна наплывал образ плачущей девушки в белой с золотом тунике и наклоняющееся над ней злое лицо Клеща. Ив просыпался. Ему мерещился свет,

промелькнувший в бойнице, и снова полузабытье. Ив хочет подняться и не может — чья-то рука давит к земле. Он просыпается оттого, что кто-то зовет его. Озирается, прислушивается...

И ночь, беспросветная ночь будет длиться бесконечно. И нет сил уснуть. И все та же неуемная мысль...

Под самое утро Ив так крепко уснул, что Антуан еле растолкал его. Ив приподнялся на руках и зажмурился от яркого потока дневного света из открытой двери.

– Вот, держи, – сердито проворчал старик и, ткнув пальцем в кувшин, ушел.

Створка двери, словно вторя ему, злобно проскрипела.

Ив подошел к щели. Утро было ясное, солнечное. Лужайка пустая. Петух пропел где-то далеко. Ив подходил и уходил от двери, пил воду, ел хлеб и опять подходил, смотрел на лужайку. Никого. Прошло много времени. Солнце стояло высоко, скоро полдень. Где же рыцарь Рамбер?

Ив сел на деревянный обрубок. Под потолком однообразно, жалобно пищали голодные птенцы. Их мать то и дело улетала и прилетала. Ив дремал, и слышался ему откуда-то издалека непривычный для этого места шум — говор, шаги, будто идет много людей. Всё ближе, ближе. Вырывается громкий окрик:

− Оэ! Кто там живой! Оэ!...

Ив бросился к щели. Увидел, как стайка воробьев брызнула из сада, и тотчас у изгороди появились один за другим люди в крестьянской одежде, кто с алебардой, кто с копьем, кто с топором, а кто с вилами. Всех — больше десяти человек, и с ними верхом на лошади женщина с луком за спиной. Остановились у изгороди. Трое, те, что с алебардами, пошли дальше к домам. Еще подошло человек десять. Стояли толпой вокруг женщины. Они оглядывались по сторонам, рассматривали всё вокруг, прикрывая глаза рукой от солнца. Женщина поднялась на стременах и, обратившись лицом к башне, указала на нее рукой.

Ив узнал Сюзанну. Сюзанна! Значит, это вилланы из орлеанского леса! Откуда у них оружие? Сюзанна показывала на башню. Она слышала тогда в лесу приказание Клеща запереть его в башне. Сердце Ива колотится от радости, От сознания, что пришли свои, что освобождение близко. Что же они медлят?

Вся толпа вилланов двинулась на середину лужайки. Из-за тополей выбежала Эрменегильда, за ней — Урсула, Антуан и слуги рыцаря Рамбера. Эрменегильда кинулась в толпу, расталкивая вилланов. Сюзанна сделала знак, отдавая какое-то приказание, и из толпы вывели рыцаря Рамбера. Руки его были связаны за спиной. Эрменегильда бросилась к нему, обняла, что-то крикнула, обращаясь к Сюзанне, которая сошла с лошади. Сюзанна с одной стороны, Урсула — с другой, отвели Эрменегильду и посадили На скамью. За ней стали слуги. Рыцаря Рамбера подвели ближе. Сюзанна подняла руку. Ив слышал, как она говорит:

— Не бойтесь нас, благородная госпожа. Мы не разбойники и не изверги. Мы не причиним вам никакой беды и тотчас же отпустим вашего отца, если он захочет исполнить наше справедливое требование.

Рыцарь Рамбер повел плечами. Лохматые брови насупились Беззубый рот кривился в злой улыбке.

Сюзанна протянула руку:

– Вот в этой старой башне по приказу вашего отца заперт ни в чем не повинный человек, наш виллан...

Рыцарь Рамбер рванулся вперед, но был остановлен одним из вилланов.

— Она врет! Не слушай ее, дочь моя! Он колдун, навлекший несчастье на нас с тобою. С помощью бесов он нарушил приказ барона де Понфора и убежал из подземелья его замка. У меня есть свидетель, который видел у него бесовскую книгу с колдовскими заклинаниями.

В то время как рыцарь выкрикивал эти слова, Эрменегильда поднялась со скамьи и протянула руки к отцу, словно прося выслушать ее. Ей было трудно говорить, но ее умоляющий взгляд, слезы, наполнившие глаза, тяжелое, прерывистое дыхание выражали слишком много. Сюзанна подошла к рыцарю Рамберу:

 Сир, посмотрите на свою дочь и дайте ей сказать слово. Она об этом просит вас, своего отца!

Рыцарь Рамбер дернул плечом, замолчал и, сопя, отвернулся.

Эрменегильда оперлась рукой о плечо Урсулы и слабым, дрожащим голосом сказала:

- Умоляю вас, скажите мне имя этого человека.
- Ив, отвечала ей Сюзанна.
- Урсула, слышишь?!

Эрменегильда обняла за шею свою кормилицу и опустилась на скамью.

— Ну что же, сир, — сказала Сюзанна, — прикажите освободить нашего друга, или нам придется самим сломать замок на вашей башне, а на его место посадить вашу милость и продержать там столько, сколько мы сочтем это нужным...

В толпе раздались возгласы:

- Открывайте башню!
- Довольно с ним церемониться! Идем ломать замок!

Сюзанна подняла руку и продолжала говорить:

– Если вы, сир, верите в бога, то я клянусь всеми святыми, что колдуном тот человек никогда не был и о бесами не водился...

Рыцарь круто повернулся к ней и загнусавил:

– Ну хорошо, пусть по–твоему, не колдун, тогда как же он ушел из подземелья и из замка, когда все мосты были подняты? А? Это могут подтвердить все. Я тоже могу поклясться именем бога!

Ив видел, какое усилие сделала над собой Эрменегильда, чтобы вновь встать. Она протянула руку. Все обернулись и смотрели на нее.

– Отец, это... я... я вывела Ива из замка...

Ропот прокатился по толпе.

По выражению лица и по всей фигуре рыцаря Рамбера можно было пенять, если бы сейчас из этого синего неба ударила молния, он был бы менее поражен. Эрменегильда опустилась на скамью и закрыла лицо руками. Она плакала. Урсула обняла ее, гладила по голове, что-то шептала. Несколько мгновений все молчали. Наконец рыцарь Рамбер тихо сказал:

– Антуан, выпусти его, – и кивнул головой в сторону башни.

Старый слуга поспешил исполнить приказание. За ним как один все вилланы кинулись навстречу Иву. Остались только двое, сторожившие рыцаря Рамбера. Впереди всех бежала Сюзанна. Она обняла и поцеловала Ива. За ней все – кто обнимал, кто тряс руку, кто ударял по плечу. Большинство их было знакомо Иву, те – из Крюзье, те – из Мерлетты. Столпились вокруг Ива. Радостным возгласам, расспросам и рассказам не было бы конца, если бы не распорядительная и строгая Сюзанна, решительно вернувшая всех к действительности.

— Ну, друзья, довольно пустых разговоров, надо думать о деле. Нам тут не жить, и терять время нельзя. Не забывайте, что мы нужны в лесу, теперь там наш дом. А ты, Ив, сыт ли? Где твой мешок? Скорей собирайся!

Ив побежал в башню, вернулся с мешком, и все пошли обратно к дубу, где продолжала сидеть Эрменегильда и с двумя вилланами стоял, опустив голову, рыцарь Рамбер. Сюзанна подошла к нему:

– Сир, мы благодарны вам за исполнение нашего требования. На этот раз вы поступили, как подобает благородному рыцарю. Это не так часто бывает...

В толпе раздался смех.

— Но, сир, у нас еще к вам небольшая просьба. Прежде чем мы отпустим вас, пообещайте вот здесь, перед лицом госпожи вашей дочери, перед всеми нами, что больше не будете преследовать нашего друга Ива из Крюзье, два раза без всякой вины пострадавшего по вашей прихоти.

Пока Сюзанна говорила, Эрменегильда поднялась и, поддерживаемая Урсулой, подошла к отцу и тихо шепнула ему что-то. И, когда Сюзанна кончила говорить, он тихо,

глядя в землю, сказал:

– Именем бога распятогЬ; обещаю.

Сюзанна улыбнулась:

– Развяжите рыцарю руки. Эй там, с лошадью! Ведите ее сюда!

И, когда лошадь была приведена, Сюзанна сказала:

Помните, благородный рыцарь, что свободные вил^ ланы Крюзье и Мерлетты не изверги и за добро платят добром.
 И передала повод лошади рыцарю Рамберу.
 И мой вам совет, сир, пока там идет война, оставайтесь-ка лучше здесь, в Клюсси. Вернее будет дело.

Ив подошел к Эрменегильде. Надо было видеть, как преобразилось ее лицо! В ее карих глазах вспыхнул лучистый блеск радости. На бледных щеках появился румянец. Она давно так не улыбалась. Вместе с ней Урсула тоже улыбалась, глядя веселыми глазами то на свою воспитанницу, то на Ива. Эрменегильда взяла Ива за руку и усадила рядом с собой на скамью. При этом озорно улыбнулась и кивком головы показала на своего отца. Рыцарь Рамбер повернулся к ним спиной и, делая вид, что ничего не видел, пошел рядом со слугой, который уводил возвращенную лошадь.

Я все время вспоминала тебя, – говорила Эрменегильда, – вспоминала, как хорошо было в замке Понфор, когда ты читал мне свою книгу, и ждала... Вот и дождалась... – Ее голос дрогнул, и в глазах показались слезы. – Знаю, ты сейчас опять уйдешь... Ну что ж... А я опять буду... ждать... Теперь вряд ли дождусь... Уйду в монастырь, буду молиться за тебя пресвятой деве... – Эти последние слова она сказала сквозь слезы, совсем, совсем тихо.

Из толпы раздался голос Сюзанны:

– Ив! Идем, пора!

Ив встал. Он быстро вынул из своего мешка книгу и протянул ее Эрменегильде:

— Госпожа моя! Окажите милость, возьмите эту книгу. Я помню, она нравилась вам в замке Понфор. Вы найдете кого-нибудь, кто будет читать ее вам, и сами скоро, очень скоро, я уверен, научитесь читать. Возьмите. Это все, чем я смею отблагодарить вас, дважды спасшую мне жизнь. Я вернусь непременно. Слышите? Непременно. Вот кончится война, и я разыщу вас, где бы вы ни были. Клянусь, я разыщу! Мы увидимся!.. Бегу, меня ждут!.. Не плачьте, не плачьте, я приду еще, и да хранит вас бог!

И Ив побежал догонять вилланов. Обернувшись, он увидел, как Эрменегильда сидела на скамье, прижав книгу; К груди, а добрая Урсула проводила рукой по ее голове.

Глава XIX ЖАК-ДРОВОСЕК

Шел шестой месяц войны. Четвертый — осады замка Крюзье конными и пешими отрядами, собранными вассалами, родственниками и друзьями барона де Понфора, и отрядами епископа — всего около пяти тысяч человек.

Кроме крупных отрядов конных рыцарей, сервы, вилланы, не успевшие укрыться в лесах, и достаточное количество наемных людей составляли отряды пеших лучников той и другой стороны. Было убито и ранено рыцарей и простых воинов, повешено или зверски замучено пленных обеих сторон несколько сот человек.

Были сожжены десятки деревень, истоптаны тысячи туазов засеянных полей, вырублены фруктовые сады, разорены сотни крестьянских хозяйств, угнаны или изрублены стада овец, свиней, коров и волов, затоплены луга, разрушены водяные мельницы и мосты, перекопаны дороги. Тысячи крестьян, оставшихся без крова, спасались бегством в леса, угоняя с собой скот, унося свой жалкий скарб.

Опустели, умолкли большие дороги и реки. Конные отряды рыцарей рыскали по проселочным дорогам в поисках продовольствия, грабили купеческие караваны. Ближайшие к месту войны города закрыли городские ворота. Население области, отрезанное войной от деревень и торговых путей других областей страны, было обречено на разорение, голод, болезни.

Король Людовик Толстый, в начале войны выразивший благоволение своему несправедливо оскорбленному другу, рыцарю Рено дю Крюзье, и наобещавший ему всяческую помощь, ограничился выдачей некоторой суммы денег на приобретение продовольствия и посылкой конного отряда всего в двести шпор ¹⁰¹, до сих пор не принявшего участия в военных действиях и вот уже четвертый месяц стоящего лагерем за шесть лье от них. Король хитрил — он не хотел участвовать в войне с де Крюзье бок о бок со своими злейшими врагами — графом де Корбейлем, Монморанси, Монтлори — родственниками де ла Тура.

В дремучей глубине многовекового орлеанского леса, широчайшей полосой протянувшегося на двадцать с лишним лье, собрались вилланы, убежавшие от войны, от лютости рыцарей. Согнали туда скот и лошадей. Сплели из ветвей шалаши, нарыли землянок, нагородили изгородей, поселились там с женами, детьми, стариками. За людьми прибежали собаки, стали сторожить и людей и скот от волков, рысей, диких кошек. Днем к жилью зверь подходить опасался, ночью боялся горящего костра или факела. Но уйти человеку от жилья без собаки было опасно. Собака чует зверя издали и в зарослях кустарника, и в норах, и в дуплах деревьев. Она преданна своему хозяину и в случае чего будет вместе с ним драться с диким зверем. Собаки были крупные, сильные.

Огромные пятисотлетние буки, столетние грабы и дубы, окруженные густым подлеском и зарослями колючих диких яблонь, полумрак от обильной листвы, отсутствие дорог, редкие узкие, путаные тропы, зачастую заваленные буреломом, обилие диких зверей, овраги и топкие лесные болота — все это делало лес труднопроходимым для пешего и конного и служило верным убежищем для скрывающегося.

Но взятого в спешке продовольствия, угнанного скота не хватало вилланам, и надо было подумать, как раздобыть пропитание, не забывая, что война может длиться и полгода, и год, а то и два, что наступит зима, пережить которую в лесу можно будет, только заготовив запасов месяцев на пять. А для этого надо выходить из лесу, и не с пустыми руками, а с

¹⁰¹ Двести шпор – то есть сто всадников. Таков был счет конных отрядов рыцарей в средние века.

оружием на случай встречи с отрядами рыцарей или для добывания денег у проезжих купцов на покупку запасов продовольствия. Не умирать же женам, детям, старикам! Ива привели в ту часть леса, где расположились вилланы из Крюзье и Мерлетты. По дороге Сюзанна рассказала, что на вторую ночь после встречи с рыцарем Рамбером Проспер, собрав отряд вилланов, вооруженных чем попало, с тремя лошадьми отправился в мерлеттский лес. Рыцари, уверенные, что расположение складов — полнейшая тайна, не охраняли их. Благодаря указаниям Ива Проспер скоро разыскал угольные ямы Оружие было частью навьючено на лошадей, частью разобрано вилланами.

Его оказалось порядочно. К утру все было доставлено в орлеанский лес.

В то же утро Сюзанна, разузнавшая накануне, какая дорога ведет в Клюсси, и помня слова рыцаря Рамбера, что он вернется домой на второй день, собрала людей, вооружила их и чуть свет устроила засаду на опушке леса у дороги. Все получилось как нельзя лучше. Рыцарь ехал шагом в сопровождении одного слуги. Вилланы подпустили его совсем близко и с криком и свистом выскочили из засады, остановили лошадей. Рыцарь был так перепуган, что не мог ничего сказать и только дрожал от страха. Его стащили с лошади, завязали руки за спиной. Сюзанна села на его лошадь, а другую отправили с одним из вилланов в лес. Слугу отпустили.

- Если бы не ты, мы не были бы вооружены и умерли бы с голоду, сказала Сюзанна.
- A если бы не ты, ответил ей Ив, меня не было бы здесь с вами, а сидеть бы мне в башне у Клеща, тоже не сытно!

Ив не чувствовал себя одиноким Многие из вилланов его деревни, с которыми была и слепая Жакелина, отец Гугои, Сюзанна и Проспер относились к нему, как к близкому человеку и другу, он платил им тем же. Доброта и мудрая опытность, советы отца Гугона неизменно учили Ива жизни, оберегали от ошибок. Сюзанна внушала бодрость и уверенность в благополучном исходе событий. Она была беспощадна в оценке дурного поступка и щедра на похвалы поступка хорошего. Ее деловитость, умение говорить с каждым в зависимости от его характера и возраста, умение увлечь людей на исполнение того или другого дела, неустанная забота о раненых, больных, о детях и стариках восхищали Ива. Он старался подражать ей. Проспер не раз приходил на помощь Иву в опасную для него минуту и бднажды спас его от неминуемой смерти.

В одну из лунных июльских ночей отряд вилланов в пятнадцать человек, с Проспером во главе, среди которых был и Ив, укрылся в засаде в овраге у проселочной дороги, предварительно сложив на ней засеку из поваленных деревьев. Ждали купеческого каравана — навьюченных мулов. Об этом узнали днем от виллана, пробравшегося в орлеанский лес из деревни за несколько лье, где этот караван остановился на отдых.

Овраг, глубокий, заросший со стороны дороги по краю порослью орешника, был удобен для засады в такую светлую ночь. У другого края ветки больших грабов нависли над оврагом шатром густой зелени, затемняя его, Проспер поставил по караульщику в обоих концах оврага смотреть за дорогой. Остальные вилланы сидели в овраге. У каждого за спиной был лук, а за поясом с одной стороны — связка стрел, с другой — большой широкий нож.

Когда Ив снаряжался в свой первый поход с вилланами и держал в руках такой нож, он вспомнил Симона и Эрно: «Наверно, их работа». Не один раз мысль возвращала Ива в мастерскую оружейника на Малом мосту. Думалось: «Знал бы Симон, что его оружие в руках вилланов, порадовался бы. Если останусь жив и вернусь в Париж, непременно принесу Симону его лук и нож».

В овраге было темно и тихо. Проспер запретил разговоры. Чуть слышное стрекотание цикад доносилось с поля. Ив сидел под веткой старого граба. Ветка была толстая, не вся покрытая листвой, от этого очертания ее были четки и видно было небо с мерцающими звездами. В двух шагах от Ива, прислонившись спиной к склону оврага, дремал виллан. Было слышно его мерное дыхание. Остальные сидели поодаль, их не было видно. И вдруг Ив услышал над головой шорох. Словно кто-то шевельнулся в ветках дерева. Он посмотрел

вверх, и ему показалось, что ветка граба приподнялась, изогнулась. Ив подполз к виллану и тронул его за ногу. Тот, разбуженный, вскочил на ноги. В это мгновение над их головами раздалось злобное фырканье и большой зверь прыгнул с дерева на спину виллана и вместе с ним покатился по земле. Видно было, как лохматый зверь впился когтями в спину этого человека и рвет его зубами. «Дикая кошка!» – мелькнула догадка в голове Ива. Он выхватил из-за пояса нож и вонзил его в спину зверя. Это спасло виллана. Дикая кошка бросила свою жертву и с невероятной быстротой отскочила в сторону, выгнула спину колесом и, фыркая, с поднятым палкой коротким хвостом, прыгнула на Ива с такой силой, что он не удержался на ногах и упал на спину, увидел совсем близко у своего лица огромные круглые, светящиеся зеленым светом глаза и белое пятно на горле хищника. Что-то сдавило грудь, и он больше ничего не видел и не чувствовал. Он не видел, как подскочил к нему Проспер и коротким мечом рассек голову дикой кошке. Два виллана несли его по лесу, окровавленного, расцарапанного кошачьими когтями. Они принесли его в шалаш, поручили заботам Сюзанны, и она неотлучно находилась возле него, прикладывая к ранам целебные травы, поила отварами корней растений, собранных ее матерью, умевшей находить эти травы и корни на лесных полянах.

Сознание вернулось к нему на следующий день. Он открыл глаза. Солнечный луч ухитрился пробраться в шалаш и наполнил его приятным зеленоватым светом. «Совсем как на дне реки», — подумал Ив. Он лежал на боку и услышал шепот: кто-то говорил за его спиной. Он сделал усилие, чтобы повернуть голову, но жгучая боль в шее помешала этому. Он тихо застонал и закрыл глаза В то же мгновение чья-то рука коснулась его лба, послышался шепот:

– Смотри, он пришел в себя.

Сказал это мужской голос, а женский зашептал:

- Ваши молитвы, святой отец, помогли этому.
- И твои, дочь моя, травяные снадобья, ответил мужской голос.

Ив приоткрыл глаза, и слабая улыбка скользнула по его лицу — он узнал отца Гугона и мать Сюзанны. Теперь рука с его лба передвинулась на плечо, и отец Гугон сказал:

— Ну вот, мы начинаем улыбаться, хороший признак. Лежи спокойно, сын мой, и слушайся Клотильду и Сюзанну. Им ты обязан своим выздоровлением. Да будет с тобой благословение пресвятой девы Марии...

Ив выздоравливал быстро Тому главной причиной было то, что дикая кошка успела только исцарапать, и когти ее не впились в его тело, как это случилось с несчастным вилланом. В таких случаях болеют долгие месяцы. Уже через неделю Ив начал выходить из шалаша на ближайшую поляну, куда из сумрака и сырости леса собирались старики и дети погреться на солнце. Дети прыгали, смеялись, плели себе венки из белых маргариток и лиловых колокольчиков. Старики вспоминали, сколько пережили они на своем веку рыцарских войн и сколько еще таких же выпадет на их долю, кряхтели, подставляя солнцу руки и ноги, изуродованные тяжелыми работами и болезнями. Приводили туда и Жакелину. Она тотчас же спрашивала, тут ли Ив, и просила подвести ее к нему. Сидя рядом на траве, она рассказывала про его детство, про его мать и отца, про их тяжелую долю.

Встретив там Проспера, Ив сказал:

- Все забываю тебя спросить: что в ту ночь вы сделали с купеческим караваном?
- О! Купцы оказались сговорчивее дикой кошки. Нам не пришлось разбивать им головы или пускать в ход ножи. Они не везли ничего съестного, кроме двух мешков овса для своих мулов. Везли они испанский кордуан и меха. Увидев наши ножи и луки, сами предложили нам откупное за разрешение объехать засеку. Но, однако, поставили свое условие, исполнить которое мы охотно согласились. А именно: указать им ближайший путь в Париж, такой, чтобы не нарваться на отряды рыцарей. Таким образом, мы уладили с ними сделку полюбовно и оказались обладателями порядочного количества золотых и серебряных парижских и турских денье, а они, вероятно, благополучно доставили свой товар в Париж и, продав его, вернули себе с лихвой отданные нам деньги.

Ив сердился: надо же было произойти этому глупому случаю с дикой кошкой, помешавшему ему участвовать с вилланами в добыче продовольстсия, а главное — в стычках с отрядами рыцарей! О двух таких стычках рассказал Проспер. В одной отличилась Сюзанна, удачно пославшая стрелу в бок какому-то толстяку. Он был без кольчуги и упал на руки оруженосца. Тот выронил из рук горящий факел, тотчас же потухший. Дело было ночью в лесу, и трое других рыцарей предпочли убраться подобру—поздорову. В другой раз вилланы незаметно окружили деревушку, где орудовал десяток рыцарей, отнимая скот. Вилланы напали дружно с гиканьем и свистом и пустили стрелы в рыцарских коней. Те как бешеные унесли своих хозяев, а жители деревни ушли в лес, угнав с собой брошенный рыцарями скот. Рассказы Проспера бередили душу Ива. Ему не терпелось скорей выздороветь и снова выходить из лесу навстречу рыцарским отрядам.

По ночам всё думалось об этом, не спалось. Как-то на рассвете послышались звуки топора — кто-то неподалеку рубил лес. Кто мог забраться в такую глухомань за дровами? Вилланы рубили днем ветки для костров. А этот, слышно, бьет по стволу. Утром вилланы сказали Иву, что это Жак-дровосек. Имя это они произносили с каким-то особым благоговением, словно Жак был не простым дровосеком. И произносили так, будто Ив, конечно, знает, про кого они говорят. Подумав об этом, Ив вспомнил, что в детстве слышал в Крюзье от стариков о каком-то Жаке-дровосеке, но рассказы эти были как сказки со страшными лесными драконами, со злыми колдунами и добрыми волшебницами. Помнилось, что Жак-дровосек побеждал огнедышащих драконов и колдунов и дружил с добрыми волшебницами. И вдруг теперь тоже говорят об этом дровосеке и тоже как-то таинственно, а он вовсе не сказочный и где-то совсем близко просто рубит деревья.

Когда Ив вышел из своего шалаша, чтобы пойти повидаться с отцом Гугоном, он увидел, что из шалашей и землянок выбегают дети, за ними выходят старики, весь лагерь взбудоражен, все о чем-то оживленно переговариваются и быстро идут в одну сторону по тропинке к поляне. По выражению лиц Ив понял, что ничего плохого или опасного не случилось, наоборот — все говорили спокойно и многие улыбались, дети бежали вприпрыжку и что-то весело выкрикивали. Ив увидел Сюзанну, быстро шедшую с другими. Он окликнул ее.

– Иди скорей! Жак-дровосек пришел! – позвала Сюзанна.

Ив пошел на поляну. С ним рядом ковылял, опираясь на толстую палку, сгорбленный старостью виллан с белой бородой, с лицом, изуродованным морщинами, и выцветшими глазами. Он говорил Иву, шамкая беззубым ртом:

– Сколько он живет на свете, этот дровосек, никто не знает... Вот посмотри на меня, стар я. А про Жака–дровосека мне в детстве мой прадед, прадед рассказывал... Вот и посчитай-ка, сколько ему примерно лет должно быгь. А спроси его самого, он только улыбнется, и всё. Спроси, откуда он родом, отвечает: «Забыл, давно было». Как понять? А? Кто говорит – он колдун, а вот слепая из Крюзье сказывала, что, по всему, он святой. Как понять? А?...

Дойдя до поляны, Ив остановился. Всегда унылая и Тихая, она казалась сегодня праздничной, была полна народу, шумела говором. Ребятишки шныряли в толпе с венками на головах, с ветками в руках, слышались их выкрики и звонкий смех. Утро было солнечное В пестроте толпы, собравшейся на другом краю поляны, Ив разглядел Проспера и Сюзанну. Она обернулась и громко, перекрывая говор, крикнула:

– Дети, скорей сюда! Девушка Жак вас зовет! Скорей сюда!

Все обступили дровосека.

Ребятишки бросились во всю прыть в ту сторону Ив тоже перешел поляну.

На широком пне, торчавшем из травы, сидел высокий худой старик в холщовой рубахе, опоясанной лыком, с открытым воротом. Длинные, ниже плеч, волосы, повязанные вокруг головы веткой полыни, борода и густые брови были совсем белые, отчего загорелое лицо с

горбатым носом казалось черным. Темные глаза светились молодым блеском. Высоко засученные рукава открывали крепкие, мускулистые руки. Голени босых ног были обернуты до колен воловьей кожей, переплетенной лыком. Не по летам кряжистый старик не горбился, держал голову высоко, говорил с хрипотцой, громко и внятно. Когда смеялся, поблескивали белые зубы. Ничто не говорило о такой уж глубокой старости этого человека. На траве лежал мешок с ремнем, стояла ивовая корзина, закрытая холстом. К пню был прислонен тяжелый топор с широким топорищем. Глядя на этот топор, Ив подумал: «Ну и сила у этого старикана!»

Ребятишки обступили дровосека. Он поманил совсем маленькую девочку. Она не испугалась и охотно пошла к нему на руки. Старик посадил ее к себе на колено. Девочка сразу почувствовала себя как дома и даже отважилась взять листочек дерева, запутавшийся в бороде дровосека. Тут же около хозяина расхаживал, доброжелательно виляя хвостом, большой лохматый черный пес с головой, похожей на волчью. Когда девочка очутилась на колене хозяина, пес подошел и ласково лизнул ее босую ножку. Девочка прижалась к старику.

Нуарб! – строго сказал он.

Пес тотчас отошел и улегся, не обращая внимания на смех.

- Hyapo! Hyapo!

Старик поднял руку:

– Тише, дети!

Он взял девочку на руки и бережно передал стоявшей рядом женщине. Потом переставил корзину ближе к себе.

- Вот что, дети, принес я вам подарок. Угадайте-ка, что тут в корзине.
- Ягоды! Яблоки! раздались голоса.
- Не угадали, Подарок мой живой и может вас позабавить. Глядите!

Он снял с корзины холст и вынул оттуда толстого, серо-желтого с черным брюшком барсука с коротким кругловатым хвостом и черной полосой от мордочки до плеч.

– Вот какой красавец! Не бойтесь его, он ручной Зовут его сир Польтрон, потому что он труслив 102.

Дровосек поставил барсука на траву. Тот хрюкнул и метнулся в сторону. Тотчас вскочил Нуаро и, подойдя к барсуку, преградил ему путь и осторожно лапой стал поворачивать его обратно, к полному восторгу ребятишек, поднявших веселый гам и шум, особенно громкий, когда Нуаро заставил неуклюжего барсука подойти к корзине и напоследок ткнул его мордой, отчего тот хрюкнул, повалился вверх брюхом, долго не мог повернуться и дрыгал лапками. Удовольствие было полное. Дети хлопали в ладоши, прыгали вокруг барсука, крича:

- Сир Польтрон, вставайте скорей!.. Нуаро! Подымай его скорей!

Дровосек взял барсука, положил в корзину, покрыл ее холстом:

— Вот, дети, берите его себе. Смотрите не обижайте, не дразните. Он очень обидчив и, если рассердится, может сильно укусить. Сделайте ему шалашик потемнее, подстилку кладите из листьев, мха или сухой травы. А кушать он любит ягоды, корешки разные, яблоки дикие, груши и… лягушек.

Ребятишки засмеялись.

— Да, да, лягушек и разных червячков и жучков. Еще скажу вам, что сир Польтрон очень аккуратен и дом свой держит в чистоте, об этом не беспокойтесь. Ну, вот и всё, дети Ступайте устраивать ему новый дом. А я скоро к вам опять приду навестить сира Польтрона.

Ребятишки взяли корзину и гурьбой побежали в лес.

К дровосеку подступили старики, уселись перед ним на траву полукругом. Остальные встали за ними. Заговорил тот самый старик, который шел на поляну с Ивом:

¹⁰² Польтрон (poltron) – по-французски «трусишка».

— Хотели мы, Жак, спросить тебя вот о чем. Жил ты долго, видел много и знаешь больше нашего. Насчет этой войны проклятой. Что ж нам, так в лесу и оставаться, в разбойники, что ли, идти? Мы к своим деревням привыкли, к родной земле. Да вот сеньоры деревни пожгли, поля затоптали. Куда же нам теперь деваться? Как понять? А?

Дровосек ответил не сразу – думал.

– Верно он сказал. Я жил долго, столько, что ни я сам, ни люди не помнят, сколько. – Он засмеялся. – Выходит, будто я всегда жил... Правда и то, что я видел больше вашего. Вы сидите по своим деревням, почти круглый год на полях, а я в одном лесу, в другом, в третьем. Исходил сотни лье, побывал в сотне деревень, в десятках городов и замков. Всего насмотрелся вдоволь, и хорошего и дурного, больше дурного. И вашей нищеты и неволи неминуемых, и безысходного горя, рабского труда проклятого. Насмотрелся и на жизнь горожан-богатеев, торговцев городских, И на привольную сеньоров-рыцарей, их жестокость, самоуправство, глупую гордость, показное на благочестие. Наслушался я преданий и сказок и правдивых рассказов и выдумок, проповедей монашеских, и вранья жонглеров ярмарочных, и бахвальства рыцарей-вояк. Как подумаю обо всем этом, выходит, что я и впрямь знаю больше вашего. А вам я брат по рождению и по родине. Вы к полям привыкли, я - к лесам, вот и разница между нами. В остальном мы равны. А на вопросу ваш я вот что вам скажу: по всему видно, войне этой скоро конец. Сир Рено дю Крюзье задыхается в своем замке, людей много потерял, когда вылазки затевал. Наемные бунтуются. Нанял он их на срок, срок вышел, а он не отпускает. Несколько человек бросил в подземелье, а остальные его самого чуть было не прикончили. Испугался, всех отпустил. Словом, одно ему остается – выйти из замка в поле драться, чья возьмет. А драка, думаю, будет короткая. Сила-то на стороне его врагов. Вы спросите, откуда я знаю. А вот откуда. Я их разным сенешалам да маршалам первый приятель. Без меня их кухни и камины без хороших дров останутся. Хозяйство их останется без факелов добротных, без мельничных колес, без плотин, без мостов дорожных и подъемных, без замковых построек. Почему? Потому что я знаю места в каждом лесу, где деревья рубить, как вывезти, все дороги знаю. Вам известно, что для ваших башмаков лучшее дерево – бук. Верно? Крепкий он и для топлива лучший, горит хорошо, а главное, дыму мало дает. Вот они меня за это жалуют. Без меня сеньоры выгнали бы их взашей. А вот вы знаете доброго рыцаря Оливье де ла Вейре, птицелова, так он со мной такую дружбу завел, смех один. А почему? Потому, что я своим топором всех птиц распугать могу. А я ему за добро добром плачу, указываю, где какие птицы водятся и где буду стучать, где нет. Много лет мы с ним так по птичьей части орудуем.

Вилланы засмеялись.

- Один он такой на всю страну нашу. Не о нем речь, о других, о недобрых. Вот кончится война, и вам придется на ваши пепелища возвращаться. Куда иначе денетесь? А сеньорам вашим только этого и надо. Начнут они вас гнуть пуще прежнего. Деревни, мельницы, плотины, мосты все, что они сожгли, кто строить будет? Вы. Лес возить, поля перепахивать кто будет? Вы. А за войну денежки поистраченные с кого получать? С вас. Побольше надбавит на подати. Брал из двенадцати снопов два, теперь четыре возьмет. Вот и всё.
  - К королю пойдем защиты просить!. г.
  - В войне мы не виноваты!..

Дровосек рассмеялся:

- К королю? Вот к слову пришлось. Может быть, кто-нибудь из вас и слышал про короля Робера, прадеда нынешнего короля?
- Слышал я, раздался старческий голос. Отец мне рассказывал. Хороший был король, привержен к святой церкви был. Благочестивым так и назвал его народ...

Дровосек резко перебил говорящего и встал, махнув рукой в сторону:

– Неправда! Не народ его так назвал, а его придворные льстецы и прихлебатели. Всего «благочестия» только и было, что он слагал церковные песнопения. Когда папа наложил на

него семилетнее покаяние за женитьбу на Двоюродной сестре и за отказ повиноваться отлучил его от церкви, лишил святого причащения, тогда король жену бросил и женился на дочери графа Тулузского Вот как! А народ наш при нем умирал голодной смертью, и вилланы и городские ремесленники. В начале своего царствования король Робер войной отнял у баронов герцогство Бургундское, Дижон и Дре. А когда в голодные годы бретонские вилланы и руанские суконщики и ткачи поднимались против своих сеньоров, король Робер стал на сторону баронов и жестоко расправился с восставшими. Как собак вешал. Деревья большого леса были увешаны сотнями несчастных, осмелившихся потребовать хлеба своим голодающим семьям...

Дровосек сжимал руку в кулак и грозил невидимому врагу. Голос его звучал все громче, и каждым словом, как мечом, он разил противника.

— На этот раз его никто не отлучил от церкви. У самого духовенства было много земель, деревень и замкрв. А церковь запрещает рабам восставать против своих господ. Сговор короля с церковью оказался полным. Вот духовенство и признало за ним название «благочестивого»... А народ его проклял! Вот какова правда о короле Робере.

Дровосек вытер рукой пот со лба. Вилланы молчали, понурив голову. Наконец кто-то из молодых крикнул:

- А давно это было?
- Да больше ста лет прошло, а ничего не изменилось. И сервы такие же, и ремесленники, и бароны с духовенст* вом, и правнук такой же, как его прадед. Да вы сами знаете, какая наша жизнь...

Говоря это, дровосек стал на пень и протянул руку к вилланам:

– Дорогие братья и друзья мои! Я не учить вас пришел, а пришел с добрым советом от всего сердца моего, за долгую жизнь наболевшего...

Старики, стоявшие в первом ряду, сняли шляпы. За ними и все в толпе, кто был с покрытой головой, и пододвинулись ближе вперед.

Дровосек продолжал:

— Хотите быть свободными, хотите жизнь лучшую увидеть — берегите оружие, вами добытое, не выпускайте его из рук ваших. Война кончится — спрячьте его подальше и храните, соблюдая тайну. Придет время, не вам, так сыновьям вашим, не им, так внукам вашим будет с чем добывать себе свободу. Бережно копите силы ваши из рода в род.

В эту минуту Жак был похож на древнего галльского друида 103.

Он развел руки и, глядя куда-то вдаль, сказал:

– Вижу – настанет день, когда, пройдя кровавый путь тяжелых испытаний, смерти, борьбы, выйдут вилланы на широкую дорогу, освещенную солнцем свободы, навстречу новой и мирной жизни! Истинно будет так!..

Дровосек говорил с большой искренностью и убеждением. Взгляд его излучал глубокое сострадание и любовь к простому народу, непоколебимую веру а победу правды над злом. Многие женщины слушали его, стоя на коленях, и крестились.

И вот в эти минуты Ив понял, что Жак-дровосек не колдун и не святой, а человек, понявший правду людскую. Отвратительными показались ему проповеди монахов и жалкими путаные нравоучения парижских философов.

Ив, почувствовав, что кто-то положил руку ему на плечо, обернулся. Это был отец Гугон. Словно угадав мысли своего ученика, отец Гугон сказал, кивнув в сторону дровосека:

Вот у кого следовало бы поучиться нашим городским клирикам.

Глава XX РИМСКИЙ МОСТ

¹⁰³ Друиды — древние галльские и британские жрецы, поклонявшиеся природе и совершавшие богослужения в лесах. Помимо религиозных обрядов, они выполняли и судебные функции.

Вечером в широкой палатке епископа, разбитои в лесу под тенью двух огромных дубов в нескольких шагах от опушки, за которой в поле расположился епископальный отряд, шла довольно шумная беседа между епископом, рыцарем Жоффруа де Морни и рыцарем Раулем де Рокфлёром. Шум этот происходил от чрезвычайной крикливости рыцаря Жоффруа и громкого баса епископа. Кроме того, перед беседующими стоял стол, уставленный кружками и пятью кувшинами с вином, из которых три были уже пусты. Светильник на высокой железной подставке коптел, проливая тусклый свет на сидящих у стола и на дамуазо за спиной рыцаря Рауля, на постель с настланным медвежьим мехом и брошенным на него черным плащом, на меч, шлем, кольчугу и наперсный крест, висевшие на колу, вбитом в землю, на сапоги с длинными серебряными шпорами и глиняную миску на скамейке.

- Клянусь плешью королевского капеллана, гремел епископ, мне наскучило торчать на этом мерзком поле! Этот проклятый дю Крюзье никогда не вылезет из своего замка, а на приступ стен я не двинусь. Скоро осень, дожди, слякоть. Какого черта я буду торчать здесь из-за вашей семейной распри! Хватит с меня! И епископ ударил кулаком по столу так, что одна из кружек подскочила, выплеснув вино.
- О мессир! воскликнул рыцарь Жоффруа. Клянусь светлым раем господним, мне достоверно известно, что у дю Крюзье иссякли запасы продовольствия, в замке голод, а потайные ходы нами отрезаны. Ему остается только выйти из замка и либо принять бой, либо слаться...
- Но когда, когда?! Вы слышите, мне это надоело! Я подожду еще пять дней и уведу свой отряд!..
  - О мессир! Что вы! Как посмотрят на это рыцари? Что скажет король?
  - А мне наплевать на вашего короля! И епископ плюнул на пол.

Этот грубый разговор, грозящий перейти в ссору, раз-дражал рыцаря Рауля Великолепного. Его безбровое лицо сморщилось, веки почти сое сем закрылись. Он нервно теребил бородку, и золотой перстень на руке поблескивал желтой искоркой. Стоявший за ним дамуазо поправил голубой плащ, соскользнувший с плеча рыцаря.

– А пока, мессир, – продолжал рыцарь Жоффруа, – я предлагаю вам позабавиться и присоединиться ко мне для небольшой, но веселой прогулки. Верные мне люди сообщили, что по дороге, огибающей этот лес... Вы, наверно, знаете дорогу с древним римским мостом через реку?

Епископ утвердительно кивнул головой.

— Ну вот, по этой дороге через три дня вечером пройдет торговый караван из тридцати вьючных лошадей. Кожи, меха, еще что-то, забыл. Словом, товар отменный и в большом количестве. Охраны почти никакой. Как раз. за мостом, если ехать отсюда, дорога идет вниз узким — заметьте, узким — скалистым проходом. Значит, им ползти в гору, а мы, проехав мост, спрячемся за скалами и оттуда стрелами покончим с охраной, а купцы на узкой дороге окажутся в ловушке, и мы с ними легко справимся. Убитых людей охраны зароем, как полагается в таких случаях, а затем проявим истинно рыцарское великодушие и отпустим купцов, предварительно получив имеющиеся при них деньги. Затем возьмем себе весь товар и двадцать шесть лошадей. О-о! Четырех оставим им, опять проявив великодушие. Не забудьте, мессир, что у купцов—меховщиков и кожевников — водятся преимущественно золотые и серебряные денье и ливры. О-о!

Рыцарь Жоффруа сопровождал свои слова выразительными подмигиваниями, таращил и щурил глаза, сопел и надувал щеки, отчего топорщились его усы, очень удачно показал руками, как он покончит с охраной, а при упоминании о золотых и серебряных деньгах позволил себе слегка ткнуть пальцем в епископский живот. Он добился своего. Густые, насупленные брови епископа постепенно поднялись, холодные серые глаза сощурились, и сжатые злые губы изобразили подобие улыбки. Довольный успехом, Старый Орел залпом осушил кружку вина, крякнул, вытер губы бородой, встал и, получив согласие епископа помочь справиться с купцами, заявил, что ему пора ехать к своей ставке.

Во все время этого разговора рыцарь Рауль потягивал вино и с закрытыми глазами бормотал что-то себе под нос.

Когда рыцарь Жоффруа шумно поднялся, чтобы уходить, рыцарь Рауль открыл глаза, поймал его за руку и громко, нараспев продекламировал:

Всё о ней говорит: утром ранним заря И цветы, что весной украшают поля, — Всё твердит мне о ней, о прекрасных чертах. И ее воспевать побуждает в стихах!..

Ах, Жоффруа! Вы ничего не смыслите в искусстве изобретения приятных рифм! Как я скучаю по своей арфе! Когда мы покончим с этой глупой войной...

Он не успел досказать — за пологом раздались какая-то возня, топот ног, кто-то крикнул:

– Факел!

Рыцари выбежали из палатки.

– Что тут такое? – гаркнул епископ в темноту.

Оказалось, что дозорный дремал и был разбужен шорохом. Он увидел тень, будто человек крался, пригнувшись к земле. Потом он явно различил большого зверя, который выпрыгнул из-за куста орешника и мигом исчез в лесу.

- Рысь, сказал рыцарь Жоффруа. Поверьте старому охотнику, она любит подкрадываться к жилью.
- Может быть, ответил епископ. А все-таки надо утром поискать в лесу, нет ли какой другой «дичи».
  - Все может быть, мессир, усмехнулся рыцарь Жоффруа, в такое время...

Утром люди епископа обшарили чуть ли не весь лес и никого не нашли, кроме Жака-дровосека, который объяснил им, что рубит деревья по приказу рыцаря Жоффруа де Морни, которому лес принадлежит. На вопрос, не видел ли он, не слышал ли кого-нибудь, дровосек сказал:

- Я тут работаю давно и никого не видел, а если бы кто спрятался, моя собака сразу бы учуяла...

В полдень того же дня к вилланам из Крюзье и Мерлетты пришел в лес виллан от имени Жака-дровосека и рассказал о намерении епископа и рыцаря Жоффруа де Морни через два дня вечером перехватить торговый караван. Виллан рассказал, какая дорога и где римский мост и с какой стороны придет караван, рассказал и про узкий проход, и про скалы, за которыми хотят спрятать своих людей епископ и рыцарь. Когда вилланы усадили посланца у костра, чтобы угостить своим скудным обедом, он сказал:

— Еще вот что. Жак приказывал, чтобы кто у вас тут начальник, ему сказать, что дорога та очень глухая, жилья поблизости нет и мало кто ездит по ней: уж очень давно не чиненный мост, боятся — доски прогнили. Жак велел, чтобы начальник ваш это знал и доски те осмотрел. Вот и всё. — Виллан прибавил, смеясь: — Чудак он. Два раза мне это повторял, а когда я уходил, еще и в третий раз сказал. Будто я такой уж забывчивый!

Тотчас после ухода посланца Ив и Проспер выбрали людей, не раз уже ходивших с ними на такие дела и выказавших сметливость и храбрость. Собралось человек сорок. Проспер рассказал, с какими знатными людьми придется им потягаться силами.

- Небось слышали, друзья, про епископа, каков гусь? Первейший из священнослужителей разбойничает по дорогам, на землях своих хватает вилланов за малейшую провинность, за неплатеж подати бросает в подземелье. Во время своих охот топчет деревенские поля и огороды...
- Знаю я его, сказал один из вилланов, мой огород прошлым летом вытоптал Корова моя на лугу испугалась его, побежала, он ее и зарубил.
  - Кто его не знает, страшилище такое! крикнул другой.

Проспер продолжал:

— А второй гусь этому под пару — рыцарь Жоффруа де Морни, начальник всего их войска, главный зачинщик войны. Таким важным сеньорам нам надо и встречу устроить поторжественней. Идите пока, друзья, снаряжение свое соберите, одежду приготовьте, запаситесь съестным. Тяжелых мешков не берите. Не теряйте время Может быть, завтра вечером отправимся. Чтобы всё у вас было готово.

С этим Проспер отпустил вилланов, а сам с Ивом остался, чтобы обдумать план похода.

- Ты, конечно, понял, Ив, зачем Жак предупредил нас о досках на мосту?
- Догадываюсь Неспроста три раза говорил о них посланному.
- Верно. Значит, давай думать.

Настал вечер. Затухали костры, на которых вилланы готовили себе ужин, умолкал говор, наползала ранняя лесная ночь, где-то в чащобе заухал филин, а Ив с Проспером всё продолжали вести свой разговор.

Следующий день прошел в сборах. Проспер разделил людей на два отряда по двадцать человек Во главе первого стал он сам. Второй поручил Иву с единодушного согласия вилланов, давно уже прозвавших Ива «наш храбрый школяр Ив».

Слухи о молодом парижском школяре распространились по деревням далеко по всей округе, обрастая неправдоподобными подробностями подвигов отважного школяра Ива. Однажды виллан, пришедший в лес издалека, рассказывал Иву, не зная, с кем говорит, как Ив вел бой с лесным чудовищем, изрыгавшим пламя, и победил его. Как ни старался Ив

разубедить виллана, что такого случая быть не могло уже по одному тому, что огнеизрыгающих чудовищ давным-давно в лесах не водится, тот и слушать не хотел, уверяя, что слышал всё это от очевидца, поклявшегося именем святого Эгидия.

Людям, отобранным для похода, Проспер велел пораньше лечь спать. Судя по указаниям Жака—дровосека и расчетам Проспера и Ива, до скал у моста было не менее десяти лье. Поэтому было решено выйти из леса как можно раньше на следующее утро и идти, пока будет прохладно.

В лесу еще все спали, было темновато, когда отряды двинулись в поход. Они держались поодаль друг от друга, и Один шел поглубже по лесу, другой — вдоль опушки. Оба отряда выслали вперед по четыре дозорных. Они должны были выходить на опушку, влезать

на деревья и оглядывать дороги, поля и сообщать в свои отряды, если заметят людей или какое-либо жилье.

День был не очень жарким. Солнце то и дело пряталось за облака, тени от которых стлались по полям и холмам. Луга и леса то ярко зеленели, то потухали.

Ив вел отряд вдоль опушки. Несмотря на нежаркую погоду, идти все время лесом было нелегко. То и дело приходилось обходить завалы бурелома и болота с тучами мошкары, пробираться сквозь заросли, обдирая руки и одежду о шипы ежевики и колючки диких яблонь. Отдыхали недолго у быстрого ручья, пили его прозрачную холодную воду. К полдню пришлось выйти из леса и обогнуть широкое, из-за войны не убранное ржаное поле – за ним была дорога к скалам у моста через реку. Дозорные сообщили, что отряд Проспера дошел до скал и что дорога пуста, что виден мост. Ив сказал своим людям:

Осталось пол

 –лье, не больше. У реки станем на отдых до завтра. Наши уж там, а что же мы плетемся, неужели мы хуже их? Давайте прибавим шагу. Чем мы быстрее пройдем это поле, открытое со всех сторон, тем лучше. Пошли!

И, выйдя вперед, Ив бодро зашагал по дороге.

Местность действительно была пустынной. Дозорные за эти полдня пятнадцать раз лазали на деревья и, старательно высматривая все вокруг, ни разу не увидели ни пеших, ни конных, ни проезжих людей, не увидели и деревень или отдельных построек, если не считать вросшей в землю кривобокой лачуги без окон, с черным от копоти дверным проемом, с соломенной крышей, зеленой от моха, и двух кроликов, прошмыгнувших в рожь от гнавшегося за ними хорька.

Река у моста была широкой, течение ее настолько медленным, что вода казалась стоячей. Основания береговых устоев двух широких полукруглых пролетов древнего моста, построенного, быть может, воинами Юлия Цезаря, завоевателя Галлии 104, были окружены густой зарослью камыша. Только на одном конце моста уцелела высокая въездная арка. Когда Ив, вооружившись очень длинным шестом, спустился к воде и опустил его в реку, шест до дна не достал – так было глубоко, и вода под мостом была совсем черной. За устоем, по ту сторону моста, синие стрекозы, блестя крылышками на солнце, парили над золотыми чашечками кувшинок. Из-под пролетов моста вылетали стрижи, носились низко—низко у самой воды, охотясь за мошками, и возвращались в гнездо, слепленное на камне пролета.

Оба отряда расположились меж скал. Вечером послали дозорных по дороге в обе стороны наблюдать за подходами к мовту. В сумерки, когда вилланы, поев, улеглись спать, Проспер с Ивом сошлись, чтобы еще раз обсудить все ими задуманное на завтра. Над рекой начинал клубиться туман, — Это хорошо, — сказал Проспер, — туман нам помощник.

– А вот это? – спросил Ив.

В камышах послышалось сперва робкое, а потом все громче и громче кваканье лягушек.

- Может и это пригодиться. Иногда чем меньше тишины, тем лучше.
   Долго говорили Ив с Проспером, снова и снова повторяли всё решенное еще накануне.
   Из-за дальнего леса поднимался медный диск луны.
- Вот это ни к чему. Однако, Ив, идем, вздремнем малость. Завтра не до сна будет. Ранним утром, снова отправив дозорных наблюдать за дорогами, Ив и Проспер взяли с собой двух человек с топорами и пошли осматривать настил моста. Сосновые доски оказались действительно сильно прогнившими, трухлявыми были и брусья под ними. По всей длине моста, по середине его, в местах соприкосновения досок с брусьями подрубили доски так, чтобы они прогибались вниз, подрубили и вырубили верхнюю часть бруса. Концы брусьев у стенок моста также были подрублены. Длинную доску, пересекавшую средний брус, сняли совсем и заменили куском серого холста, обсыпанного землей. Часа через два мост был готов к встрече «почетных гостей».

^{104~} Галлия – в древности часть северной Италии, Франции, Бельгии, Нидерландов и Швейцарии.

- Теперь вот что, сказал Проспер, когда вернулись к скалам, давай еще раз подумаем...
- Погоди, перебил Ив А думал ли ты о том, что наши «гости» могут быть предупреждены, что мост ненадежен? Ведь Жак сказал, что дорога эта пуста потому, что люди знают, что мост давно не чинен.
  - Тогда зачем же он три раза повторял посланному о гнилых досках?
- Не знаю. Но мне кажется, Проспер, что мы должны всё предусмотреть. Представь себе так: ни на какой мост они не поедут, а быстро проскачут где-нибудь в стороне от него.
  - A река?
  - Может быть, они знают, где брод. Могут и переплыть.

Проспер помолчал.

Я думаю вот что. Мы с тобой решили, как и что, если они поедут через мост.
 Поближе, как видно, никакого брода нет, да и Жак не забыл бы об этом нам сказать. Где им в темноте разыскивать место! Прозевают купцов. А плавать ни епископ, ни рыцарь не станут.
 Река глубока и широка. Неужели им губить свою жизнь из-за какого-то каравана? Так если они замыслят искать брод, мы их и видеть не будем. Ходить разыскивать мы их не станем, это просто глупо, значит, всей нашей затее грош цена.

– А что же делать?

 Очень просто. Будем ждать здесь до утра и, не дождавшись, уйдем обратно к себе в лес. Но я уверен, Ив, что будет именно так, как нам сказал Жак-дровосек. Он мудрее нас с тобой.

Ив улыбнулся:

– Пожалуй, ты прав.

Было решено, что к концу дня отряд Проспера укроется в скалах на случай, если епископу и рыцарю удастся переехать по мосту. Ив уведет свой отряд в ржаное поле и спрячется там, чтобы выйти к «гостям» сзади, когда они доедут до моста. С той минуты каждый из начальников будет действовать самостоятельно, в зависимости от того, как повернется дело.

 – Главное – не горячиться, чтобы дать въехать на мост как можно большему числу коней.

Сказав это, Проспер предложил Иву выбрать двух человек, чтобы послать заранее навстречу купцам и предупредить их, что мост неисправен, а брода здесь нет, пусть ищут другой дороги.

 Чтоб не путались тут. А этим двум нашим скажем возвратиться сюда и, если нас не будет, идти обратно в орлеанский лес.

Солнце садилось за большую сизую тучу, поднимавшуюся с запада. Сумерки наступили раньше обычного. Отряд Ива спрятался во ржи. Ив и два виллана остались на краю поля смотреть за дорогой. Лягушки у реки завели свое кваканье.

- Ишь раскричались, сказал виллан К дождю они. У нас в деревне пруд. К дождю лягушки покоя не дают кричат.
  - Верная примета, согласился другой. Да вон, смотри, туча идет, быть дождю. После нескольких минут молчания первый виллан заговорил снова:
- А правду говорят, в грозовой туче ведьмы летят на козлах, на кошках? У нас в деревне старушка есть, в гадальной книге читает, сны разгадывает и всё человеку сказать может, что с ним когда будет. Вот она про ведьм всё и объясняет, говорит сама видела. Как гроза или буря, так сейчас она их и видит...

Сумерки сгущались. Поднявшийся над рекой туман, сперва розоватый, стал серым и затянул поле и доро1у тусклым пологом. Виллан говорил медленно, нескладно. Ив задремал. Немного прошло времени, когда виллан схватил Ива за плечо:

II I E

Ив! Гляди! Огни!

В темной дали, где земля сливалась с небом, виднелись два огня. Они то двигались рядом, то перегоняли друг друга.

 Факелы, – сказал Ив. – Едут. Скажи нашим, чтобы приготовили луки и стрелы и подползли сюда. Скорей!

Виллан исчез во ржи.

Пламя огней росло, и они, словно две сказочные огненные птицы, летели в небе. В это же время наползавшая с запада туча вспыхнула отблеском молнии. Г рома еще не было слышно. Ив сказал подползавшим людям:

 Ложитесь в ряд по краю поля. Когда скажу, будете стрелять. Целиться в коней. Из ржи не высовываться и не вставать. Встать и идти вперед только за мной. Эти двое останутся при мне. Они будут передавать вам мои приказания. Все поняли?

Ив напряженно всматривался в приближавшиеся огни. Пламя их росло с каждой минутой. Ив приложил ухо к земле и услышал топот коней. Звук его приближался вместе с пламенем факелов. Вот на мгновение все исчезло, и огни и топот, за деревьями или за холмом, и снова появилось еще больше огней и топот громче. Уже ясно различимо, как вьется пламя двух факелов и несутся к мосту тени коней и всадников, не менее десяти человек. От места, где лежал Ив, до моста было шагов полтораста. Судя по крупной рыси, с какой бежали кони, видно было, что всадники уверенно едут прямо на мост и хода не убавят. Ив заметил только, что часть всадников проехала вперед, а другая несколько отстала. После этого послышался сильный треск и лязг, словно весь мост обрушился. Перекрывая шум, раздался отчаянный людской вопль, громкий всплеск воды, крики о помощи. Один факел потух. Пламя другого металось из стороны в сторону, и в его колеблющемся свете можно было различить сумятицу людей, конных и пеших, слышались их выкрики.

Ив поднял своих людей и с ними побежал к мосту. Там велел лечь по обе стороны дороги и стрелять из луков, стараясь попадать в коней. Тотчас у моста поднялась свалка. Кони, раненные стрелами, становились на дыбы, кидались то туда, то сюда, били ногами людей, уносили всадников в разные стороны.

У Ива мелькнула мысль, что люди Проспера подошли к другой стороне моста и стрелы их тоже разят врагов. В эту минуту от моста мимо Ива пронесся человек, припавший к шее коня. Длинный плащ, как огромные крылья, развевался за его спиной. Рядом с ним скакал всадник, держа в руке горящий факел. Топот их коней смолк мгновенно в черной мгле.

В темноте у моста слышались какая-то возня и негромкий говор, всплески воды. Ив послал человека узнать, что делается у моста, и, если можно будет, пусть доберется до Проспера и спросит, можно ли провести людей обратно к скалам.

Посланный вернулся скоро и радостно объявил, что у моста всё свои и Проспер там, что мост провалился и с ним кто-то из всадников, толком не разобрал, а другие удрали кто куда и что там такая тьма, что ничего не разберешь, и закончил словами:

– Идем скорей туда!

Действительно, ничего не было видно, потому что луну скрыло огромное облако. Только по верхнему краю его вился узкой каймой серебристый отсвет.

Ив узнал, что Проспер перевел своих людей совсем близко к мосту, чтобы легче было перехватить едущих в случае, если мост уцелеет. Факелы помогли всё увидать. Первыми въехали рысью на мост епископ и двое всадников Тут же доски моста переломились под их тяжестью, и они и их кони вместе с обломками настила упали в реку. Другая часть всадников, во главе с рыцарем Жоффруа де Морни, подъехала к мосту. Они хотели помочь епископу, но в эту минуту кони их словно взбесились, и один из них вместе с всадником упал и скатился с крутого берега в воду. Рыцарь Жоффруа повернул коня и со своим факельщиком умчался прочь.

Я понял, – сказал Проспер, – что кони взбесились от стрел твоих метких парней, и порадовался твоей выдержке и умелому распорядку. Ты у нас молодец, Ив!
 Когда посветлел восточный край неба, Проспер и Ив все еще тихо беседовали. Спать не хотелось и от пережитого сильного волнения, и от радости удачи, и от нетерпеливого ожидания утра, чтобы можно было обнаружить на берегах реки или в самой реке следы ночного происшествия. Вокруг, между скалами, спокойно спали вилланы, кроме двух

дозорных, наблюдавших за дорогой.

Предсказания лягушек на этот раз не оправдались: туча, угрожавшая грозой и ливнем, прошла стороной.

Глава XXI НЕБЫВАЛАЯ ДОБЫЧА

не думаете ли вы, сир Жоффруа, что всё случившееся с вами прошлой ночью дело рук бесов, надругавшихся и погубивших праведника?

– Xa-ха-ха-ха! Это епископ-то праведник? Ну, в таком случае я поздравляю бесов, потому что его душа теперь несомненно в аду, где обыграет в кости не только их, но и самого сатану. Xa-ха-ха!!!

Рыцарь Жоффруа запйл свой хохот кружкой кипрского вина, бочку которого только что получил от Агнессы д'Орбильи, не оставлявшей за все время войны заботы о здоровье рыцаря Жоффруа и вместе с бочкой приславшей своего духовника, монаха Гильберта, неизменного посредника между нею и главным начальником рыцарских войск, осаждавших замок Крюзье.

- Нет, мой дорогой брат Гильберт, пускали стрелы в зады наших лошадей не бесы, а беглые вилланы, я в этом убежден.
  - Вилланы? Стрелы? Откуда у них оружие?
- Из нашего с вами потайного склада, мой преподобный брат, из нашего склада в мерлеттском лесу. А вот кто выболтал им нашу тайну, понять не могу... Что же вы не пьете?

И рыцарь налил вина монаху и себе. Осушив залпом кружку, он крякнул и продолжал:

— Вот так, мой дорогой! Прошу вас, скажите даме д'Орбильи, что я сделал всё, что было в моих силах, чтобы спасти епископа, но увы!.. — Рыцарь глубоко вздохнул и покачал головой. — Скажите, что я счел нужным распустить епископальные отряды. Естественно, что люди, потерявшие своего вождя, не захотят сражаться под чьим бы то ни было другим начальствованием. И о вилланах скажите, что я, клянусь святой Женевьевой, разыщу и перехватаю этих подлецов!

Он ударил кулаком по стрлу так, что монах в испуге вскочил.

– Я знаю, где искать этих мерзавцев!!

Опять удар кулака, но мимо края стола, отчего рыцарь Жоффруа сам чуть было не повалился на пол. Брат Гильберт счел нужным скрестить руки на груди и, отвесив низкий поклон, удалиться из палатки.

– Куда же вы! – кричал ему вдогонку рыцарь. – Вы не допили своей кружки!

Оглядевшись осовелыми красными глазами кругом, он допил оставленное монахом вино и крикнул:

— Оэ! Кто там? — И вбежавшему слуге сказал, икая: — Посла... разыска... Драка—Жовосека, тьфу! Жака—дровосека, чтоб завтра ко мне! Не найдут — повешу!!

Слуга убежал.

Рыцарь Жоффруа снова занес кулак, чтобы ударить по столу, но остановил руку над головой, потом тихо опустил кулак на стол. Веки его слипались. Голова упала на кулак. Рыцарь заснул.

К вечеру следующего дня был приведен Жак-дровосек. Рыцарь Жоффруа приказал дозорщику у палатки никого к нему не пропускать. Усадил дровосека на скамью и даже налил ему кружку вина, не забыв, конечно, и себя, и дружески похлопал Жака по плечу:

- Пей, пей, не бойся. Ну, как там у меня в лесу, всё хорошо?
- Чему там плохому быть, добрый сир? Птицы да звери.
- А может быть, иногда и люди попадаются? А?
- Это вы, сир, о порубщиках беспокоитесь? Какие там порубщики во время войны!
- Почему порубщики? Не встречал ли ты беглых?
- Нет, сир, не приходилось.

- Говорят, их в лесах полным-полно.
- Может, где-нибудь и есть, не знаю.
- Вот, например, в орлеанском. Ты там бывал?
- Приходилось. Давно.
- Дороги там знаешь?
- Там дорог нет, одни тропинки. Глушь страсть какая! Рыси да дикие кошки.

Рыцарь Жоффруа насупил брови и исподлобья в упор смотрел на дровосека:

- A вот мне достоверно известно, что там, в ближайшей отсюда части, есть люди - беглые вилланы, и немало их.

Ни одна жилка не дрогнула на лице дровосека, — Не знаю, сир, что вам и ответить: сказать, что там нет людей, — значит обвинить кого-то во лжи, сказать, что есть, — значит самому соврать, потому что, когда я был в орлеанском лесу, там никого не видал. Мой долг, сир, предупредить вас, что не знающий тех тропинок может заблудиться и не выбраться оттуда и попадет в лапы рыси или кошки, а ночью там всякого зверья великое множество.

- Ну ладно, вот что, перебил рыцарь. Возьмешься ли ты провести в этот лес меня с моими людьми? Не беспокойся, для зверья у нас запасено оружие. Попробуем поискать и вернемся обратно, а тебе за это я отсыплю две пригоршни серебра. Согласен?
- Как я вам уже сказал, был я там давно На свою память рассчитывать не могу. Стар я стал. Люди добрые говорят, что мне скоро двести лет стукнет. Все может быть, не знаю. Ежели вы, добрый сир, обождать можете, я раздобуду одного человека он там все тропинки знает. Надобно мне для этого дня три. А насчет денег не извольте беспокоиться, я и на одну пригоршню согласен. Куда мне, старику лесному, серебро?
  - Ну что ж, давай человека. Да нельзя ли поскорей?
- Для вас, сир, постараюсь. Дровосек встал и отвесил поклон: Благодарю за почет! и повернулся уходить.

Рыцарь Жоффруа встал и пошел рядом, похлопывая его по плечу:

- Смотри, к зиме чтоб дровишки мне были, да получше.
- Сами знаете, сир, Жак—дровосек плохих дров для таких сеньоров, как вы, не готовит. Бывало, привезешь вашему отцу в замок дров. Они выйдут, щелкнут пальцем по полену: «Звенит?» говорят. «Звенит», отвечаю. Они к депансье обернутся: «Выдай-ка Жаку золотой». Да упокоит их господь в своих райских кущах!

Рыцарь Жоффруа опустил голову и, осеняя себя крестным знамением, пробормотал:

– Amen.

Нуаро ждал своего хозяина у входа в палатку и бросился к нему, виляя хвостом и радостно повизгивая.

– Заждался! – сказал Жак, поглаживая собаку по голове. – Ну, идем скорей!

Нуаро всё сразу понял, помчался вперед, остановился, обернулся, ожидая хозяина. Когда тот подошел, Нуаро снова умчался вперед. Он безуспешно гонялся, лишь бы гоняться, за стрижами, скользящими в бешеном лёте над самой дорогой.

Жак шел в орлеанский лес. Шел и думал, как бы помешать рыцарю де Мории исполнить его замысел разыскать вилланов в орлеанском лесу. И не только помешать, но и проучить этого мерзкого человека так, чтоб он носа своего не совал больше в лес, ни в орлеанский, ни в какой другой. Заночевав в поле, Жак к полдню следующего дня пришел в лесной лагерь.

Как всегда, приход Жака-дровосека был радостен для вилланов.

Тотчас же все толпой окружили его, ожидая новостей, рассказов, а главное, добрых советов. На этот раз, однако, Жак заявил, что он намерен говорить только с некоторыми по весьма важному и пока тайному делу. Пусть выберут человек шесть. Так и сделали, и в число избранных, конечно, попали и Ив, и Проспер, и Сюзанна.

– Вот хорошо, что выбрали эту девушку! – сказал Жак. – Она нам может очень помочь в нашем деле.

Вилланы сказали, что ценят Сюзанну за ее храбрость и сметливость и любят за

заботливость и доброту. Когда вилланы начали расхваливать Ива и Проспера, описывая их смелость, умение распоряжаться людьми во время походов, Ив запротестовал, сказал, что вовсе не так: не одни они с Проспером смелые и умелые, а каждый из их товарищей, когда надо, и смел и умел, как не раз было доказано на деле, и что за ним, и за Проспером, и за каждым числятся и ошибки и проступки.

– И нечего нас вперед выпячивать, – закончил он.

Жак сказал, что предпочитает собраться в одной из землянок:

– Там будет тише.

Совещание в землянке продолжалось чуть ли не до вечера. Жак остался ночевать. Ужинали вместе – он, Проспер, Ив и Сюзанна. Она и готовила ужин.

– Молодчина, Сюзанна! – сказал Проспер. – Ужин не хуже, чем в «Железной лошади».

Сюзанна рассмеялась и подмигнула Иву:

– Не хватает гренадского.

Проспер вздохнул:

– Эх, что там вино, песню бы спеть!

Жак, сидевший рядом, обнял его за плечи:

– Верно. Нашему народу без песни – как без воздуха. Не грусти, Проспер, скоро войне конец, я это знаю наверно, и ты услышишь песни и сам запоешь.

Зная, что рыцарь Оливье не участвует в войне и терпеть не может рыцаря де Морни, особенно за то, что тот травит птиц своими соколами, Жак-дровосек решил использовать эти обстоятельства в своих целях и тотчас после разговора с вилланами отправился к рыцарю-птицелову, которого и уговорил поскорее установить намет для ловли птиц в орлеанском лесу, там, где он укажет рыцарю. Сказал, что в этом очень глухом месте птицы не пуганы и кормом не избалованы из-за заболоченности, почему и пойдут в большом количестве на любое зерно, на любую ягоду. Рыцарь Оливье был в восторге, и они наметили место встречи у опушки орлеанского леса, куда, по просьбе Жака, рыцарь должен был приехать дня через два, утром, обязательно утром, чтобы не терять времени, со своими двумя птицеловами и необходимою снастью.

В тот же день Жак вернулся в лес к вилланам. Был вечер, когда за ужином у костра Ив, Сюзанна и Проспер слушали рассказ Жака о его посещении рыцаря Оливье. Потом решали, кому и когда что делать в следующие дни и кому идти с дровосеком к рыцарю де Морни в качестве «знатока всех тропинок» орлеанского леса.

- Я пойду, сказала Сюзанна.
- Нет, не годится! запротестовал Ив. Тебе идти нельзя. Не такой уж он дурак, чтобы не понять, что женщине не место в глухих лесных местах. Откуда она может их знать? Дровосек она, что ли, или угольщик? Не годится тебе. Пойду я!

Жак согласился с Ивом, и утром они отправились к рыцарю Жоффруа.

На расспросы рыцаря Ив отвечал, что год назад работал у одного дровосека по вывозу дров из орлеанского леса и знает хорошо те немногочисленные тропки, проложенные тогда вьючными лошадьми и ослами, и тропинки, вытоптанные дикими зверями к водопоям – болотным озеркам и канавам. Рыцарь Жоффруа удовлетворился такими ответами, тем более что все это подтвердил Жак-дровосек.

- Хорошо. Ты, Жак, ступай, с тобой тогда рассчитаемся.
- Когда прикажете прийти?
- Дай подумать... Так. Завтра я вызван к королю...

Послезавтра поеду в орлеанский лес. Ну, значит, дня через три и приходи. А парень останется здесь, при мне.

- Вы уж его, добрый сир, не обидьте. И приспособьте ему какую-нибудь лошадку.
- Хорошо, хорошо, будь спокоен, он свое получит, и конягу раздобудем.

Жак похлопал Ива по плечу и нахмурил брови:

- Смотри у меня! Чтоб сир Жоффруа был доволен!

Отвесив рыцарю низкий поклон, Жак ушел, радуясь, что рыцарь сам назначил свою

поездку через день. Это совпадало с намеченным им и вилланами сроком и значительно облегчило его задачу. «Король выручил!» – подумал Жак.

Место, куда через день Жак должен был привести утром рыцаря Оливье для установки намёта, а позднее Ив — рыцаря Жоффруа, было действительно очень глухим. Чуть заметная тропинка вела от опушки леса вглубь и в сторону, совершенно противоположную от лагеря вилланов. В ча шобе заросли колючего терновника, обступавшей вековые деревья, закрывающие густой листвой свет, в самые яркие солнечные дни царил сумрак. Лесная тропинка вилась между зарослью и заболоченной поляной с одной стороны и навалом бурелома — с другой. Тут, над этой тропинкой, и должны были птицеловы установить широкую сеть — намёт для птиц, какие соберутся под ней к набросанному корму.

Жак-дровосек наказал Иву постараться всячески задерживать отъезд рыцаря Жоффруа с расчетом не приехать на место раньше полдня:

– В этом твоя задача первейшей важности во всем нашем деле. Не забудь подвести рыцаря к месту непременно рысью, это тоже важно. Я надеюсь на тебя, помни это.

Король «выручил» не только Жака-дровосека, но и Ива.

После обсуждения с главным начальником рыцарских отрядов и самими рыцарями плана завершения войны о дю Крюзье, который, по имеющимся от лазутчиков сведениям, в скором времени намерен выйти из замка и, на сдавшись, вступить в бой, Людовик Толстый так хорошо угостил созванных в королевский замок в Санлисе лучшими винами своего погреба, что рыцарь Жоффруа де Морни был привезен в свою ставку ночью в весьма плачевном состоянии и, проспав значительно дольше обыкновенного, стал утром восстанавливать свои силы вином, что вернуло его в «виноградники господа» и тоже заняло время. Наконец все на конях — он, Ив и четверо людей рыцаря двинулись по дороге к орлеанскому лесу незадолго до полдня.

Такое запоздание позволило Иву во время пути несколько раз торопить рыцаря, то и дело переводившего коня на шаг, чтобы подремать в седле. Уговаривая его, Ив повторял:

— Мессир, в орлеанском лесу темнеет очень рано, и оставаться там поздно совсем не безопасно — дикие кошки и рыси подстерегают на каждом шагу, а в болотистых местах выползают ядовитые змеи, опасные для лошадей. Нам надо торопиться, мессир...

Еле брезжил утренний свет, когда Сюзанна и Проспер были уже на месте и постарались наметить в буреломе укрытие получше недалеко друг от друга, откуда была видна тропинка. Другая сторона тропинки густо заросла терновником с синими, как сливы, плодами. На долю Сюзанны и Проспера выпала нелегкая задача. Первое — у места, где поставят намет, притаиться в буреломе так, чтобы никто их не заметил, имея в виду, что птицеловы тоже будут прятаться в буреломе, на который им укажет Жак-дровосек. Второе и самое трудное — выбрать удачную минуту, когда появятся всадники, приведенные Ивом, овладеть веревкой птицеловов, привязанной к шесту намета.

В лесу было тихо, только вдалеке стучал дятел и маленькая птичка прилетела на тропинку, робко чирикнула и, словно испугавшись своего голоса, упорхнула. Чуть слышный шорох в буреломе – змея или зверек какой-нибудь. За терновником над болотом сизая дымка тумана. Тишина...

Казалось, не будет конца этой тишине. И вот наконец послышался глухой, мерный шаг коней. Ближе... Слышен негромкий людской говор. Сквозь ветки бурелома Сюзанна увидела Жака, идущего рядом с лошадью, и на ней рыцаря с длинными волосами и бородой, в круглой суконной шапочке и в кожаной безрукавке. За ним — два всадника с луками за спиной. У одного через переднюю луку седла перекинута свернутая сеть, у другого в руке длинный тон» кий шест и у седла большая клетка. Они остановились на тропинке. Жак указал им на землю и на бурелом, помог рыцарю слезть с коня. Они о чем-то поговорили, и Жак, низко поклонившись, быстрым шагом пошел обратно, свернув с тропинки в лес. Привезший сеть сбросил ее на землю и слез с коня, другой слез тоже и положил у сети шест, по—том отвел всех лошадей за бурелом, чтобы привязать их подальше в лесу. Сам вернулся и с другим птицеловом начал устанавливать намёт. Рыцарь сел на пень у тропинки и наблюдал

за установкой. Сеть подняли высоко на шесте, поставленном посередине тропинки. Углы сети подняли и положили на ветки деревьев. Получился шатер. Нижний конец шеста ничем не укрепили и привязали к нему длинную веревку, протянули ее по земле в бурелом. Потом стали разбрасывать под намет зерна и кусочки плодов терновника с таким расчетом, чтобы весь корм был сосредоточен на месте, какое покроет сеть при своем падении на землю, когда шест будет выдернут. Тщательно проделав все это и осмотрев, рыцарь и его люди спрятались в буреломе. Сюзанна разглядела, что конец веревки в руке рыцаря. Она соображала: сможет ли она выхватить веревку? Вряд ли. Вспомнились слова Жака—дровосека. Он сказал ей: «Хоть ты, хоть Проспер, кому способнее будет схватить веревку, не сделаете это, не выдав себя, а потому придется вам пойти в открытую. Наша цель какая? Чтобы сеть упала на нашу «птицу», а птицеловы ее ловить не станут. Вы должны сами ее словить. За рыцаря Оливье я ручаюсь — он вам плохого ничего не сделает, а вот за другого не могу. Кто из вас на это пойдет, должен сам себя спасти. Суматоха будет? Будет. Вот ею и воспользоваться...»

Подъезжая к орлеанскому лесу, Ив был поглощен мыслями, приведет ли Жак-дровосек рыцаря-птицелова, на месте ли Сюзанна с Проспером, смогут ли они вовремя выдернуть шест намета и как ему заставить рыцаря Жоффруа ехать рысью по лесу, а самому не очутиться под сетью и успеть скрыться? А если там не будет совсем намета или Сюзанны с Проспером, тогда что делать?

Лес уже виднелся в каком-нибудь лье впереди, а, как назло, решение не приходило на ум, а тут еще рыцарь Жоффруа крикнул пьяным голосом:

— Оэ! Парень! Что же это? Торопил, торопил, а теперь сам шагом едешь? А ну-ка, вперед!!

И, пришпорив коня и гикнув, промчался мимо. За ним его люди. Конь Ива мотнул головой и понесся следом за ускакавшими. Вначале кони мчались по дороге, поднимая клубы пыли, потом, перемахнув через канаву, свернули в ржаное поле. Напрасно Ив силился остановить коня или повернуть на дорогу. Впереди раздавались выкрики и свист рыцаря Жоффруа. Полупьяный, дав волю своему воображению, он, очевидно, решил, что гонится за оленем. Эта бешеная скачка длилась до самого орлеанского леса, когда рыцарь наконец осадил своего коня, повернул и, поднявшись на стременах, поднял и опустил руку, приказывая всем остановиться. Ив подъехал и указал в сторону леса:

- Вам повезло, мессир. Вот она, нужная нам тропинка.
- Ты, черт тебя забери, опять прикажешь ехать рысью?
- Вы угадали, мессир, давайте поторопимся.
   Ив поднял голову, поглядел на солнце.
   Взгляните, уже за полдень.

Тропинка эта была давно знакома Иву. Он знал каждый ее поворот и чуть ли не каждое дерево, подлески и полянки. Ехали гуськом. Впереди Ив — проводник, за ним рыцарь Жоффруа, за ним его люди Ив решился на хитрость. Еще раз сказав, что надо торопиться, он, однако, ехал шагом и, только когда угадал, что вдали светлым от солнца пятном появилось болотце, обернулся к рыцарю и дрожащим от волнения голосом сказал:

– Мессир, видите там светло? Это болото. В нем, помните, я вам говорил, много ядовитых змей. Нам надо непременно быстро его проскочить, чтоб уберечь коней. Едем рысью!

Последние слова Ив почти выкрикнул и поехал рысью. Расчет оказался правильным: остальные лошади, следом за конем Ива, перешли на рысь.

Ив издали увидел шест намета и стайку птиц, клюющих корм на тропинке. Остальное произошло мгновенно. Вся стайка вспорхнула и исчезла. У самого намета Ив резко повернул коня в обход сети. А рыцарь Жоффруа с ходу налетел на шест, сбил его, тотчас упала сеть и опутала ноги и коня и всадника. Куски шеста, растоптанные конем, били его по ногам. Конь встал на дыбы, крутясь на одном месте, все больше запутывал сетью себя и рыцаря, потом стал бить задними ногами и, разорвав сеть, убежал в лес. Пьяный рыцарь Жоффруа, измотанный вконец, рухнул с коня на землю и, ударившись лицом, со стоном пополз на четвереньках. Не в состоянии выпутаться из остатков сети, он сел на землю, дрожа от злобы,

и рычал что-то себе под нос. Белесые глаза налились кровью и слезами, толстая нижняя губа отвисла. На лбу вскочила огромная шишка, из носа шла кровь. Двое людей поскакали ловить коня. Двое других занялись распутыванием своего господина из сети.

В эту минуту из-за навала бурелома появился рыцарь Оливье в сопровождении своих птицеловов и подошел к пострадавшему:

- Так вот как вы трудитесь на путях чести, сир Жоффруа? Вместо того чтобы участвовать в войне с дю Крюзье, защищая честь семьи де ла Туров, вы заняты нечистым делом, позорящим вашу семью и вашу рыцарскую честь, и без этого измаранную грязными делишками...
  - Замолчи, пес негодный! крикнул Жоффруа.
- Нет, лучше замолчите вы, сир! На правах близкого родственника покойного Ожье де ла Тура и вашего свойственника я имею право говорить с вами откровенно. Лучше помолчите, иначе я принужден буду при этих вот простых людях напомнить вам о виновнике недавней смерти епископа, да—да—да! Не пытайтесь оправдываться, об этом уже и\$» вестно далеко за пределами наших с вами доменов...
  - Вздор! Низкая клевета!
- Ответьте мне лучше, спокойно продолжал невозмутимый Оливье, зачем вы очутились здесь? Ведь, кажется, ваши соколы не летают в лесах, а воины, над которыми вы поставлены начальствовать, в лесах не воюют? Зачем же вы здесь? Уж не для того ли, чтобы помешать мне заниматься птицеловством? Признаться, вы добились совсем обратного сети мои еще ни разу не удостаивались чести ловить «орлов».

Рыцарь Оливье сделал знак своим птицеловам:

– Помогите этим парням освободить их сеньора. Не будем ссориться, сир Жоффруа. Я очень надеюсь, что этот печальный случай, позорящий вашу честь, послужит вам уроком и напомнит о двух главнейших рыцарских доблестях: о смирении и умеренности во всем и всегда.

Пока рыцарь-птицелов с гордым достоинством произносил эту назидательную речь,

его небывалая добыча была наконец выпутана из сети. Старый Орел был скорее похож на старого бродягу, избитого в харчевне такими же, как он, пьяницами. Вскоре появились люди с пойманным конем, на которого и взгромоздили рыцаря Жоффруа, и печальная процессия, сопровождаемая рыцарем Оливье с птицеловами, двинулась шагом в обратный путь из орлеанского леса.

Сюзанна и Проспер, счастливо избежав встречи с рыцарем Оливье, главным образом потому, что никому из них не пришлось дергать за веревку от намета, решили не трогать рыцарских лошадей и пешком дошли до своего лагеря, куда Ив раньше их доскакал на коне.

Глава XXII БОЙ

На время осады замка Крюзье вся местность на много лье вокруг превратилась в пустыню. Где были деревни — пепел, вместо лесов — пни, на месте полей — голая земля. Так выглядело и широкое пространство между замком и деревнями Крюзье и Мерлеттой, где все месяцы войны войско простояло лагерем. Редко где зеленел овражек или чудом уцелевший клочок луга.

Всё было гладко утоптанное, серое от пыли. Только вдали, в стороне, зеленела узкая полоса камышей по берегу реки да на другом краю — холм с желтеющей цветками зарослью дрока.

Лагерные палатки и обозы располагались в полулье оч замка и осаждавших его войск. Когда стало известно, что дю Крюзье выведет свое войско из замка, рыцарь Жоффруа де Морни отдал приказ снять осаду и, оставив небольшое полукольцо заслона из конных отрядов, отвести остальные конные и пешие к лагерю и быть готовым в любую минуту к бою.

Войско насчитывало восемнадцать отрядов конных и столько же пеших, вооруженных луками и алебардами. Всего три тысячи пятьсот человек, не считая оруженосцев, экюйе, маршалов, обозных и слуг. Войска у дю Крюзье было всего тысячи две, что само по себе предрешало исход боя. Однако лазутчики подтверждали упорное нежелание Черного Рыцаря сдаться на милость победителей и твердое решение защитить свою честь оружием.

Слухи об этом доходили и до вилланов в орлеанском лесу. Ив узнал о предполагаемом дне боя от человека, присланного Жаком-дровосеком. «Пусть скажут школяру Иву, Просперу и Сюзанне из Мерлетты, что они могут полюбоваться на свои родные деревни с холма, что у поворота пути к орлеанской дороге». Так наказывал Жак-дровосек. Ив и Проспер (Сюзанна не могла пойти, она, по просьбе отца Гугона, ухаживала за тяжело заболевшей слепой Жакелиной) укрылись в кустах на верху холма и увидали ужасающую картину бессмысленной, нелепой, жестокой и отвратительной резни между людьми, кичащимися показной честью, лживыми защитниками христианской морали.

Солнце еще не всходило. Холодное сентябрьское утро блеклой дымкой затянуло унылые пожарища и мертвые поля. Вдоль речки дымка сгущалась в завесу тумана. Замок на высоком холме, в ясные дни видневшийся вдали, исчез. Лагерные палатки тонули в дымке. Царила тишина, мертвая, зловещая. Все живое притаилось в предчувствии недоброго. За неимением вблизи церкви рыцари, по обычаю, перед боем в своих палатках ложились на землю головой к востоку, произносили покаянную молитву.

Вот глухо, еле слышно донеслись со стороны замка звук рога и приближающийся топот скачущей лошади. Среди палаток вспыхнули факелы, и видно было движение неясных теней. С каждым мгновением слышнее и слышнее людской говор, стук, бряцание, окрики, скрип повозок, ржание лошадей. И наконец резкий голос рога, приказывающий двигаться навстречу смерти.

Прискакавший из отряда заслона гонец сообщил рыцарю де Морни, что дю Крюзье вышел с войском из замка в поле и строит боевые клинья. Начальник заслона сир Годефруа де Вадикур отдал приказ отрядам отступить и стать на полпути к лагерю. Один за другим

двинулись из лагеря конные и пешие отряды на соединение с отрядами Вадикура. За далекими темными лесами кровавой полосой протянулась багряная заря. Над ней мерцала одинокая утренняя звезда.

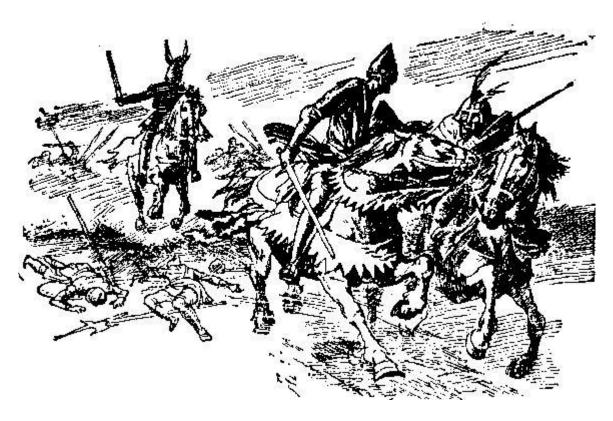
Соединившись с отрядами заслона, де Морни начал спешно строить одну за другой три линии боевых клиньев, по три клина на линии, с расчетом, чтобы острие первого клина второй линии было направлено между первым и вторым клином первой линии, острие второго — между вторым и третьим, и то же на третьей линии. В клине — пятьдесят конных рыцарей. У каждого из них позади оставались три пеших оруженосца с двумя запасными лошадьми и запасными щитом, копьями и мечами. За конным клином строился квадрат пешего отряда в семьдесят человек, с луками и алебардами.

Дю Крюзье построил свои пешие отряды широким полукольцом, намереваясь заманить в него рыцарей—врагов и замкнуть кольцо. Это было неудачным маневром, раскрывающим до начала боя его замысел. Кольцо пеших достигало цели только в том случае, если опытный предводитель войска умел создать такое кольцо в ходе боя, неожиданно для врага. И когда вражеский конный отряд атаковал это кольцо, пешие воины пронзали лошадям брюхо алебардами, подбегали к упавшим с коней, срывали с них шлемы и наносили смертельный удар в голову.

Де Морни тотчас же воспользовался оплошностью дю Крюзье и бросил с двух сторон в обход этим пешим отрядам два конных. Третий, во главе с графом Гильомом де Корбейлем, был направлен в центр полукольца. Все три отряда одновременно налетели, внося смятение в ряды пеших отрядов, не сумевших отбиться, и большинство их людей были растоптаны и изувечены конями. После этого граф де Корбейль круго повернул свой отряд и вскачь помчался обратно, чтобы не очутиться помехой между дю Крюзье и своими для завязки боя. Тогда дю Крюзье во главе своих конных отрядов ринулся на выстроенные клинья отрядов де Морни. С обеих сторон скакали всадники навстречу друг другу. То здесь, то там завязывались поединки. Навстречу Черному Рыцарю несся на легком, как птица, арабском коне молодой красавец граф Мишель де Монтлери, все полгода войны мечтавший, как он, именно он, зарубит своим длинным мечом злодея дю Крюзье, а заодно и его вороного арагонского «кабана». Ему не страшна черная медвежья лапа на серебряном щите, облитом кровью первого солнечного луча. Самонадеянный красавец ошибся в своих расчетах – в первое же мгновение встречи с врагом его араб, пронзенный копьем дю Крюзье, рухнул вместе с ним на землю. Граф не успел просить пощады – дю Крюзье растоптал его копытами арагонского коня.

Родственник де Монтлери, Кретьен де Лоншан, и сторонник дю Крюзье, Роже д'Орбильи, сражались на мечах. Кони их кружились, словно сплетенные друг с другом, то в одну, то в другую сторону. Мечи звенели, выбивая искры. Короткая схватка кончилась победой рыцаря д'Орбильи. Его противник, окровавленный, лежал на земле мертвый. Конь его умчался, подгоняемый бьющимися о его бока стременами.

Во всю ширину свою поле боя шумело звоном щитов, лязгом мечей, выкриками, стонами, бранью, проклятьями, ударами копий о щиты, ржанием коней. Во всех концах его краснели на солнце кровавыми пятнами шлемы, кольчуги, мечи. Все больше и больше заволакивалось оно поднимающейся пылью.

Невредимый Черный Рыцарь мчался вперед.

Рыцарь Жоффруа приказал Роже д'Орбильи с небольшим отрядом отрезать дю Крюзье от его войска, зайдя к нему с тыла, а сам стал заманивать дю Крюзье. Он наскакивал на него совсем близко, выкрикивая оскорбления:

– Бешеный пес!! Я воткну тебе железо пониже спины!

Дю Крюзье в долгу не оставался и, мчась за увертывающимся обидчиком, кричал:

— Попадись мне — я отрублю тебе голову и брошу ее собакам!

Рыцарь Жоффруа снова и снова налетал, кричал на ходу, повертывал коня и, прикрывая голову щитом, уносился обратно. Так постепенно он добился того, что взбешенный дю Крюзье в этой упорной погоне за ненавистным де Морни не заметил, как был отрезан от своих, как полукольцом скакал за ним конный отряд д'Орбильи и как он очутился один на один с рыцарем Жоффруа на дальнем краю поля, вблизи холма v лагеря противника, и как за его спиной скрылись из глаз его отряды в густом облаке пыли, стоявшей над местом боя.

Ив с Проспером высунули головы из кустов Они давно уже узнали и рыцаря Жоффруа и дю Крюзье.

- Гляди, гляди, волнуясь, говорил Ив, чей это рыцарь скачет сзади? Сейчас догонит! Если враг нашему сеньору, тогда дю Крюзье крышка: от двоих не отобьешься.
- Не все ли равно чей, сказал Проспер. Кому-нибудь из них придется помереть, ну и за то спасибо.

– Догоняет!.. Не догонит!.. Уходит!.. Догонит!.

Это уж они говорили оба сразу. Причем Ив совсем вылез из куста и колотил кулаком по земле, словно это могло заставить неизвестного рыцаря прибавить ходу.

Однако дю Крюзье удалось перегнать рыцаря Жоффруа и, обходя его, он на ходу рубанул мечом и отсек ему правую руку. Рыцарь Жоффруа упал с седла, обливаясь кровью.

Тут дю Крюзье удержал скок коня и обернулся. И в то же мгновение на него налетел д'Орбильи и ударом меча под колено отрубил ногу. Дю Крюзье упал неподалеку от рыцаря Жоффруа.

Оба! – крикнул Проспер.

- Гляди! Гляди! Старый Орел встает!

Ив повидал немало, но то, что он увидел в эту минуту, потрясло его. Рыцарь Жоффруа,

тучный, с лицом, вымазанным кровью и пылью, с выпученными озверелыми глазами, задыхаясь, полз из последних сил к своей отсеченной руке, лежащей в пыли между ним и дю Крюзье. Со страшным усилием, морщась от боли, он дотянулся до нее, поднял и бросил в лицо дю Крюзье. Тот лежал на спине без сознания.

Подскакавшим людям своего отряда д'Орбильи приказал отнести рыцаря Жоффруа в лагерь, а сам подъехал к дю Крюзье и прикончил его ударом копья. Труп велел перекинуть перед ним на седле. Трубя в рог отбой, в сопровождении своего отряда рыцарь Роже д'Орбильи поскакал обратно к войску.

Конь рыцаря Жоффруа умчался в лагерь. Конь дю Крюзье спокойно щипал чахлый кустик у склона холма. Проспер показал на него:

– Смотри.

Ив не обернулся и молча шел до самого орлеанского леса, куда они пришли поздно вечером. Проспер звал его ужинать. Приходила Сюзанна, тоже звала. Ив не пошел, отговорившись усталостью и желанием уснуть.

Он не уснул. Лежал с открытыми глазами. Сквозь прутья шалаша видел отблески костров, слышал говор и смех и, как ему показалось, песню, робкую, тихую и такую непривычную здесь, где в течение полугода никто и ноду—мать не мог запеть. И вот — песня. Люди узнали, что дю Крюзье убит и война кончилась. После песни вдалеке заухал филин.

«Вот это привычное, – подумал Ив и спохватился: – Жуткое уханье ночной птицы привычнее песни!» Память восстановила все прожитое за эти шесть месяцев, напомнила о радужных надеждах бродячего школяра, бодро шагавшего в Париж с письмом к магистру

Петру за пазухой, о двухголовой форели и непутевом жонглере, затащившем его в проклятый замок Понфор. А Эрменегильда? Что с нею? Неужели ушла в монастырь? Увидятся ли они? И сегодняшний день с его жуткой картиной диких расправ рыцарей друг с другом. И почему из-за этого должны были сгореть Крюзье и Мерлетта? Как же можно петь, радуясь концу войны, когда неизвестно, что их ждет. Может быть, новый сеньор будет еще требовательнее и злее, чтобы быстрее восстановить свой сожженный и вытоптанный домен А вилланов – голодный рабочий скот с ярмом на шее – впрягут в непосильную работу за

жалкую пустую похлебку и ломоть черствого хлеба...

Тревожная дрёма охватила Ива только под самый рассвет.

Лесной лагерь зашумел очень рано. Ива разбудила громкая песня. Он узнал голос Проспера. К нему присоединились женские голоса.

Ив вышел из шалаша и, подальше обойдя поющих, пошел к отцу Гугону. Его шалаш был пуст. Из соседнего вышел мальчуган.

- Не видел, куда пошел отец Гугон?
- За ним тетушка Сюзанна приходила и увела к больной.

Ив понял, что речь идет о слепой Жакелине. У нее он и нашел отца Гугона.

В землянке, где лежала больная, окна не было. Фитиль в глиняной плошке с гарным маслом горел тускло и коптел. Когда Ив вошел, Сюзанна приложила палец ко рту. Слышно было, как Жакелина шепчет что-то низко наклонившемуся к ней отцу Гугону. Ив понял — исповедуется. Он кивнул Сюзанне, чтобы она вышла из землянки, и вышел сам. Они сели на траву.

– Умирает, – тихо сказала Сюзанна.

Помолчав, спросила:

– Пойдешь обратно в Париж?

Ив пожал плечами.

 А я останусь с матерью. Где-нибудь попрошусь в деревне работать, может, пустят жить. Скажи там в «Лошади» хозяину, не устроит ли где маму, а я за половинную плату буду работать. Скажи, а я наведаюсь... Что это ты такой? И не стыдно тебе?

Ив молчал. Сюзанна встала, потрепала его по плечу и, улыбаясь, сказала:

 Счастливого тебе пути. Буду в Париже – свидимся. – И она пошла обратно в землянку. Через некоторое время вышел отец Гугон. По низко опущенной голове его, по выражению лица Ив понял, что бедная Жакелина умерла.

– Пойдем, – сказал он Иву.

Молча они дошли до шалаша отца Гугона. Внимательно выслушал священник Ива, который говорил о своем желании остаться с вилланами из Крюзье и помогать им строить новую деревню. И, выслушав, сказал:

— Все, о чем ты говорил мне, сын мой, достойно похвалы, и чувства, руководящие тобою, поистине христианские, и не соглашаться с ними нельзя. Но послушай внимательно, что я тебе скажу. Ты начал учиться, и начал удачно, преуспеваешь в искусстве письма. И то и другое, как я не раз говорил тебе, открывает перед тобой широкий и ясный путь в жизни.

Для чего же ты будешь бросать все удачно начатое, сходить с намеченного пути и становиться, хоть и с прекрасными намерениями, на путь, сулящий горе, нищету и несчастья? Послушай мой добрый совет. Трудись прилежно в совершенствовании искусства письма. Это даст тебе хлеб насущный, спасет от вечных бедствий нищеты, даст возможность спокойно изучать науки и посвятить себя славному подвигу просвещения людей. Свет науки озарит тьму невежества, и воссияет правда человеческая. И ты будешь в числе

просветителей. Разве это не завидная участь, разве не радость для души? Как тогда в Крюзье, так и теперь повторяю тебе: вернись к магистру Петру, внимай его словам и учись прилежно. Помнишь, что сказал Жак-дровосек: «Выйдут вилланы на широкую дорогу, освещенную

Помнишь, что сказал Жак-дровосек: «Выйдут вилланы на широкую дорогу, освещенную солнцем свободы, навстречу новой и мирной жизни!» А я прибавлю: «Солнцем свободы и знания».

Не согласиться с отцом Гугоном Ив не мог. Священник встал и обнял Ива:

— Вот так-то будет лучше. А я, мой друг, уйду на время к братьям бенедиктинцам в монастырь под Орлеаном.

^ам многие знают меня и приютят. А когда в Крюзье появится новый владелец и отстроят новую деревню, я постараюсь вернуться туда. Если ты захочешь повидаться со мной, спросишь обо мне у магистра Петра, я буду сообщать ему и о моей жизни в монастыре, и о том, где искать меня, если уйду оттуда. А сейчас пойдем к бедной Жакелине. Я думаю, Сюзанна позаботилась уже убрать ее в последний путь. Пойдем и мы проводим ее к месту упокоения.

Как тогда, уходя в последний раз из Крюзье, Ив постоял у холмика свежей земли над могилой отца, так, уходя из орлеанского леса, он стоял на опушке у такого же холмика, под которым положили слепую Жакелину. Ив подумал, что порвалась еще одна и, может быть, последняя нить, связывавшая его с Крюзье. Да, нити все порваны и для него неизбежно должна начаться новая жизнь. Та, вехи которой указаны мудрым учителем его отцом Гугоном. Тем более, что удачное начало положено.

Оставаясь в деревне, он обречет себя на жалкое, полуголодное существование, рабское. А вооружившись знаниями, он завоюет себе место в жизни. Отец Гугон сказал: «И ты будешь в ряду просветителей». Разве это не достойная цель, открывающая «широкий и ясный путь в жизни»? Конечно, это так.

Уходил он ранним утром. Отец Гугон напутствовал благословением и словами о благополучном завершении всех намерений Ива, который со своей стороны обещал учителю добросовестно следовать его наставлениям. Ив обнял и крепко поцеловал доброго человека. Все вилланы пошли проводить Ива до опушки. Сюзанна и Проспер пошли дальше. С ними Ив распрощался на повороте дороги, у того холма, с которого они с Проспером день назад смотрели на рыцарский бой.

– Мы всегда будем помнить о тебе, Ив, – сказала Сюзанна. – Мы найдем тебя. – Найдем и увидимся! Счастливого пути!

– Не забывай и ты нас!

Они кричали вслед уходящему Иву и махали ему рукой. Ив обернулся и, сняв шляпу, помахал им в ответ.

Дорога круго сворачивала с холма и поднималась в гору. Пройдя несколько шагов, Ив

остановился, вглядываясь В сторону поля, где шел бой. В утренней дымке оно лежало пустое и серое. Над двумя краями его кружили черные вороны и слышался клекот ястреба. Отвернувшись, Ив перебросил мешок с одного плеча на другое и зашагал быстрее. Позади алела утренняя заря, перед ней отступала мгла, дальняя дорога и леса становились все светлее и светлее, и наконец первые лучи тихого дня позолотили их. Серебристыми пятнами заиграла меж ветел Эра, и безоблачное небо засияло прозрачной голубизной над раскинувшимся впереди радостным простором. Ив шел, изредка садясь отдохнуть на несколько минут, и снова шел. С холма, на который к полдню привела дорога, Ив увидел широкий луг и на нам виллана, правившего косу, за рощей – соломенную крышу деревянного дома, над ней – столбик синеватого дыма, а за ними – знакомую Орлеанскую дорогу.

Ив полной грудью вдохнул чистый воздух и сбежал по крутому склону холма.

Глава XXIII «ЖЕЛЕЗНАЯ ЛОШАДЬ»

Прошло пять лет.

В жаркий, безветренный июньский вечер последнего дня парижской ярмарки на Малом мосту происходила уборка. Служанки с метлами в руках поднимали пыль, сметая в реку мусор, скопившийся за несколько ярмарочных дней. В Сену сыпалось тряпье, черепки кувшинов, гнилые овощи, конский навоз, разломанные корзины и всякий другой хлам.

В этой густой пыли, посылая ко всем чертям торопливых уборщиц, уходили и уезжали собравшиеся со всех концов страны на парижскую ярмарку крестьяне с вьючными ослами, повозками и ручными тележками, купцы и труверы верхом на лошадях, со своими слугами, бродячие школяры и магистры, клирики и монахи, паломники, нищие и жонглеры, и между ними, конечно, городские мальчишки, шнырявшие в обе стороны с гиканьем, песнями, свистульками, бубенцами. Началось все это с утра и длилось до самых сумерек.

В таверне «Железная лошадь» с утра было полно народу, а к вечеру все меньше и меньше — торопились засветло добраться до своих деревень, до придорожных постоялых дворов или таверн, где можно было переночевать. Тускло горел фонарь, больше освещая потолок, чем самую таверну, где ог Стола к столу переходила женщина и собирала пустые кувшины и кружки, вытирала пролитое на столы вино. В темном углу у выходной двери, сидя на скамье, спал человек, положив голову на стол, заставленный пустыми кружками. Пестрое полосатое блио было изодрано, рваный грязный мешок на полу завязан узлами, с ним рядом — разбитая виола. Женщина подошла взять кружки и стала расталкивать спящего:

 Просыпайся, слышь! Скоро стемнеет, закроют ворота Малого замка. Хозяин не позволит тут ночевать.

Спавший приподнял голову и, глядя одним глазом на женщину, сказал:

– Мне позволит.

И снова опустил голову.

− О! Пустобрех!

Женщина загремела кружками и пошла прочь.

- В эту минуту дверь на мост распахнулась, вошли пять школяров и, громко разговаривая, уселись к столу. Один из них, оглядевшись, заметил спящего:
  - О–о! Готов! Смотрите! Жонглер!
  - Разбуди его, пусть споет нам что-нибудь!
  - Он не годится! И сам вдребезги, и виола вдребезги!
  - Черт с ним тогда!

И школяры принялись пить вино.

Следом за ними в таверну вошел старик, лысый, с белой щетиной давно не бритых щек, с длинным тонким носом, красным на кончике, в темной длиннополо[^] одежде с капюшоном. Он сел поодаль от всех и спросил кувшин вина. Пока служанка ходила за вином, старик

оглядел таверну и, увидев спящего за столом, стал пристально вглядываться. Когд[^] служанка ставила перед ним кружку и кувшин, он потянул**» ся к ней и тихо что-то спросил, кивнув в сторону спящего. Служанка улыбнулась, сделала жест руками, будто играет на виоле, и, состроив гримасу, махнула рукой: жонглер, мол, пустобрех. Старик в ответ ей тоже улыбнулся и закивал головой, после чего налил себе вина и принялся пить, словно позабыв обо всем на свете, в том числе и о спящем жонглере.

Школяры говорили все громче, то спорили, то смеялись, гремели кружками, стучали ими по столу – звали служанку, требовали еще вина.

- Выпьем за усопшего во господе нашего учителя магистра Петра, ведь он жил в этой таверне, предложи* один из школяров.
  - Выпьем! Выпьем!!
  - Чудаковат был покойник, но добряк!
- Я был тогда вместе с ним на том диспуте. Жаркий и долгий был у него спор с магистром Ансельмом из Корбейля, вы знаете этого болтуна и грубияна. Нагородил он всякой чепухи. Ну, магистр Петр и ответил ему: «Клянусь именем прародителя диалектики Аристотеля, ты ловок в диспуте и изощрен в диалектической науке, древо познания твоего с первого взгляда пышно, но, присмотревшись, вижу, что оно бесплодно!» Тут магистр Ансельм не утерпел и брякнул оскорбительное слово. Магистр Петр побелел от негодования, поднял руки, будто призывая небо в свидетели, хотел что-то крикнуть, но мы услышали только слабый и хриплый возглас: «Обманщик душ!» И, взмахнув руками, он упал замертво. Requiescat in pace! 105

Школяры встали и, подняв кружки, повторили хором!

- Re-qui-es-cat in pa-ce!

Из-за стойки вышел хозяин таверны и, по обычаю своему, рявкнул громогремящим голосом:

— Оэ! Вы! В «Железной лошади» не место для похоронных возгласов! Вам тут не кладбище!

От этого грома проснулся жонглер. А лысый старив закрыл ладонями уши и отвернулся. Когда же школяры объяснили, о ком у них шла речь, хозяин уселся рядом с ними и начал превозносить ум, доброту магистра Петра, приписывая ему все христианские добродетели:

– Он был красой и гордостью «Железной лошади»!., Жизель! – крикнул он служанке. – Кувшин гренадского!! Я хочу выпить с этими парнями за упокой души великого ученого!

Школяры вспоминали разные случаи чудачеств магистра Петра, его смешную вспыльчивость, а вместе с тем всегда справедливую оценку поведения своих учеников. Вспоминали и рассказы старших своих товарищей—школяров о случае кражи книги у какого-то школяра Ива из-под Шартра, любимого ученика, магистра Петра.

Жонглер вскочил и подошел к столу школяров, приложил руку к сердцу и воскликнул:

— О! Вы назвали имя, дорогое моему сердцу, имя моего лучшего друга — школяра Ива. Я знал его еще тогда, когда он впервые шел в Париж, и, поверьте, я должен без хвастовства сказать, что я вывел его из дремучего леса, где он заблудился, и тем спас его от верной гибели. Кроме того, благодаря мне он нашел приют в замке знатного сеньора, где я был менестрелем барона и где...

В это мгновение лысый старик что есть силы ударид кулаком по столу и встал:

– Врешь, подлый лгун!

Жонглер не растерялся и решил отшутиться:

- О! Брат Фромон? Какой счастливый ветер привел вас сюда?
- Да, Госелен, это я! Но ветер не счастливый для тебя привел меня сюда.

¹⁰⁵ Да почиет в мире (лат.).

Госелен сразу притих и попытался занять всех рассказом о том, как была разбита его виола, но Фромон перебил его:

– Уж не о твою ли голову разбила ее Агнесса д'Орбильи, когда прогоняла тебя из своего замка за какую-то кражу?

- Какая дама?! Какая кража?!

— Замолчи, наглец! Вот, парни, этот человек не достоин носить звание жонглера. Как может он воспевать честь и доблесть, когда сам он негодяй и трус! Да, да! Он виновник несчастий того, о ком вы сейчас вспоминали, — школяра Ива из-под Шартра. Какой он ему друг! А в замке, куда он привел Ива, тот нашел «приют» в подземелье, а этот вот молодчик, зная об этом, пальцем не шевельнул из трусости, чтобы помочь несчастному, которому только счастливая случайность помогла выйти из подземелья и бежать из замка.

Школяры, негодуя и грозя Госелену кулаками, прерывали слова Фромона:

– Подлец!

- Tpyc!

– Что же ты молчишь? Оправдывайся, если ты не виновен!!

Госелен сидел ни жив ни мертв, втянув голову в плечи, и видно было, как дрожит его подбородок. Он то и дело облизывал языком сохнущие губы, и наконец, когда возмущенные школяры стали угрожать ему расправой, он ухитрился схватить свою виолу и мешок и кинуться к двери.

– Лови его! Держи!! Держи!!

Трое из школяров бросились следом за Госеленом, и были слышны за дверью их выкрики.

Фромон расплатился с хозяином.

- Куда ты, старик? Оставайся, еще выпьем!
- Нет, благодарю, мне дорога дальняя, надо торопиться... И, кивнув всем, ушел.
   Скоро вернулись школяры. У одного рукава были засучены выше локтей, волосы растрепаны, он сел, отдуваясь:
  - Уф! Бежал, подлый, как заяц... Догнали и поучили... будет помнить...
- Интересно знать, что этот Ив не тот ли самый школяр, о котором во время войны говорила вся орлеанская округа?

Хозяин схватился за ус и намотал на палец:

– Он самый! Я знаю его. Он ходил сюда к магистру Петру. Он самый – школяр Ив

из-под Шартра.

- А где же он сейчас?
- Сейчас? Погоди... вспомню...

Хозяин сощурил глаза, размотал ус и хлопнул ладонью по столу:

- Он сейчас знаменитый магистр в Реймсе, вот где!
- Значит, Ив–школяр из орлеанского леса и известный реймский магистр Ив это один и тот же человек?!

Хозяин стал в торжественную позу, протянул руку вверх и, выпучив свои бычьи глаза, громыхнул басом:

– Не видать мне февраля месяца, если это не один и тот же человек! – Он ударил школяра по спине. – И прибавь: выкормленный мною жареными голубями и гренадским вином!

Школяры расхохотались и, расплатившись, шумной гурьбой вышли. Хозяин запер дверь на засов и, крикнув: «Жизель! Убирай!» – ушел. Служанка убрала посуду, вытерла стол, закрыла ставни, встала на скамью, открыла дверцу фонаря, дунула на светильник, и таверна «Железная лошадь» погрузилась в темноту. Правда ли, что Ив—школяр и магистр Ив – один и тот же человек? Кто знает... Хозяин

таверны поклялся, что это так, но ведь он был марселец.